

КНИГА II

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ В НЕ-АРИСТОТЕЛЕВЫ СИСТЕМЫ И ОБЩУЮ СЕМАНТИКУ

Аристотель уникален тем, что его последователи поклонялись не только его лучшим качествам, но также и его недостаткам, чего он никогда не делал в отношении кого-либо, живого или мертвого; за что и был не раз он порицаем – за непоклонение. (354) AUGUSTUS DE MORGAN¹

Имеется один очень важный факт, в отношении которого нельзя испытывать ни малейших сомнений, и состоит он в том, что ни одна из существующих дедуктивных теорий не имеет *какой-то одной* системы фундаментальных понятий и *какой-то одной* системы фундаментальных предпосылок; обычно имеются несколько равновозможных, то есть таких систем, из которых с одинаковой вероятностью можно правильно вывести все теоремы. . . . Данный факт очень важен, так как он показывает, что сами по себе не существуют ни *неопределяемые* понятия, ни *недемонстрируемые* предпосылки; они являются таковыми только относительно определенного принятого порядка, и прекращают (по крайней мере частично) быть таковыми, если принимается другой порядок. Это уничтожает традиционную концепцию *фундаментальных идей* и *фундаментальных истин*, фундаментальных в абсолютном и существенном смысле этого термина. (120) LOUIS COUTURAT

В этом направлении мы не стремимся к окончательности, ибо она, очевидно, недостижима. Всё, что мы можем сказать – процитировать одного ведущего аналитика: «данная точность достаточна для текущего момента». (23) E.T. BELL

В математике именно новые способы рассмотрения старых предметов кажутся наиболее обильными источниками перспективных открытий. (23) E.T. BELL

Первое покажет нам то, что изменения языка достаточно для того, чтобы обнаружить обобщения, доселе остававшиеся вне подозрений. (417) H. POINCARÉ

В итоге *всё, что ученый на самом деле создает – это язык, которым он это возвещает*. (417) H. POINCARÉ

Эта длинная дискуссия приводит нас к конечному выводу, что конкретные факты природы – это события, которые проявляют определенную структуру в своих взаимных отношениях и собственном определенном характере. Задача науки – выразить эти отношения между их характером в терминах взаимных структурных отношений между событиями, характеризуемыми таким образом. (573) A.N. WHITEHEAD

Мы прекращаем искать сходства; и в первую очередь посвящаем себя различиям, и среди этих различий мы сначала выбираем наиболее подчеркнутые, не только потому, что они являются наиболее явными, но и потому, что они оказываются наиболее поучительными. (417) H. POINCARÉ

Материалистическая теория обладает всей завершенностью средневекового мышления, у которого был полный ответ на все, будь то на небе, в аду или в природе. И она очень изящна – со своим мгновенным настоящим, своим исчезнувшим прошлым, своим несуществующим будущим и своей инертной материей. Эта изящность весьма средневекова, и мало соответствует жестоким фактам. (573) A.N. WHITEHEAD

Наличие аналогий между основными чертами различных теорий подразумевает существование общей теории, которая лежит в основе частных теорий и объединяет их в отношении этих основных черт.^{2*} E.H. MOORE

---

¹ Во избежание путаницы, имена авторов цитат оставлены в оригинальном их написании – прим. О.М.

² * Введение в форму Общего анализа. Издательство Йельского университета

Одного только авторитета человека или одного только авторитета факта самого по себе недостаточно. Вселенная в том виде, как она нам известна, является совместным проявлением наблюдателя и наблюдаемого; и каждый процесс открытия в естественной науке или других отраслях человеческого знания обретает наилучшую свою форму, когда находится в соответствии с этим фундаментальным принципом. (82) R. D. CARMICHAEL

Очевидно, что если мы примем эту точку зрения на концепции, а именно, что должное определение концепции дается не в терминах ее свойств, а в терминах реальных действий, то нам не придется бороться с опасностью столкнуться с необходимостью пересматривать наши суждения относительно природы. (55) P.W. BRIDGMAN

Утверждение о том, что факты непознаваемы – это оправдание своего личного невежества. Невежество, однако, может и не быть пороком. Оно им становится только тогда, когда индивидуум позволяет себе начать его оправдывать, *то есть* маскировать его, что в результате блокирует его способность пользоваться разумом, который бы в противном случае вполне мог бы разрешить поставленную перед ним задачу. (241) SMITH ELY JELLIFFE

Символ *A* не соответствует ничему такому, что было бы нам знакомо в обычной жизни. Ребенку буква *A* показалась бы ужасно абстрактной; поэтому мы вместе с ней даем ему какую-нибудь знакомую концепцию. «*A* – это Арбуз, полосатый снаружи и красный внутри». Это преодолевает трудность, которая у него сразу возникает; но он не сможет продолжать серьезный прогресс, если у него вокруг букв будут скакать и вертеться Арбузы, Бананы и Волки. Буквы абстрактны, и рано или поздно он должен это осознать. В физике мы уже выросли из рамок арбузно-банановых определений фундаментальных символов. И в ответ на вопрос о том, что же такое на самом деле электрон, мы можем только ответить: «Это часть азбуки физики». (149) A.S. EDDINGTON

Ни одна из ранее существовавших систем мышления не создала надлежащим образом работающей гипотезы, объясняющей, почему тому или иному человеку необходимо «подняться на три шага, или же страдать от запоров», «или принимать таблетки по три штуки за раз», или другие аналогичные симптомы, которые будут возникать у читателя, и которые в поразительном изобилии обнаруживаются во всех патологических случаях, будь то истерия, навязчивый невроз, фобия, шизофрения или еще что-то подобное. (241) SMITH ELY JELLIFFE

Тем временем Соня . . . продолжил: «...которые начинались с буквы П, вроде порошка, пара, памяти и порожнего – знаете как говорят, что вы переливаете из пустого в порожнее... Вы когда-нибудь видели как наливают из пустого в порожнее?»

«Ну, вот теперь вы меня спрашиваете», – сказала Алиса, она была явно в затруднении. – «Я не думаю...»

«Раз вы не можете думать, то и сказать вам нечего», – сказал Шляпник.^{3**} ЛЬЮИС КЭРРОЛ

4.1212 То, что *можно* показать, *нельзя* высказать. (590) L. WITTGENSTEIN

^{3**} Алиса в стране Чудес, (пер. Стариков).

ЧАСТЬ VII

О МЕХАНИЗМЕ ВРЕМЯСВЯЗЫВАНИЯ

Теоретических возражений против гипотезы о формировании новых физиологических маршрутов и новых соединений внутри полушарий мозга быть не должно. (394) I. P. PAVLOV

В данном месте представляется желательным четко указать на тот факт, что при использовании психоанализа мы работаем исключительно с методом сбора данных. Время от времени можно услышать мнение о том, что психоанализ – это чушь. Метод, или инструмент – это не чушь. (241) SMITH ELY JELLIFFE

Сигнальная деятельность полушарий постоянно корректируется и совершенствуется посредством внутреннего торможения. (394) I. P. PAVLOV

Мы здесь имеем дело с типами ассоциативной реакции, специфической для корковой системы, которая правильно противопоставляется безусловной аффективной реактивности таламуса, полезный анализ которой дал Head. (411) HENRI PIÉRON

Данный пример и прочие наблюдения предполагают, что постепенное развитие внутреннего торможения в коре должно использоваться для восстановления равновесия нормальных условий в случаях с неуравновешенной нервной системой. (394) I. P. PAVLOV

Самодовольный рационализм в результате становится разновидностью антирационализма. Он представляет собой случайную фиксацию некоего конкретного набора абстракций. (575) A.N. WHITEHEAD

. . . «ошибочность неуместной конкретики». . . состоит в пренебрежении степенью абстракции, связанной с действительной сущностью, и рассматривается исключительно в тех случаях, когда это может проиллюстрировать определенные категории мысли. (578) A.N. WHITEHEAD

В райском саду Адам увидел двух животных до того, как он дал им имена: по традиционной системе, дети получают имена для животных до того, как они их увидят. (575) A.N. WHITEHEAD

Отрицательное суждение – это вершина менталитета. (578) A.N. WHITEHEAD

ГЛАВА XXIV ОБ АБСТРАГИРОВАНИИ

. . . быть абстрактной сущностью не означает быть ничем. Это просто означает, что ее существование является лишь одним фактором некоего более конкретного элемента природы. (573) A. N. WHITEHEAD

Когда Аристотель строил свои теории, в его распоряжении, кроме его личной одаренности, было также хорошее образование в соответствии с теми временами и с наукой, которая существовала в 400-300 годах до нашей эры. Даже в те времена греческий язык представлял собой довольно сложное явление. Аристотель и его последователи просто принимали его как данность. Проблемы структуры языка и ее влияния на *с.р.*⁴ пока не поднимались. Для них тот язык, которым они пользовались, был языком уникальным. И когда я использую слово «уникальный», я имею в виду что-то связанное с конкретным языком, таким как *греческий*; я имею в виду только его структуру, которая была в значительной степени сходной с другими национальными языками данной группы. Аристотель унаследовал язык очень древний, рожденный во времена, когда знание было весьма поверхностным. Будучи проницательным наблюдателем и обладая научными и методологическими склонностями, он принимал этот язык как данность, и систематизировал способы высказывания. Эта систематизация называлась «логикой». Примитивная структурная метафизика, лежавшая в основе унаследованного им языка и выраженная в его структуре, стала также «философским» основанием его системы. Субъектно-предикатные формы, отождествляющее «есть»⁵ и элементаризм⁶ А-системы, возможно, являются главными семантическими факторами, которые нужно пересмотреть, поскольку они, как обнаруживаются, порождают неудовлетворительность данной системы и олицетворяют механизм семантических расстройств, делая невозможными общую адаптацию и психическое здоровье. Эти доктрины дожили до наших дней, и посредством механизма языка эти факторы семантических расстройств навязываются нашим детям. Тем самым кладется начало целой процедуре обучения будущих поколений бредовым ценностям.

Поскольку на тот момент работа Аристотеля была наиболее высокоуровневой и «научной», то она вполне естественным образом получила широкое влияние. В те дни никто не говорил об этом влиянии как о «лингвистическом» влиянии, включающем в себя *с.р.* О работе Аристотеля говорили и продолжают говорить как о «философии», и в основном речь идет о влиянии А «философии», а не об А структуре языка и его семантическом влиянии.

Как мы уже видели, когда мы формулируем какую угодно предпосылку, срабатывают наши убеждения, или метафизика, которая по умолчанию работает в форме структурных предположений и наших неопределяемых терминов. Использование терминов, которые не могут быть определены более простыми терминами, на данный момент является существенным и, по видимому, неизбежным моментом.

Когда наши примитивные предки строили свой язык, то они совершенно естественным образом начали с наинизших порядков абстракций, которые наиболее непосредственно связаны с

⁴ 1) «с.р» без точки после второго сокращения – так у А.К. в оригинале. – О.М.

2) Наиболее четкое определение данного ключевого термина **общесемантики** («О-с»), **семантическая реакция**, можно найти на стр. 19-34 первой книги, данный отрывок взят со стр. 24:

Рабочий инструмент психофизиологии обнаруживается в *семантической реакции*. Ее можно описать как психологическую реакцию данного индивидуума на слова, язык и другие символы и события *в связи с их смыслом*, и психологические реакции, которые *становятся смыслами и конфигурациями отношений* в тот момент, когда данный индивидуум начинает анализировать их, или кто-то другой делает это за него. Крайне важно осознать, что термин «семантический» является *нон-элементалистским*, поскольку он совмещает в себе как «эмоциональные», так и «интеллектуальные» факторы.

⁵ The identity of 'is'.

⁶ **Элементаризм**: словесное разделение на отдельные понятия, сущности или предметы того, что невозможно разделить эмпирически или физически, например «пространство и время», «тело и ум». (Оксфордский словарь английского языка, 1989)

внешним миром. Они основали язык «ощущений». Подобно детям, они отождествляли свои чувства с внешним миром, и персонифицировали большинство внешних событий.

Эта примитивная семантическая склонность привела к построению языка, в котором отождествляющее «есть» является фундаментальным. Увидев животное и назвав его «собакой», а потом увидев другое, примерно напоминающее первое, мы говорим, ничтоже сумняшеся, «это (есть) собака», забывая или не зная о том, что объективный уровень несловесен, и что мы всегда имеем дело с абсолютно индивидуальными объектами, каждый из которых уникален. Соответственно, механизм отождествления, или перепутывания порядков абстракций, который естественен на очень примитивной стадии развития человека, становится систематизированным и структурно включается в его наиболее важный и повседневно используемый инструмент под названием «язык». Взаимодействуя с множеством *объектов*, они дали им имена. Эти имена были «действительностями». Они построили «существительные», говоря грамматически, для других чувств, которые существительными не являются («цвет», «жар», «душа», ⁷). Делая суждения по абстракциям низшего порядка, они построили прилагательные, и создали совершенно антропоморфную картину мира. Говоря о говорении, давайте с самого начала будем четко осознавать, что, когда мы делаем простейшее утверждение любого вида, это утверждение уже предполагает наличие некоего рода структурной метафизики. Ранние смутные чувства и первобытные суждения о структуре этого мира, основанные на примитивных и поверхностных научных данных, влияли на построение языка. Как только язык был построен, и, особенно, систематизирован, эта примитивная структурная метафизика и эти *с.р* стали проецироваться, или отражаться, во внешний мир – и эта процедура стала привычной и автоматической.

Был ли такой язык структурно надежным и безопасным? Если провести эксперимент, то можно легко убедиться, что нет. Возьмем три ведра воды; первое с водой температурой 10° Цельсия, второе – 30°, а третье – 50°. Поместим левую руку в первое ведро, а правую – в третье. Если теперь вынуть левую руку из первого ведра и поместить ее во второе, то мы почувствуем приятное *тепло* воды во втором ведре. Но, если мы вынем правую руку из третьего ведра и поместим ее во второе, то мы заметим, какая *холодная* в нем вода. Температура воды во втором ведре в обоих экспериментах была практически одной и той же, но наши чувства отметили заметную разницу. Отличие «чувства» зависит от предыдущих условий, в которых находились наши исследуемые руки. Таким образом мы видим, что язык «ощущений» не является очень надежным, и что мы не можем на него полагаться в общих целях исследований.

Как насчет термина «собака»? Количество индивидуумов, с которыми вы можете быть знакомы напрямую, с необходимостью ограничено и обычно невелико. Предположим, вы имели дело только с добродушными «собаками», и ни разу ни одна из них вас не кусала. Далее вы видите некое животное; вы говорите: «Это (есть) собака»; ваши ассоциации (отношения) не предполагают вероятность укуса; вы приближаетесь к этому животному и начинаете с ним играть, и оно вас кусает. Было ли это утверждение о том, что «это собака», безопасным? Очевидно, нет. Вы приближались к этому животному, имея семантические ожидания и *оценку* в соответствии со своим устным определением, но были укушены несловесным, невысказываемым объективным уровнем, который обладал другими характеристиками.

Судя по нынешним стандартам, знание в дни Аристотеля было весьма скудным. 2300 лет назад было сравнительно просто подытожить немногие известные факты, и таким образом построить обобщения, которые бы покрыли это небольшое их количество.

Если мы попытаемся построить *A*-систему от 1933 года, сможем ли мы избежать тех трудностей, которые окружали Аристотеля? Ответ состоит в том, что некоторые трудности вполне устранимы, но другие встроены в структуру человеческого знания и по этой причине не могут быть полностью обойдены. Однако мы можем изобрести новые методы, с помощью которых вредоносное семантическое влияние этих ограничений можно успешно ликвидировать.

---

⁷ Это не опечатка. Знаки ‘,.’ или ‘.’, в зависимости от положения в предложении, А.К. использовал для сокращенного обозначения «и так далее, и тому подобное» – прим. О.М.

Невозможно аннулировать тот факт, что мы должны начать с неопределяемых терминов, которые выражают безмолвные структурные убеждения, или метафизику. Если мы явным образом изложим наши неопределяемые термины, то, по крайней мере, мы сделаем нашу метафизику осознанной и публичной, и тем самым будем способствовать критике, сотрудничеству, . Современные неопределяемые научные термины, такие как «порядок», например, лежат в основе точных наук и нашего мировоззрения вообще. Мы должны начать с этих неопределяемых терминов, а также с современного структурного мировоззрения в том виде, как оно дается наукой в 1933 году. Это улаживает важный семантический вопрос касательно нашей структурной метафизики. Вряд ли стоит подчеркивать то, что для такого класса жизни, как человек, у которого убеждения всегда характеризуются датировкой, она *обязана* всегда иметь индекс, показывающий дату. Ради обеспечения психического здоровья, убеждения, используемые в 1933 году, должны быть связаны именно с 1933 годом.

Теперь что касается *структуры* нашего языка. Какую структуру следует нам придать нашему языку? Следует ли сохранить старую структуру, со всеми ее примитивными подтекстами и соответствующими им *с.р.*, или же намеренно построить новый язык с новой структурой, который будет нести в себе новые современные подтексты и *с.р.*? Представляется, что тут есть лишь один разумный выбор. Для *A*-системы мы должны построить новый язык. Самое меньшее, что нужно сделать – это отказаться от отождествляющего «есть». Мы уже видели, что существует отличная замена в виде языка действий, поведения, оперирования, функционирования. Язык такого типа связан с современными асимметричными подтекстами в отношении «порядка», и в нем исключено отождествляющее «есть», которое всегда вводит ложную оценку.

К этим фундаментальным начальным моментам нужно добавить принцип того, что наш язык должен иметь *нон-эл* (неэлементалистскую) структуру. С этими *минимальными* семантическими требованиями, можно двигаться далее.

Давайте возьмем любой объект из нашей обычной жизни, скажем, тот, что мы обычно называем «карандаш», и кратко проанализируем наше нервное отношение к нему. Мы можем его увидеть, потрогать, понюхать, попробовать на вкус, . и использовать разными способами. Является ли какое-либо из только что упомянутых отношений «всеобъемлющим», или наше знакомство посредством любого из них является лишь *частичным*? Очевидно, любой из этих каналов дает такое знакомство с этим объектом, которое не только *частичное*, но также и *специфически связанное* с теми нервными каналами, которые при этом задействуются. Например, когда мы смотрим на объект, мы не получаем его запаха или вкуса, мы получаем только визуальные стимулы, .

Если тот объект, который мы называем «карандаш», лежит на поверхности этой книги и мы смотрим на него на этой поверхности в направлении, перпендикулярном его длине, то обычно мы увидим продолговатый объект, заостренный с одного конца. Но если посмотреть на него под прямым углом к этому направлению наблюдения, так, чтобы поверхность бумаги была к нам ребром, то мы увидим диск. Это грубая иллюстрация, но она показывает то, что знакомство, получаемое через конкретные каналы (например, зрение) также *частичны* в другом смысле; что оно меняется в зависимости от положения, . каждого конкретного наблюдателя, Иванова⁸, или камеры.

Более того, любой выбранный канал обеспечивает *разным* наблюдателям разную ознакомленность. То есть, зрение показывает карандаш одному наблюдателю, Иванову, как заостренную палочку, а другому, Петрову – как диск. Чувства, получаемые через другие рецепторы, точно также зависят от множества условий; и различные наблюдатели получают различные впечатления. Это хорошо демонстрируется известной сказкой про пятерых слепых и слона.

По причине отличий в чувствительности рецепторов Ивановых и Петровых (частичная цветовая слепота, астигматизм, дальновзоркость, .), любой конкретный канал ознакомления (напри-

---

⁸ У А.К. использованы типичные английские фамилии, типа «Смит», «Джонс», . Я рискнул взять на себя право адаптировать перевод к отечественным реалиям. – О.М.

мер, зрение) дает разным наблюдателям разные результаты наблюдения одного и того же объекта. Ознакомление, соответственно, является личным и индивидуальным.

Опять же, результаты наблюдения, полученные через конкретные каналы, подвержены влиянию результатов, которые уже проходили по данному каналу. Тому, кто нечасто видел деревья, ель и сосна не покажутся разными. Для него и то и другое будет просто «хвойным деревом». Если же получить должную тренировку, то тот же самый индивидуум позже, скажем, сможет различать четыре разновидности елей. Благодаря этому фактору опыта, *реакция* каждого индивидуума на подобные внешние стимулы является индивидуальной. Мы можем только *соглашаться* по поводу цветов, форм, расстояний, игнорируя тот факт, что воздействие «одного и того же» стимула является различным для различных индивидуумов. Кроме того, у нас нет точного способа сравнить наши впечатления.

Также есть фактор «времени», проявляющийся в том, что мы не можем ознакомиться с нашим карандашом *одновременно со всех сторон*. Мы также не можем наблюдать внешнюю форму и внутреннюю структуру «одновременно». Мы можем даже полностью пренебречь изучением внутренней структуры. Еще более важен тот факт, что все наши средства вместе взятые дают нам только лишь *частичное* и личное ознакомление с «карандашом». Мы постоянно изобретаем экстранейральные⁹ средства наблюдения, которые обнаруживают новые характеристики и более тонкие детали. И этот процесс никогда не завершается. Никто никогда не может приобрести «полную» ознакомленность даже с таким простым объектом, как карандаш. Химия, физика, применение множеств, предлагают другие области ознакомления, и их можно бесконечно расширять. Природа неистощима; события обладают бесконечным числом характеристик, и это обеспечивает богатство и бесконечное число возможностей в природе.

Я намеренно применил слово «ознакомление», потому что оно довольно туманно, и, по крайней мере на данный момент, *эл* игра на словах не испортила данного термина. В данном анализе мне пришлось по возможности максимально избегать *эл* терминов «чувства» и «ум». Если вспомнить пример с бумажной розой и случаем сенной лихорадки, то можно осознать, что термины «чувства» и «ум» ненадежны, особенно в отношении людей. Еще один пример, который не следует забывать – это эксперимент с газетными заголовками, который также ранее описывался.

Мы можем добиться лучшей ознакомленности с объектом, исследуя его самыми различными способами, строя самостоятельно различные картины, каждая из которых частична, и обеспечивая прямой или косвенный контакт с разными нервными центрами. В этих исследованиях разные нервные центры обеспечивают собственные *специфические* отклики на разные стимулы. Другие более высокие нервные центры подытоживают их, исключают слабые подробности, и таким образом постепенно наша ознакомленность становится более полной, при этом оставаясь *конкретной* и *частичной*, и становятся важными семантические проблемы *оценки, значения*.

Если мы попытаемся выбрать термин, который бы структурно описал те процессы, которые являются существенными для нашей ознакомленности с данным объектом, то нам нужно выбрать термин, который подразумевает «не-всеобщность» и конкретность реакции на стимулы.

Если мы перейдем от такого примитивного уровня на уровень 1933 года, и зададимся вопросом о том, что мы на самом деле знаем об объекте и структуре его материала, то обнаружим, что в 1933 мы уверенно можем сказать, что внутренняя структура материалов весьма *отличается* от того, что мы могли получить через свои грубые «чувства» на макроскопическом уровне. Оказывается, она обладает динамическим характером и крайне тонкой структурой, которую не может проявить ни свет, ни нервные центры, на которые он воздействует.

То, что мы видим, структурно представляет собой лишь конкретный *статистический массовый эффект* событий на гораздо более мелкомасштабном уровне. Мы видим именно это потому, что не улавливаем никаких более тонких деталей. Для наших целей обычно достаточно пользоваться при этом только зрением; это упрощает описание, хотя все те же самые комментарии можно применить и к другим «чувствам», хоть и в разной степени.

⁹ Экстранейральный (extraneural): находящийся за пределами нервной системы – прим. О.М.

В 1933 году в нашем человеческом хозяйстве нам нужно принимать в расчет как минимум три уровня. Первый – это субмикроскопический уровень науки, то, что «знает» наука об «этом». Второй – это крупномасштабный макроскопический, наше повседневное восприятие грубых объектов. Третий – это словесный уровень.

Мы также должны оценивать важность семантического вопроса; а именно, относительную важность этих трех уровней. Мы уже знаем, что для того, чтобы ознакомиться с объектом, нужно не только исследовать его со всех возможных точек зрения и ввести его в контакт с как можно большим количеством нервных центров, поскольку это является существенным условием для «знания», но также нельзя забывать о том, что наши нервные центры должны подытожить эти различные частичные, абстрагированные, конкретные картины. У класса жизни «человек» мы обнаруживаем новый фактор, который отсутствует у всех других форм жизни; а именно, что у нас есть способность собирать весь известный опыт различных индивидуумов. Эта способность чрезвычайно увеличивает количество наблюдений, которые могут быть доступны отдельному индивидууму, благодаря чему наша ознакомленность с миром вокруг и внутри нас становится более совершенной и точной. Эта способность, которую я назвал «способностью к времясвязыванию», возможна, в отличие от животных, только благодаря тому, что мы развили и усовершенствовали экстранейральные средства, посредством которых, не изменяя свою нервную систему, мы можем оттачивать ее работу и расширять ее охват. Наши научные инструменты записывают то, что мы обычно не можем видеть, слышать, . Наши нервные словесные центры позволяют нам обмениваться опытом и накапливать его, несмотря на то, что никто не может пережить его весь целиком; и он бы очень быстро забывался, если бы у нас не было нервных и экстранейральных средств для его записи.

Опять же, организм работает как целое. Все виды человеческой деятельности взаимосвязаны. Невозможно выбрать конкретную характеристику и обращаться с ней в бредовом эл «изолированном» виде как с чем-то наиболее важным. Наука становится экстранейральным дополнением *человеческой* нервной системы. Можно ожидать, что структура этой нервной системы многое объяснит в отношении структуры науки; и наоборот, что структура науки, возможно, есть воплощение способа работы человеческой нервной системы.

Этот факт несет очень большую семантическую важность, и обычно его недостаточно хорошо подчеркивают или анализируют. Если принять в расчет эти неопровержимые факты, то обнаружим, что уже достигнутые результаты являются совершенно естественными и необходимыми, и мы лучше поймем, почему индивидуума нельзя считать полностью душевно здоровым, если он совершенно невежественен касательно *научного метода* и структуры, и по этой причине сохраняет примитивные *с.р.*

Для теории душевного здоровья важны все три уровня. Наши «чувства» проявляют именно такие реакции потому, что они соединены как целое в одну живую структуру, которая обладает потенциалом и способностями к языку и науке.

Если задаться вопросом о том, что мы *делаем* в науке, то обнаружится, что мы безмолвно «наблюдаем», а потом записываем наши наблюдения *словами*. С нейрологической точки зрения, мы абстрагируем всё, что мы сами и наши инструменты могут получить; затем мы подытоживаем; и, наконец, мы обобщаем, под чем имеется в виду продолжение процессов абстрагирования.

Осуществляя «ознакомление» с обычными объектами в жизни, мы, по сути, поступаем подобным же образом. Мы абстрагируем всё, что можем, и, в соответствии с уровнем интеллекта и информированности, подытоживаем и обобщаем. С психофизиологической точки зрения, невежественный означает нейрологически ущербный. Однако «знание» или «убеждение» в том, что противоречит фактам – это еще более опасное состояние, которое сродни бреду, как учит нас психиатрия и наш повседневный опыт.¹ Относиться к науке как к чему-то «изолированному» и игнорировать ее психофизиологическую роль – это нейрологическое заблуждение.

При построении нашего языка подобный же нейрологический процесс становится очевидным. Если мы рассмотрим ряд различных индивидуумов, которых мы можем назвать Иванов, Петров, Сидоров, , то, процессом абстрагирования характеристик, мы можем подразделить этих

индивидуумов по цвету или размерам. ; затем, сосредоточившись на одной характеристике и отбросив другие, мы можем построить классы, или высшие абстракции, такие как «белые», «черные», . Абстрагируя далее, мы можем отбросить и цветовые отличия. , и в конце концов добраться до термина «человек». Это общая процедура.

Антропологические исследования ясно демонстрируют, что степень «культурности» примитивных народов можно измерить порядком абстракций, которые они производят. Особенной характеристикой примитивных языков является огромное количество названий для отдельных объектов. У некоторых первобытных рас есть названия для сосны и дуба. , но нет слова «дерево», которое является более высокой абстракцией для «сосен», «дубов», . У некоторых других племен есть термин «дерево», но нет следующего уровня абстракции, такого как «лес». Нет необходимости снова говорить о том, что высшие абстракции представляют собой крайне *удобные* способы. Они позволяют значительно экономить, и тем самым способствуют взаимному пониманию, обеспечивая возможность в краткой формулировке описать весьма обширные предметы.

Давайте рассмотрим примитивное утверждение «Я видел дерево₁», после которого дается описание его индивидуальных характеристик, потом «Я видел дерево₂», с детальным индивидуальным описанием. , где дерево₁, дерево₂. , означают названия конкретных деревьев. Если интересующее нас событие произошло где-то, где имеется сотня деревьев, то для достаточно хорошего наблюдения этих отдельных деревьев потребуется много времени, и еще больше его потребуется для формулировки примерного их описания. Такой подход неудобен, *в принципе бесконечен*; этот механизм громоздок и связан с множеством *неуместных* характеристик; и невозможно при этом выразить то, что может быть *важно*, несколькими словами. Прогресс будет тормозиться; общий уровень развития такого рода или индивидуума будет низким. Следует заметить, что тут возникает проблема *оценки*, которая сразу же подразумевает множество очень важных психологических и семантических процессов. Нечто подобное можно также сказать об абстрагировании у детей, «умственно» неполноценных взрослых и некоторых «умственно» больных.

Действительно, как уже известно читателям моей книги «*Зрелость человечества*» (*Manhood of Humanity*), «класс жизни человек» главным образом отличается от «животных» быстрыми темпами прогресса посредством быстрых темпов накопления прошлого опыта. Это возможно только в том случае, когда выработаны удобные средства общения; то есть, когда вырабатываются все более и более высокие порядки абстракций.

Все научные «законы» и другие обобщения высшего порядка (даже отдельные слова) представляют собой именно такие удобные способы, и олицетворяют абстракции очень высокого порядка. Они обладают уникальной важностью, потому что они ускоряют прогресс и способствуют дальнейшему подытоживанию и абстрагированию из результатов, достигнутых другими. Естественно, этот процесс абстрагирования имеет также уникальные практические последствия. Когда химические элементы считались «постоянными» и «неизменными», наши физика и химия оставались довольно неразвитыми. С приходом высших абстракций, таких как монистические и общие динамические теории всей «материи» и «электричества», теории единого поля. , творческая свобода в науке и контроль над «природой» в огромной степени возросли, и будут расти далее.

Психиатрия, как представляется, также дает подтверждения того, что «умственные» заболевания связаны либо с остановкой развития или с регрессией на филогенетически более древние и более примитивные уровни, каждый из которых, конечно, связан с более низкими порядками абстрагирования. Для теории душевного здоровья четкое различие между «человеком» и «животным» становится обязательным моментом. Для «человека» отсутствие знания об этом различии может привести к копированию животных, что представляет собой семантическую *регрессию* и в конце концов превратится в «умственное» заболевание.

Хотя организмы осуществляли ознакомление с объектами в течение многих сотен или тысяч миллионов лет, высшие абстракции, характерные для «человека», имеют возраст лишь в несколько сотен тысяч лет. В результате этого нервные цепи обладают естественной склонностью

выбирать более древние, более «наезженные» нервные пути. Образование должно противодействовать этой тенденции, которая, с *человеческой* точки зрения, представляет собой регрессию или недоразвитость.

На данный момент нам уже понятно, насколько важно для $\bar{A}$ -системы отказаться от старых подтекстов и принять новый язык действия, поведения, оперирования и функционирования. На нейрологическом уровне нервная система *делает* абстрагирование, а подытоживание, интеграция, , являются лишь его аспектами. Поэтому я выбрал термин *абстрагирование* в качестве фундаментального.

Стандартное значение слова «абстрагировать», «абстракция» подразумевает «выбор», «вынимание», «отделение», «подытоживание», «выведение», «устранение», «опускание», «разделение», «убирание», «очищение» и прилагательное тут будет «неконкретный». Мы видим, что термин «абстрагирование» подразумевает, структурно и семантически, деятельностьную характеристику нервной системы, и поэтому служит отличным *функциональным физиологическим* термином.

Есть и другие причины, по которым термин «абстрагирование» сделан фундаментальным, которые важны с *практической* точки зрения. Невозможно легко избавиться от плохой привычки посредством создания новой семантической противореакции. У каждого из нас есть нежелательные, но тщательно закрепленные *языковые привычки* и *с.р*, которые стали почти автоматическими, и перегружены бессознательной «эмоциональной» оценкой. Именно по этой причине новые «нон-системы» поначалу так крайне трудно приобрести. Прежде чем мы сможем приобрести новую *с.р*, нужно разрушить старые структурные привычки. $\bar{E}$ геометрия или $\bar{N}$ системы не являются более трудными, чем старые системы. Может быть, они даже более просты. Главная семантическая трудность для тех, кто привык к старому, состоит в разрушении старых лингвистических привычек и в новом обретении гибкости и восприимчивости чувств, и в приобретении новых *с.р*. Подобные же замечания еще в большей степени относятся к $\bar{A}$ -системе. Большинство из нас весьма мало *напрямую* работает с $\bar{E}$ или $\bar{N}$ системами (хотя косвенно все мы очень даже на них завязаны). Но каждый из нас проживает свою реальную жизнь в мире людей, который все еще остается отчаянно A . По этой причине $\bar{A}$ -система, независимо от того, насколько полезной она могла бы быть, в большой степени калечится старыми семантическими блокировками.

При построении такой системы это естественное сопротивление или живучесть старых *с.р* нужно принимать в расчет и по возможности ему противодействовать. Одна из наиболее опасных привычек, которые мы приобрели «эмоционально» из старого языка – это чувство «всеобщности», «конкретности» в отношении отождествляющего «есть» и элементаризма. Одним из главных моментов современной $\bar{A}$ -системы является первоочередное полное устранение из наших *с.р* этой «всеобщности» и «конкретности», ибо и то и другое никак не обоснованы структурно и приводит к отождествлению, абсолютизму, догматизму и прочим семантическим расстройствам. Обычно термин «абстрактный» является контрастом для «конкретного», и связывается с неким смутным чувством «всеобщности». Установив в качестве фундаментального термин *абстрагирование*, мы утверждаем наиболее эффективную семантическую контрреакцию, замещая более старые термины, которые обладали вредоносными структурными подтекстами. Действительно, принять термин «абстракции различных порядков» сравнительно легко, и каждый, кто это сделает, увидит, насколько больше ясности и семантического равновесия он приобретет автоматически.

С *нон-эл* точки зрения термин «абстрагирование» также очень хорош. Структура нервной системы представляет собой упорядоченные уровни, и все уровни работают, абстрагируя данные от других уровней.

Этот термин подразумевает общую деятельность, не только деятельность нервной системы как целого, но даже всей живой протоплазмы, как это уже объяснялось. Характерная деятельность нервной системы, такая как подытоживание, интегрирование, , также включены в область его значения.

Если мы хотим использовать наши термины строго *нон-эл* способом, нужно отказаться от прежнего деления на «физиологические абстракции», которое подразумевало «тело», и «умственные абстракции», что, в свою очередь, подразумевало «ум», и то и другое в *эл* смысле. И мы можем это легко сделать, постулируя абстракции различных порядков. Следует обратить внимание на то, что такое использование термина «абстрагирование» отличается от старого способа его использования. Семантическое отличие состоит в объединении всех абстракций, которые выполняет наша нервная система, в одном термине, и в различении между различными абстракциями по их порядку, что является функционально и структурно оправданным.

Термин «абстракции первого порядка» или «абстракции низшего порядка» не разделяет «тело» и «ум». *На практике* это примерно соответствует «чувствам» или непосредственным восприятиям, только не подразумевается, что при этом *исключается* «ум». Точно также термин «абстракции высших порядков» не исключает «тело» или «чувства», хотя он примерно соответствует «умственным» процессам.

С точки зрения «порядка», термин «абстрагирование» имеет множество плюсов. Мы видели, насколько серьезной структурной и семантической важностью обладает термин «порядок», и то, как деятельность нервной системы можно выразить в понятиях порядка. Если мы установим термин «абстрагирование» как фундаментальный для его *общих* семантических коннотаций, то мы сможем легко сделать значения более определенными и конкретными в каждом случае, получив «абстракции различных порядков».

Мы также видели, что выбираемые нами термины должны подразумевать вовлечение окружения: нетрудно видеть, что термин «абстрагирование» подразумевает «абстрагирование из чего-то», и таким образом включает в себя окружение как коннотацию.

В этой работе термин «абстракции разных порядков» так же фундаментален, как термин «времясвязывание» в более ранней работе автора «*Зрелость человечества*». Соответственно, невозможно изложить его суть исчерпывающим образом на данной стадии; мы будем дополнять это определение всё больше и больше по мере продвижения.

Но мы уже пришли к некоторым важным семантическим результатам. Мы сделали выбор нашей структурной метафизики и решили, что в 1933 году нам следует принять метафизику 1933, которая дается *исключительно* наукой. Мы решили отказаться от противоречащего фактам отождествляющего «есть» и использовать вместо него наилучший доступный язык; а именно, язык действий, поведения, функций и оперирования, основанный на «порядке». И наконец, мы нашли термин, который является функционально удовлетворительным и обладает правильными структурными и нейральными коннотациями, и представляет собой *нон-эл* термин, значения которого можно расширять и уточнять до бесконечности, назначая им различные порядки.

При переходе к общенаучному мировоззрению, подобные структурные замечания относятся также к *нон-эл* точке зрения, и семантически они столь же важны. Вследствие *нон-эл* характера работы авторов по темам эйнштейновской и новой квантовой теорий, в данной работе эти материалы широко используются. Имеется заметный структурный, методологический и *семантический* параллелизм между всеми современными *нон-эл* начинаниями, которые крайне эффективны психо-логически. Более подробно это изложено в Частях IX и X.

Итак, возвращаясь к анализу объекта, который мы назвали «карандаш», мы наблюдаем, что, вопреки всем «сходствам», данный объект уникален, отличен ото всего остального и обладает *уникальным* отношением со всем остальным миром. Следовательно, надо присвоить данному объекту *уникальное название*. К счастью, мы уже ознакомились с тем способом, который избрели математики для обозначения бесконечного набора отдельных названий без необходимости расширения словарного запаса. Если мы назовем данный карандаш «карандаш₁», то другой подобный объект можно назвать «карандаш₂», . Таким образом мы создадим индивидуальные названия и сможем учесть при этом *различия*. Сохранив основное корневое слово «карандаш», мы сохраним коннотации повседневной жизни, а также идею о *сходствах*. Привычка в применении такого способа обладает крайней важностью в структурном и семантическом отношении. Уже не раз подчеркивалось то, что наше абстрагирование физических объектов или ситуаций происходит посредством опускания, пренебрегания или забывания, и что эти отброшенные ха-

рактические характеристики обычно приводят к ошибкам в оценке, порождающим жизненные катастрофы. Если мы приобретем эту экстенциональную привычку использовать конкретные названия для уникальных индивидуумов, то мы станем осознанными не только в отношении сходств, но также и в отношении различий, а эта осознанность является одним из механизмов, способствующих надлежащей оценке и тем самым предотвращающих или устраняющих семантические расстройства.

Итак, теперь перед нами есть уникальный объект, который мы называем уникальным названием «карандаш₁». Если мы зададим вопрос о том, что может наука 1933 года сказать об этом объекте, то обнаружим, что этот объект представляет собой структурно крайне сложный динамический процесс. Для наших *интуитивных* целей совершенно неважно, принимаем ли мы то, что данный объект состоит из атомов, а атом состоит из вертящихся электронов, или мы принимаем более новую квантовую теорию, которая описана в Части X, в соответствии с которой атом определяется в терминах «электронов», но «электроном» является область, в которой некие волны взаимно усиливаются, а не какой-то «кусочек» чего-то. С нашей точки зрения неважно, обладают ли эти атомы конечным размером или они распространяются в бесконечность и заметны для нас только в тех областях, где эти волны взаимно усиливаются. Естественно, эта последняя гипотеза обладает сильной семантической привлекательностью, поскольку она при проработке способна описать множество других фактов, таких как «полнота», на *нон-эл* языке; но, вероятно, это сделало бы необходимо постулирование неких субэлектронных структур.

Для наших *с.р* важно то, что мы осознаем факт того, что крупные макроскопические материалы, с которыми мы знакомы, *не* являются только тем, что мы видим, ощущаем, но представляют собой динамические процессы с весьма тонкой структурой; и что мы, кроме того, осознаем, что наши «чувства» не приспособлены для регистрации этих процессов без помощи экстранейральных средств и абстракций высших порядков.

Давайте в этой связи вспомним знакомый пример с вращающимся вентилятором, который сделан из радиальных лопастей, при вращении с определенной скоростью производящих впечатление *сплошного диска*. В этом случае «диск» не является «реальностью», а представляет собой нервную интеграцию, или абстракцию из вращающихся лопастей. Мы не только видим «диск» (*b*) там, где его нет, но, если лопасти вращаются достаточно быстро, мы не сможем пробросить через них песок, потому что песок будет лететь слишком медленно, и отбиваться одной из лопастей.

Этот «диск» представляет собой *совместное явление* вращающихся лопастей (*a*) и абстрагирующей силы нашей нервной системы, которая регистрирует только крупные макроскопические аспекты и медленные скорости, но *не* более мелкомасштабную деятельность или более тонкие уровни. Мы не можем винить «конечный ум» за неспособность регистрировать отдельные лопасти, поскольку физические инструменты могут вести себя подобным образом. Например, иллюстрации (*a*) и (*b*) являются фотографиями небольшого вентилятора, который я использую на лекциях, и фотокамера тоже не запечатлела вращающихся лопастей, а выдала изображение «диска», на рис. 1b.

Для наших целей можно предположить, что нечто примерно похожее происходит и в том, что мы называем «материалами». Они состоят из неких динамических мелких процессов, подобных «вращающимся лопастям» из нашего примера; и то, что мы регистрируем – это «диск», будь то стол, стул или мы сами.

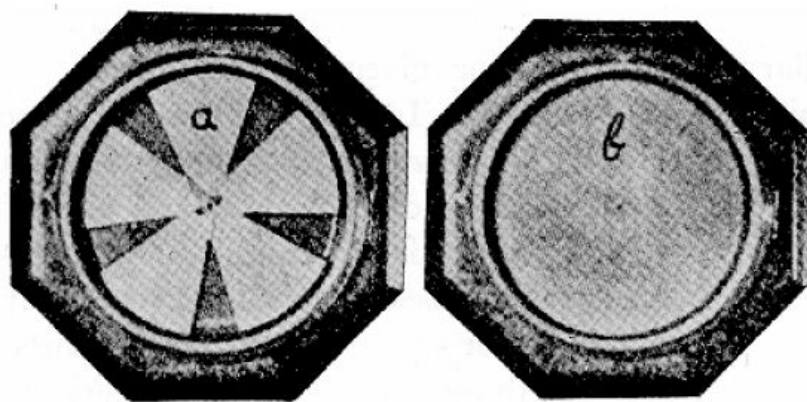

Fig. 1a

Fig. 1b

По подобной же причине, можно полагать, нам не удастся просунуть палец сквозь стол – потому, что палец слишком толстый и слишком медленный, и некоторые материалы удается пронизать только такими быстрыми лучами, как рентгеновские.

Вышеописанные аналогии полезны только для наших целей, они являются сверхупрощением и не должны приниматься за научное объяснение.

Этот нервный процесс представляется очень обобщенным, и в нашем повседневном опыте данные динамические тонкие структуры недоступны для наших грубых «чувств». Мы регистрируем «диски», хотя исследования показывают, что это не диски, а вращающиеся «лопасти». Наш обобщенный макроскопический опыт представляет собой лишь нервную абстракцию некоего конечного порядка.

Поскольку нам нужно говорить о таких проблемах, требуется подобрать для этого наилучший язык. Он должен быть *нон-эл* и структурно быть наиболее близок к фактам. Такой язык был построен, и его можно отыскать в дифференциальном и четырехмерном языке пространства-времени, и в новой квантовой механике. На практике он состоит в том, что каждой «точке пространства» нужно также приписывать дату, однако для выработки такой *с.р* требуется некоторая тренировка. Язык пространства-времени *нон-эл*. Этому новому понятию «точки» в «пространстве-времени», «точки», у которой всегда есть связанная с ней дата (и поэтому она никогда не отождествлена ни с какой другой точкой), было дано название «точки-события», или просто «события».

Каким образом происходит переход от точек-событий к развернутым макроскопическим событиям – это задача математической «логики». Было разработано несколько удовлетворительных схем, в подробности которых у нас тут нет необходимости вникать. Поскольку *нон-эл* структура языка пространства-времени представляется отличной от прежнего *эл* языка «пространства» и «времени», становится довольно очевидно, что от прежнего термина «материя», который был частью описательного аппарата «пространства» и «времени», также следует отказаться, и называть те «кусочки» материалов, с которыми мы имеем дело, нужно структурно новыми терминами. Фактически, нам известно, что старый термин «материя» можно заместить неким другим термином, связанным с «кривизной» «пространства-времени».

Есть реальный поразительный пример того, насколько значима структура формы представления. В статье, напечатанной в «Трудах Национальной академии наук» в феврале 1926 года, профессор Райнич (G. Y. Rainich), математик, попытался ввести «массу» в пространство-время, в термины, которые относятся к способу представления, имеющему другую структуру. Он в этом преуспел, но за счет разделения пространства-времени на исходные пространство и время. Это, насколько мне позволяют судить мои знания, является первым доказательством того, насколько неразрывны внутренние и структурные связи определенной формы представления. Данный факт имеет экстраординарную семантическую важность для психо-логиков и психиатров, которые всегда изучают разного рода символизм. Было бы очень интересно, чтобы они проработали эти проблемы.

Поскольку абстрагирование на множество порядков представляется общим процессом, обнаруживающимся во всех формах жизни, и особенным образом у людей, важно ясно изложить данный предмет и подобрать для него язык с надлежащей структурой. Как нам уже известно, мы используем *один* термин, скажем, «яблоко», по крайней мере для *четырех* совершенно разных сущностей; а именно, (1) событие, или научный объект, или субмикроскопические физико-химические процессы, (2) обычный объект, производимый из события нашими низшими центрами, (3) психо-логическую картину, производимую высшими центрами, и (4) словесное определение данного термина. Если мы используем язык прилагательных и субъект-предикатных форм, связанных с «чувственными» восприятиями, то мы используем язык, который имеет дело с сущностями *внутри нашей кожи* и характеристиками, полностью несуществующими во внешнем мире. Так, события за пределами нашей кожи не являются ни холодными ни теплыми, ни красными ни зелеными, ни сладкими ни горькими. , но эти характеристики производятся нашей нервной системой внутри нашей кожи, как реакции просто на различные энергетические проявления, физико-химические процессы, . Когда мы используем такие термины, мы имеем

дело с характеристиками, которые отсутствуют во внешнем мире, и строим антропоморфный и бредовый мир, неподобный по структуре окружающему нас миру. Другое дело, если мы используем язык порядка, отношений или структуры, который можно применить к субмикроскопическим явлениям, к объективным уровням, к семантическим уровням и который также можно выразить словами. В использовании такого языка мы имеем дело с характеристиками, обнаруживаемыми и открываемыми на всех уровнях, которые дают нам *структурные* данные, обладающие уникальной важностью для знания. Упорядочивание семантических уровней кладет конец отождествлению. Крайне важно осознать, что этот настрой на отношения, , зависит только от вашего усмотрения, ибо его можно применять везде и всегда, как только вы осознали вышеописанные его преимущества. Так, объект можно рассмотреть как набор отношений между его составляющими. , любое «чувственное» восприятие можно рассматривать как реакцию на стимул. , что опять же вводит отношения, . Поскольку отношения обнаруживаются в научном субмикроскопическом мире, объективном мире, а также в психо-логическом и словесном мирах, такой язык использовать полезно, потому что он *подобен по структуре* внешнему миру и нашей нервной системе; и это применимо ко всем уровням. Использование такого языка приводит к открытию инвариантных отношений, которые обычно именуют «законами природы», дает нам структурные данные, которые составляют единственно возможное содержание «знания», и исключает также антропоморфные, примитивные и бредовые рассуждения, отождествления и вредоносные *с.р.*

ГЛАВА XXV О СТРУКТУРНОМ ДИФФЕРЕНЦИАЛЕ

Невозможно узнать событие; потому что когда оно прошло, то оно прошло . . . Но можно узнать характер события. . . . Те вещи, которые мы таким образом узнаем, я называю объектами. (573) A.N. WHITEHEAD

Когда возникает суждение о тождественности или различии, то это происходит из-за конкретной ассоциативной реакции второго порядка, обусловленной первичной реакцией, точно такой же или отличающейся; и это увеличивает перцептивное знание. (411) HENRI PIÉRON

Практика мышления, принятия решений, чувствования, различения и сочувствия в некоторой степени формирует личность мыслителя. Предположительно, стабильные паттерны корковых ассоциаций изменяются при выполнении этих действий, также как на низшем уровне мышцы меняются при систематических упражнениях. (222) C. JUDSON HERRICK

Экспериментальный анализ памяти форм, невосприимчивых к символической схематизации, убедил меня в огромной важности глазной кинестетики и невеликой роли, которую играет визуализация практически у всех индивидуумов, при общей иллюзии действительности визуальных представлений, очень сильной иллюзии, особенно когда возможна символическая и словесная схематизация. Ее легко путают с идеями, которые замещают визуальную репрезентацию и начинают играть ту же самую роль. (411) HENRI PIÉRON

Глаза собаки иногда придают ей более разумный вид, чем у её хозяина, и, безо всякого сомнения, она это использует с большой выгодой; но это не наши глаза. (221) C. JUDSON HERRICK

Прежде чем я резюмирую в форме структурной диаграммы то, что было сказано в предыдущей главе, я должен кратко пояснить использование термина «событие». Введение в язык новых терминов всегда создает для обучающегося изначальную трудность. При любой возможности очень рекомендуется вводить такие термины, которые структурно подобны нашему повседневному опыту. В настоящее время в физике имеется дуальный язык; один – это язык «пространства-времени», в котором «материя» неким образом связана с его «кривизной», другой же – это язык квантов. Структура этих двух языков довольно сильно отличается, и в данный момент ученым не удалось найти способ перевода с одного языка на другой. Эйнштейн в своей последней общей теории поля добился успеха посредством введения новых понятий, которые объединяют электромагнитные явления с общей теорией относительности; но даже этот новый язык не включает в себя квантовую теорию. Для моих целей важно объединить оба языка интуитивно понятным графическим способом, который, с технической точки зрения, все еще ожидает формулировки. Поскольку континуум «пространства-времени» является наиболее близким к нашему повседневному опыту, я принимаю язык «событий» за фундаментальный, и просто добавляю некоторые графические понятия, взятые из квантовой теории. Без сомнения, недалек тот день, когда общая теория поля будет расширена и включит в себя новую квантовую теорию, так что это упреждающее действие не кажется необоснованным.

Если мы возьмем что-то, что угодно, скажем, уже упоминавшийся объект под названием «карандаш», и зададимся вопросом, что он собой представляет в соответствии с наукой 1933 года, то обнаружим, что «научный объект» представляет собой «событие», безумный танец «электронов», которое в каждый новый момент отличается от предыдущего, никогда не повторяется, и, как известно, состоит из крайне сложных динамических процессов с очень тонкой структурой, которые подвержены воздействию со стороны остальной вселенной и реагируют на нее сами, неразрывно связаны со всем остальным и зависят от всего остального. Если мы спро-

сим, сколько характеристик ($m.n$)¹ мы можем приписать такому событию, то единственно возможным ответом будет то, что мы должны приписать событию бесконечное число характеристик, поскольку оно представляет собой процесс, который в той или иной форме не прекращается никогда; так же как, насколько нам известно, никогда не повторяется.

На нашей диаграмме, Рис. 1, мы показали это параболой (А), предполагая, что она продолжается бесконечно, и это продолжение мы обозначили ломаной линией (В). Характеристики мы изобразили кружочками (С), количество которых, очевидно, бесконечно велико.

Под этим мы символически изобразили «объект» в виде круга (О), конечного размера. Характеристики этого объекта мы также обозначили подобными кружочками (С'). Количество характеристик, которыми обладает объект, велико, но конечно, и это обозначено *конечным* числом кружочков (С').

Затем мы прикрепляем к этому объекту ярлык, его название, скажем, «карандаш₁», которое мы на нашей диаграмме обозначаем ярлыком (L). Ярлыкам мы тоже приписываем характеристики, и эти характеристики мы обозначаем кружочками (С'').

Количество характеристик, которые мы *по определению* приписываем данному ярлыку, еще меньше, чем количество характеристик, которыми обладаем объект. Ярлыку «карандаш₁» мы припишем, возможно, длину, толщину, форму, цвет, жесткость, . Но мы в большинстве случаев *отбросим* случайные характеристики, такие как царапина на его поверхности, или тип клея, которым соединены две деревянные половинки объективного «карандаша», . Если нам нужен объективный «карандаш» и мы идем покупать его в магазин, мы так и говорим, конкретно словами указывая только те характеристики, которые представляют для нас определенный *непосредственный интерес*.

Понятно, что данный объект часто представляет для нас интерес именно благодаря определенным характеристикам, непосредственно полезным или ценным. Если мы спросим, какие нейрологические процессы были вовлечены в регистрацию данного объекта, то обнаружим, что нервная система *абстрагировала* из бесконечного числа субмикроскопических характеристик явления большое, но конечное число макроскопических характеристик. Покупая «карандаш», мы обычно не интересуемся его запахом или вкусом. Но если бы нас интересовали данные абстракции, то мы могли бы выяснить запах и вкус нашего объекта с помощью эксперимента.

Но и это еще не всё. Объект на данном языке представляет собой крупномасштабную макроскопическую абстракцию, ибо наша нервная система не приспособлена для прямого абстрагирования бесконечного количества характеристик, которыми обладает бесконечно сложная динамическая тонкая структура события. Мы должны считать объект «первой абстракцией» (с конечным числом характеристик) из бесконечного количества характеристик, которыми обладает явление. Вышеприведенные соображения находятся в полном соответствии не только с функционированием нервной системы, но также и с ее структурой. Наша нервная система сначала регистрирует объекты своими низшими центрами, и каждую из этих низших конкретных абстракций мы называем объектом. Для того, чтобы дать определение объекта, нам нужно сказать, что объект представляет собой первую абстракцию с конечным числом $m.n$ характеристик из бесконечного числа $m.n$ характеристик, которыми обладает событие.

Очевидно, если наблюдение объекта происходит посредством низших нервных центров, число характеристик, которые имеет объект, больше (вкус, запах, , нашего карандаша), чем число характеристик, которые нам необходимо приписать ярлыку. Ярлык, *важность* которого связана с его *смыслом для нас*, представляет собой еще более высокую абстракцию от данного события, и обычно также ярлыки соответствуют *семантической реакции*.

¹ М.п. означает «многопорядковый». Так обозначаются термины, которые можно использовать в отношении множества порядков абстракций, при этом конкретное значение данного термина меняется в зависимости от порядка абстракции, в отношении которого он используется, и контекста. – О.М.

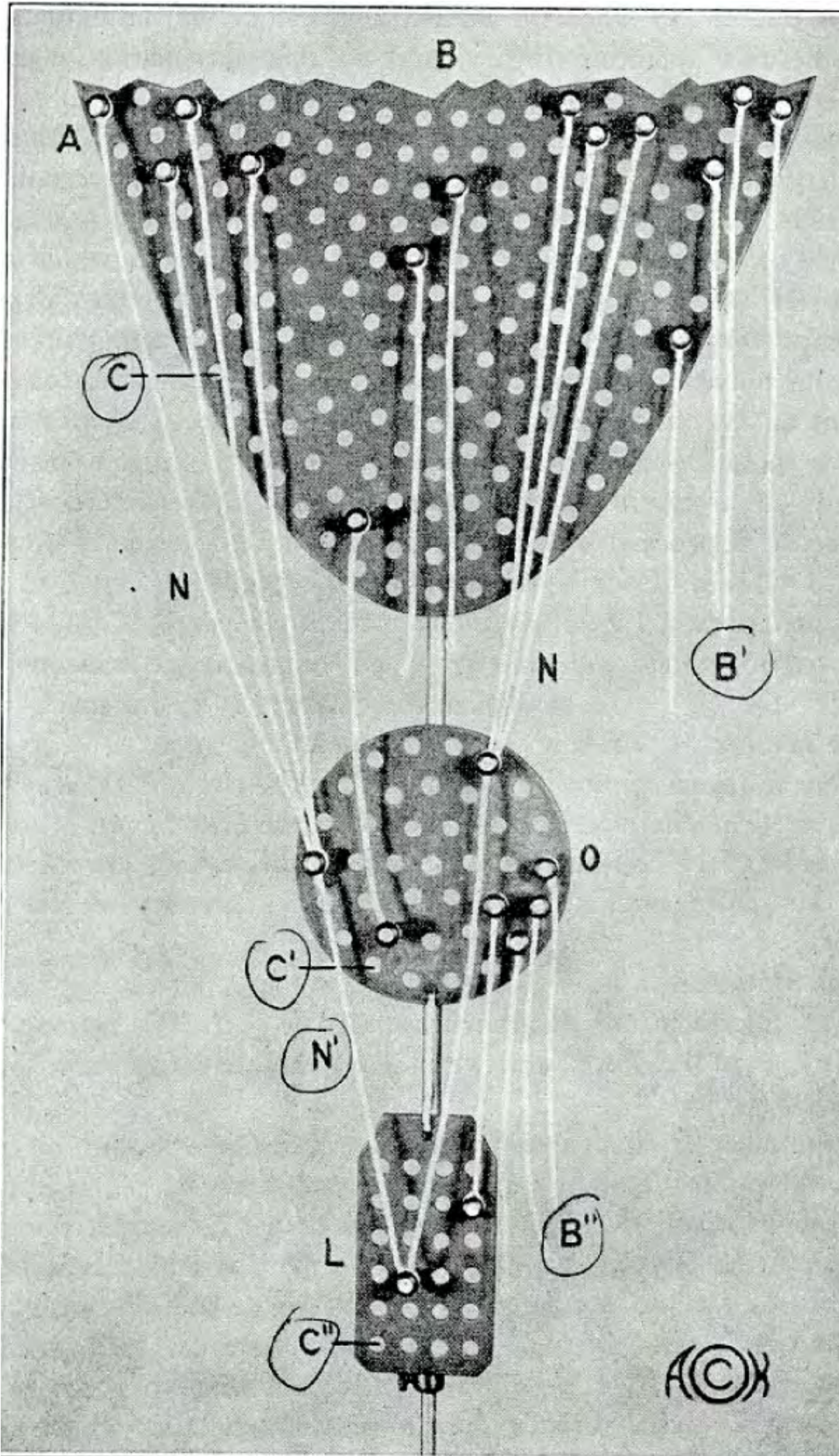

FIG. 1

Мы пришли к неким довольно очевидным и весьма важным структурным выводам в оценке *нон-эл* типа. Мы увидели, что объект *является не* событием, а абстракцией из него, и что ярлык *не является* ни объектом, ни событием, а дальнейшей абстракцией. Нервный процесс абстрагирования мы представим линиями (N), (N'). *Опущенные*, или не абстрагированные, характеристики обозначены линиями (B'), (B'').

В наших семантических целях различие низших и высших абстракций представляется фундаментальным; но, конечно, мы могли бы назвать объект просто абстракцией первого порядка, а ярлык, с его смыслами, абстракцией второго порядка, как это показано на диаграмме.

Если задаться вопросом, каким образом эта проблема абстрагирования в различных порядках проявлена как ограничение у животных, нам нужно выбрать конкретного индивидуума, на примере которого можно продолжить анализ. Для нашего анализа, который преднамеренно носит экстенциональный характер, мы выберем животное с определенным собственным именем, которое будет соответствовать «Иванову» у людей. Из чисто словесных причин такое животное найти очень легко. Это животное по кличке «Дружок»². Всем русскоговорящим эта кличка очень хорошо знакома. Кроме того, большинство из нас любит собак и знают о том, насколько они «умны».

Исследования и эксперименты показали, что нервная система Дружка, структурно и функционально, весьма схожа с нервной системой Иванова. Соответственно, можно предположить, что в общем и целом они функционируют схожим образом. Мы уже говорили о событии в терминах узнавания; а именно, что событие невозможно узнать ни при каких обстоятельствах, поскольку оно постоянно меняется. Whitehead указывает на фундаментальное отличие между событием и объектом в смысле *узнавания*; а именно, что событие узнать невозможно, а объект – возможно. Он определяет объект как узнаваемую часть события. Использование этого определения поможет нам протестировать, есть ли у Дружка «объекты». Поскольку эксперименты показывают, что Дружок может узнавать, то мы должны приписать ему наличие объектов по определению. Если задаться вопросом о том, что представляют собой объекты Дружка, то структура и функционирование его нервной системы, которая очень похожа на нашу, позволяет предполагать, что объекты Дружка также представляют собой *абстракции*, некоего низкого порядка, из событий. Будут ли эти объекты казаться «такими же», как наши? Нет. Во-первых, абстракции из событий, которые мы называем объектами, не являются «одними и теми же» даже в том случае, когда их абстрагируют разные представители человечества. В качестве крайнего примера этого утверждения можно привести ограниченную форму цветовой слепоты, которая называется дальтонизм, при которой объект, кажущийся большинству людей зеленым, определенным другим людям, страдающим от этой болезни, кажется красным. На данный момент нет никаких сомнений в том, что нервные абстракции всех организмов являются индивидуальными, не только для каждого индивидуума, но и для каждого нового «времени» для одного индивидуума, а также отличаются для тех высших групп (абстракций), которые мы называем «видами». Выводы о том, каким кажется мир тому или иному конкретному организму, можно делать только тогда, когда его нервная структура весьма похожа на нашу. Когда виды очень далеко отстоят в нейрологическом отношении, подобные выводы совершенно неоправданны. Посему, на общих основаниях, «объекты» Дружка не являются «такими же», как наши собственные; в нейрологическом отношении они просто кажутся подобными. По повседневному опыту мы знаем, что мы бы столкнулись с огромными трудностями в случае необходимости узнать свою собственную перчатку в куче из тысячи подобных ей, а Дружок с этой задачей справляется гораздо лучше. Должно быть, «одна и та же» перчатка регистрируется в нервной системе Дружка не так, как она регистрируется в нашей.

Обозначим это подобие человеческого объекта (O_h) и животного объекта (O_a), сделав дружок (O_a) меньше, и подчеркнув отличие между объектами с помощью более просторного размещения дырок, олицетворяющих характеристики. Как мы назовем эти объекты (O_h) и (O_a) – абстракциями «первого порядка» или «сотого порядка» – это, вообще говоря, дело выбора.

² У А.К. эту собаку зовут Fido. См. сноску в пред. главе про «Иванова», . – О.М.

Нейрологически совершенно достоверно, что все «объекты» представляют собой *абстракции низшего порядка*, и использование номера для обозначения порядка – это просто вопрос удобства и договоренности. Если бы мы начали с рассмотрения простейшей живой клетки, то мы могли бы приписать ее абстракциям название абстракций «первого порядка». Если бы далее мы продолжили обзор всех форм жизни подобным образом, то для обозначения порядков абстракций Дружка и Иванова у нас бы получились очень большие числа. Но в этом, как мы скоро убедимся, нет никакой необходимости.

Отметим, что Дружок на самом деле абстрагирует из событий, по крайней мере, на низших порядках, и «имеет объекты» (O_a), которые он может узнавать. Вопрос: абстрагирует ли он на высших порядках? Можно ответить положительно – да, в определенных пределах. Или же можно предпочесть принять его ограниченность в плане способности абстрагировать как данность, и включить ее в число абстракций низшего порядка. Для удобства и простоты, мы выберем последний метод и скажем, что он не абстрагирует на высших порядках. В нашем схематическом изображении мы обнаружим некоторые очень важные отличия между абстрагирующими способностями людей и животных, и поэтому мы здесь введем только те сложные моменты, в которых есть необходимость. Поскольку животные не обладают даром речи, в человеческом понимании, и поскольку мы назвали присвоение словесного ярлыка^{3*} объекту «абстракцией второго порядка», то можно сказать, что животные не абстрагируют на высших порядках.

Если мы сравним нашу диаграмму и то, что она олицетворяет, с хорошо известными фактами повседневной жизни, то увидим, что абстрагирующие способности Иванова не ограничены двумя порядками, или вообще любым числом 'n' порядков абстракций.

На наших диаграммах ярлык (L) обозначает *название*, которое мы приписываем объекту. Но мы также можем рассмотреть уровень первого ярлыка (L) как *описательный* уровень, или утверждение. Нам очень хорошо известно, что Иванов всегда может сказать что-то *об* утверждении (L), и это наблюдаемо. С нейрологической точки зрения это *следующее* утверждение (L_1) об утверждении (L) является нервным откликом на предыдущее утверждение (L), которое он увидел, услышал или даже сам произвел внутри собственной кожи. Так что его утверждение (L_1) о предшествовавшем утверждении (L) является *новой абстракцией* из предыдущей абстракции. На моем языке я называю это абстракцией более высокого порядка. В этом случае нам помогут цифровые индексы. Если назвать уровень (L) абстракцией *второго порядка*, то *абстракцию из этой абстракции* нужно назвать абстракцией *третьего порядка*, (L_1). Как только была произведена абстракция третьего порядка, она, в свою очередь, становится записанным фактом и потенциальным стимулом, и может абстрагироваться далее, о нем может быть сделано утверждение, которое станет абстракцией четвертого порядка (L_2). У данного процесса нет никаких определенных пределов, ибо, какое бы утверждение ни делалось, и какого бы порядка оно ни было, всегда можно сделать утверждение о нем, и таким образом произвести абстракцию еще более высокого порядка. Эта способность практически универсальна среди организмов, которые мы называем «людьми». Так мы получили фундаментальное отличие между «Ивановым» и «Дружком». У Дружка *сила абстрагирования на каком-то уровне пропадает*, хотя и может включать несколько порядков. У «Иванова» это не так; его сила абстрагирования не имеет известных пределов (см. Часть VI).

---

^{3*} В данной системе термины «ярлык», «обозначать ярлыком», всегда связаны с их смыслом, так что, для простоты, с этого момента это уточнение о смыслах мы не будем проговаривать каждый раз.

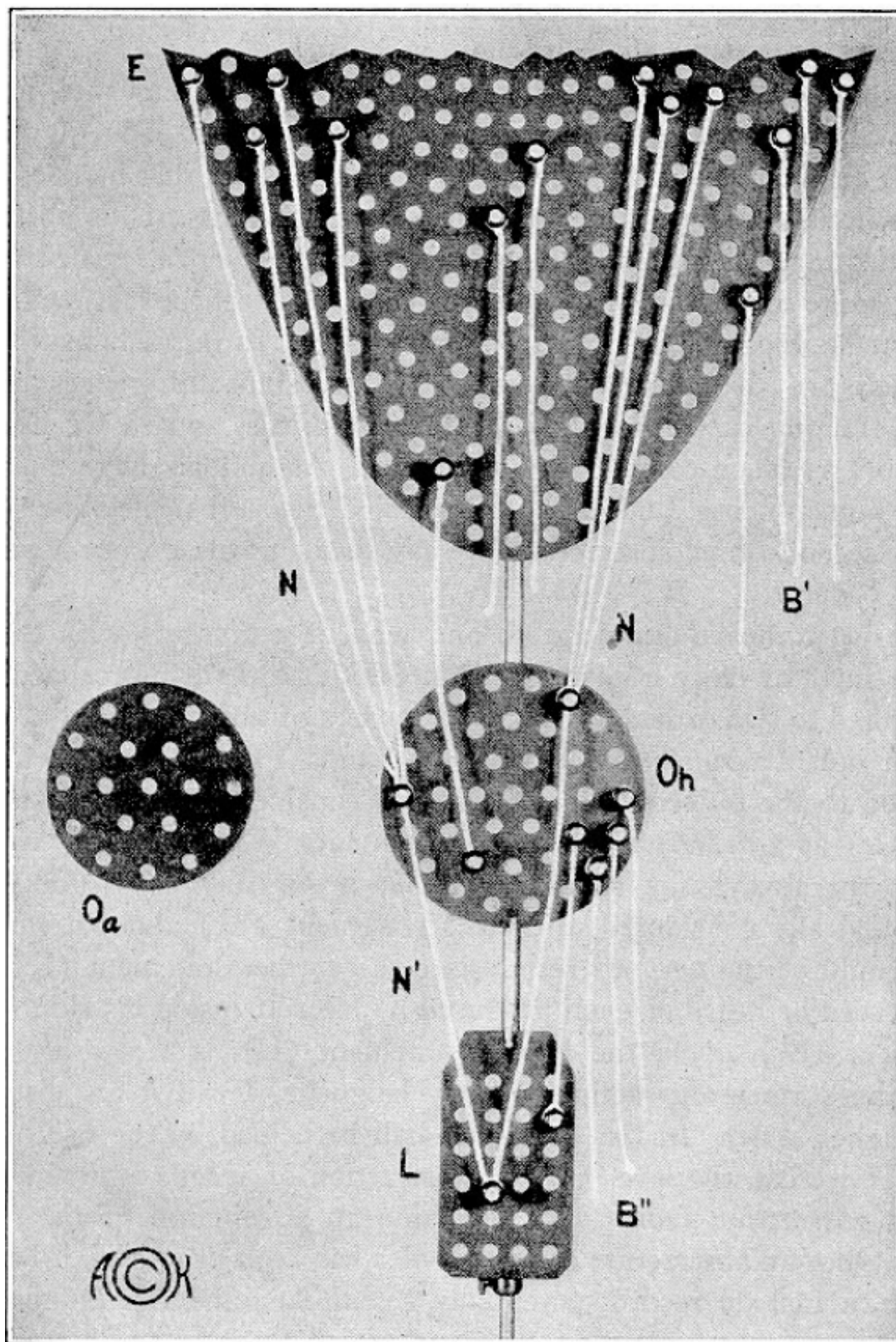

FIG. 2

Возможно, читатель находится в семантическом замешательстве из-за незнакомого языка данного анализа. Должно приниматься за данность то, что введение любого нового языка в общем вызывает замешательство, и это оправданно *только* тогда, когда этот новый язык добивается структурно и семантически чего-то такого, чего старые языки *не* могли добиться. В данном случае, он позволил нам получить новое *четкое* отличие между «человеком» и «животным». Число порядков абстракций, которые может произвести «животное», *ограничено*. Число порядков абстракций, которые может произвести «человек», в принципе, *не ограничено*.

Здесь находится фундаментальный механизм силы «времясвязывания», который характеризует человека, и который позволяет ему, в принципе, собрать *опыт* всех предыдущих поколений. Абстракция большего порядка, скажем, $n+1$, возникает как отклик на стимул от абстракций n -ного порядка. У «людей» абстракции высокого порядка, производимые как другими людьми, так и самим человеком, являются стимулами для абстрагирования на еще более высокие порядки. Благодаря этому, в принципе, мы стартуем с того места, которого достигло предыдущее поколение. Следует отметить, что в данном анализе мы отказались от структурно *эл* методов и языка, и анализ в общем стал проще, хотя и выглядит незнакомо по причине того, что он содержит новые *нон-эл с.р.*

Приведенное выше объяснение обосновывает мое более раннее утверждение о том, что приписывание абсолютных номеров порядкам абстракций «животного» и «человека» не является необходимым. На нашей диаграмме мы можем приписать животному сколько угодно порядков абстракций; однако же нам придется признать, ради структурной корректности описания экспериментальных фактов, что сила абстрагирования «животного» имеет предел, в то время как число порядков абстракций, которые может произвести «человек», не имеет известных пределов.

С эпистемологической и семантической точки зрения, этот метод обладает одним важным свойством. В этом языке мы открыли *четкие* словесные и аналитические методы, в терминах *нон-эл* «порядков абстракций», которыми можно разделить эти два «класса жизни», эти две абстракции высокого уровня. Каждый из терминов «животное» и «человек» представляет собой название абстракции очень высокого порядка, а не название объективного индивидуума. Формулировка разницы между этими «классами» становится задачей *словесной структурной изобретательности и методов*, поскольку в жизни мы всегда имеем дело только с абсолютными индивидуумами на неопикуемом словами объективном уровне. На нашей диаграмме мы можем навешивать на «животный» объект сколько угодно уровней ярлыков, которые будут обозначать абстракции большего порядка; однако где-то нам придется остановиться; но с «человеком» мы можем продолжать это бесконечно.

Это *четкое* отличие между «человеком» и «животным» можно назвать «горизонтальным различием». Привычное использование *рук* для демонстрации этих различных горизонтальных уровней крайне полезно при изучении этой работы, и это весьма способствует приобретению структурно нового языка и соответствующих *с.р.* Решение большинства человеческих семантических трудностей (оценки) и исключение патологического отождествления состоит именно в поддержании, безо всякого замешательства, этого четкого различия между этими горизонтальными уровнями порядков абстракций.

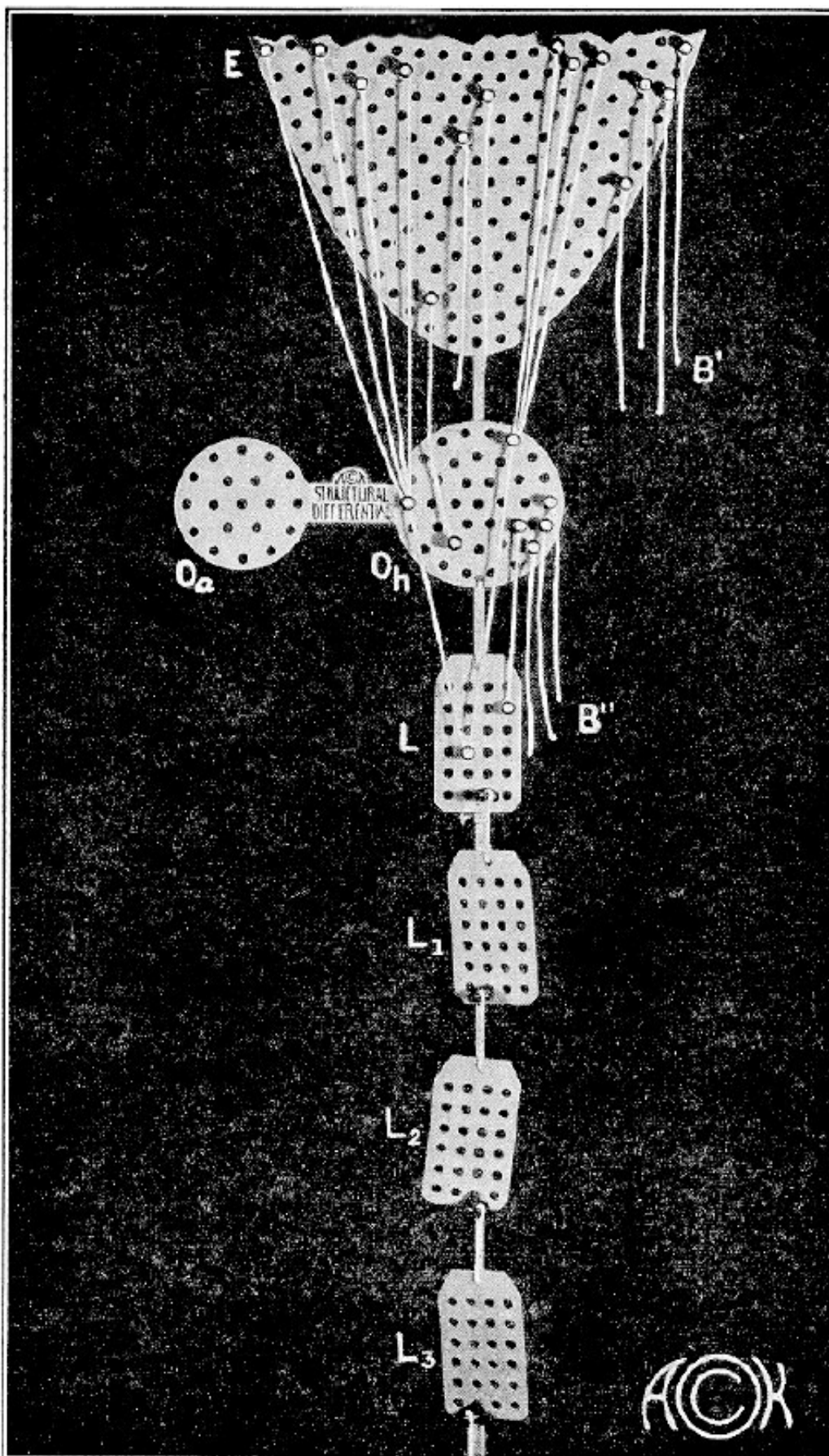

FIG. 3

THE STRUCTURAL DIFFERENTIAL

Давайте теперь исследуем возможность четкого *«вертикального различия»*. Мы уже пришли к выводу, что Дружок абстрагирует объекты из событий, и, если его нервная система подобна нашей, то его абстракции низшего порядка подобны нашим. Тут можно задать вопрос: «Знает» ли Дружок, или может ли он «знать», что он абстрагирует? Представляется бесспорным, что Дружок не «знает» и *не может «знать»*, что он абстрагирует, *потому что нужна наука для того, чтобы «знать»*, что мы абстрагируем, а у Дружка науки нет. Семантически важно, чтобы вы были полностью убеждены в этом моменте. Мы не спорим о том, какого рода «знанием» могут обладать животные, или об относительной ценности этого «знания» в сравнении с нашим. Наука стала возможной благодаря человеческой нервной системе и изобретению экстраней-ральных средств для исследований и записи, которые у животных полностью отсутствуют. Тот, кто станет утверждать, будто животные обладают наукой, должен как минимум продемонстрировать библиотеки, научные лаборатории и инструменты, произведенные животными.

Мы видим, что несмотря на то, что Дружок абстрагирует, он не только не «знает», но и не может «знать», что он это делает, поскольку «знание» об этом предоставляется исключительно наукой, которой у животных нет. *И в этой осознанности абстрагирования мы находим наиболее важное «вертикальное отличие» между Ивановым и Дружком.* Это отличие, опять же, четкое.

Если на нашей диаграмме, Рис. 4, мы припишем Дружку больше горизонтальных уровней абстракций, скажем, два: (H_1) и (H_2), то, тем не менее, «животное» рано или поздно останавливается. Эта расширенная диаграмма иллюстрирует то, что «человек» способен абстрагировать бесконечно на большие и большие порядки. На этой диаграмме мы символизируем тот факт, что Дружок не «знает» и не может «знать» о том, что он абстрагирует, не соединяя характеристики его объекта (O_a) линиями (A_n) с событием (E). *В отсутствие науки, у нас нет события; крупный макроскопический объект Дружка (O_a) представляет собой «все», что он «знает» и что его хоть как-то заботит.* Мы видим, что *вертикальное отличие (V_1)* которое сформулировано как осознанность абстрагирования у Иванова, является четким и полностью отличает Дружка от Иванова. В нем мы обнаруживаем семантический механизм всех надлежащих *оценок*, основанный на *неотождествлении* или различении между порядками абстракций, которое невозможно у животных.

На этой диаграмме мы ввели еще больше объектов, потому что каждый индивидуум абстрагирует, в общем, из события *разные* объекты, в том смысле, что они не являются *идентичными* во всех отношениях. Мы должны постоянно осознавать то, что в жизни на несловесном объективном уровне мы имеем дело только с абсолютными индивидуумами, будь то объекты, ситуации или *с.р.* Вертикальное расслоение не только дает нам представление о четком различии между «человеком» и «животным», но также позволяет нам тренировать свои *с.р.* в отношении абсолютной индивидуальности наших объектов и объектов других наблюдателей, и различий между их индивидуальными абстракциями. То, что тут было сказано, относится в равной степени ко всем эффектам первого порядка на объективном уровне, таких как непосредственные чувства, .

Представленная теория может принести всю возможную пользу, если читатель приобретет в *собственной системе* привычку чувствовать как вертикальное, так и горизонтальное расслоение, что сделает отождествление невозможным. В экспериментах доктора Филипа С. Гравена (Philip S. Graven) с «душевно» больными, тренировка по осознанию этого расслоения привело в результате либо к полному выздоровлению, либо значительно улучшило состояние пациента.

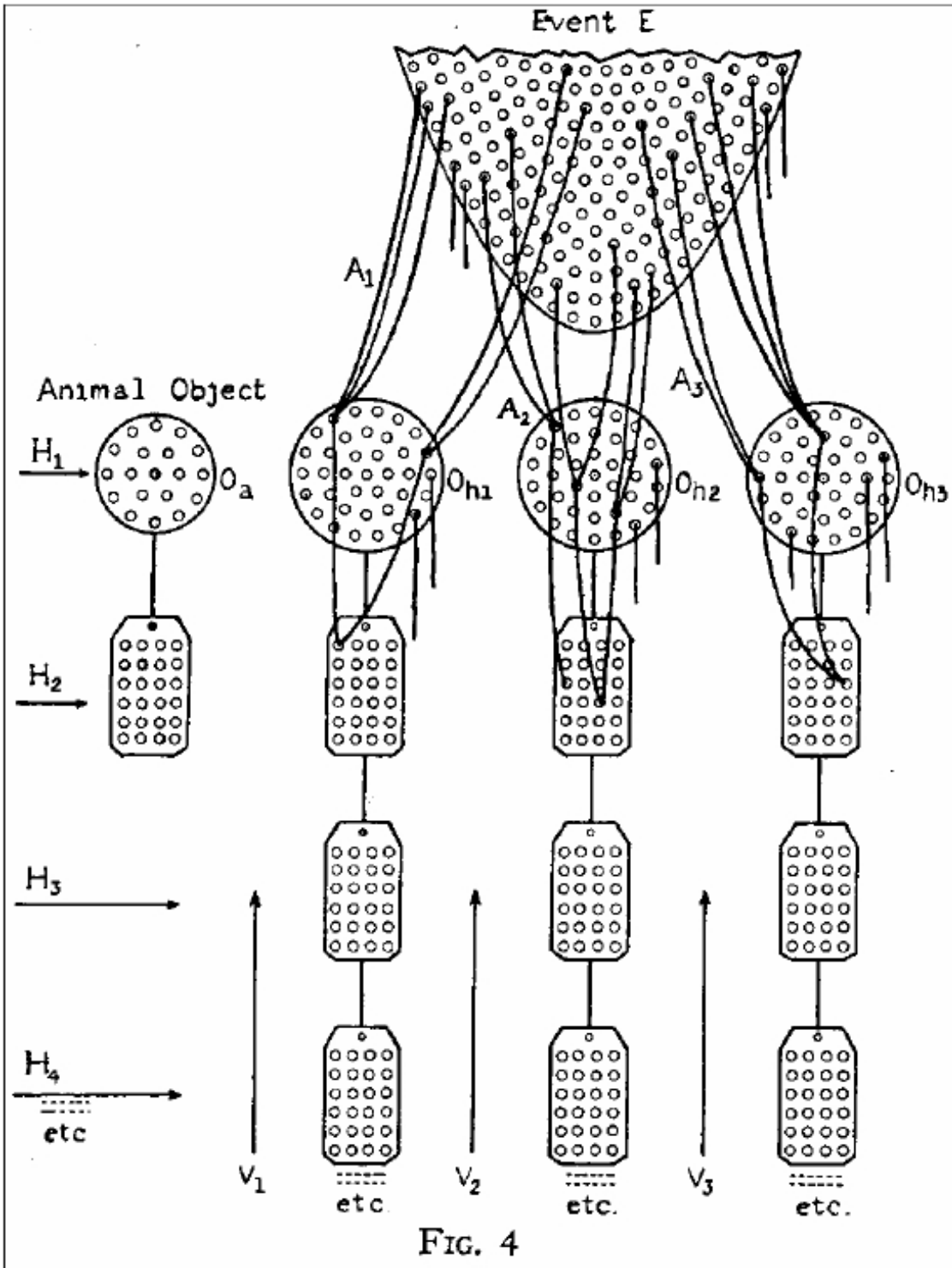

FIG. 4

Данная диаграмма используется *двумя* различными способами. Один – для демонстрации абстрагирования от события до объекта, и применения названия к объекту. Другой – для иллюстрации уровня утверждений, которые можно сделать об утверждениях. Если у нас есть различные объекты, и мы обозначаем их различными названиями, скажем, $A_1, A_2, A_3 \dots A_n$, то у нас всё равно нет никакого утверждения. Для того, чтобы сделать утверждение, нам нужно принять некий неопределяемый реляционный термин, посредством которого мы могли бы соотнести один объект с другим. Использование этой диаграммы для иллюстрации уровней или *порядков утверждений* подразумевает, что мы выбрали некую метафизику, выраженную в наших неопределяемых реляционных терминах. Нам следует полностью осознавать различие между этими *двумя* применениями одной и той же диаграммы для структурной иллюстрации двух аспектов одного процесса.

Если задать вопрос: Что представляют собой характеристики события? Мы обнаружим, что они даются только наукой и на каждый момент представляют собой наивысшие, наиболее надежные и проверенные абстракции, которые были произведены «Ивановым».

Теория и практика показали, что эти моменты, демонстрируемые вышеупомянутыми структурными диаграммами, обладают критическим семантическим значением, так как без их использования практически невозможно натренировать себя или других и добиться психофизиологического пере-обучения. По этой причине были изготовлены диаграммы для использования дома и в школе, отдельно, в упрощенном виде, показанном на Рис.5. Эта структурная диаграмма называется «антропометр», или «структурный дифференциал», поскольку он иллюстрирует фундаментальное структурное отличие между миром *и так называемым окружением* животного и человека. Если мы живем в очень сложном мире *людей*, но наши *с.р.* вследствие неверной *оценки*, приспособлены только к более простому животному миру, в котором нет, как минимум, созданных людьми усложнений, то адаптация и психическое здоровье *людей* становится невозможной. Наши *с.р.* тогда вынуждены следовать более простым животным образцам, которые *для человека патологичны*. Весь человеческий опыт, научный и прочий, показывает, что мы все еще копируем животных в своих нервных реакциях, пытаясь приспособиться к выдуманному простому миру *с животной структурой*, в то время как *на самом деле* мы живем в мире с очень сложной *человеческой структурой*, которая очень сильно отличается. Естественно, при таких условиях, которые, в конце концов, порождают бред, адаптация *человека* становится невозможной, что приводит к ложным оценкам, анималистическим *с.р.* и общему состоянию психического нездоровья.

Каждый, кто проработает данный анализ с помощью Дифференциала, ясно обнаружит, что большинство трудностей человека, вполне предотвратимых и излечимых, включая «умственные» или семантические расстройства, происходит вследствие этой фатальной *структурной* ошибки, связанной с ложной оценкой из-за отождествления или отсутствия различения.

Структурные Дифференциалы производятся двух видов: (1) печатный свиток, похожий на рулон с картой, для вывешивания на стену или на доску; (2) наглядное пособие с отсоединяющимися ярлыками. Поскольку главной проблемой является обучение и пере-обучение *семантических психофизиологических реакций* в направлении неотождествления, наглядная форма наиболее эффективна, так как в ней есть свободно свисающие нити, отделяемые ярлыки, которые задействуют больше нервных центров при обучении. Последний я опишу поподробнее.

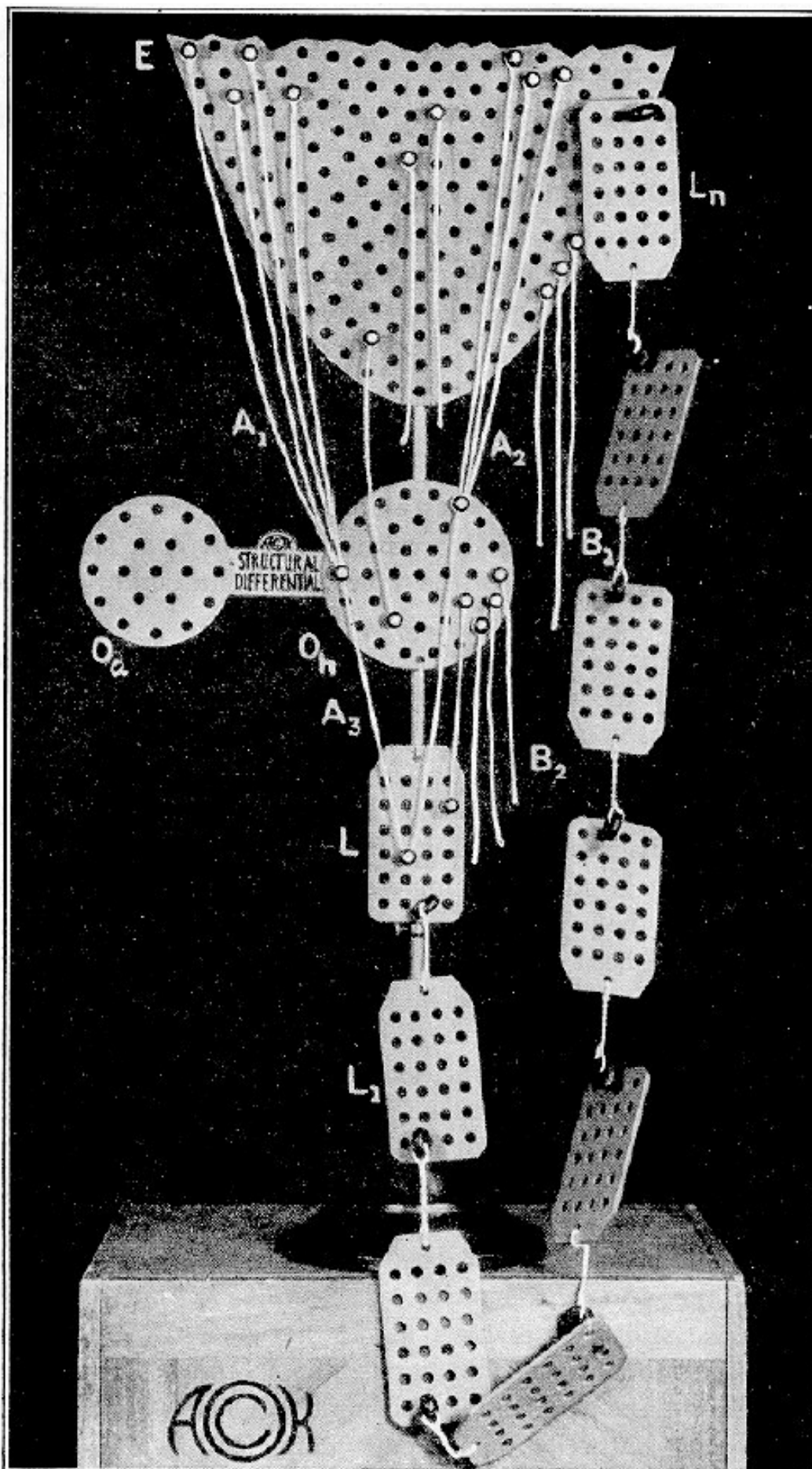

FIG. 5

THE STRUCTURAL DIFFERENTIAL

По вопросам перевода обращайтесь к автору по адресу olegmatv@yandex.ru

Событие в этом наглядном пособии изображается параболой (E), которая «обломана» по верхнему краю, что означает ее бесконечное продолжение в эту сторону. Диск (O_h) символизирует человеческий объект; диск (O_a) представляет объект животный. Ярлык (L) показывает более высокую абстракцию, которая называется «названием» (смысл которого дается его определением). Нити (A_n) в пособии представлены свисающими веревочками, к которым привязаны колышки. Они обозначают процесс абстрагирования. Свободно свисающие нити (B_n) обозначают наиболее важные характеристики, которые были *опущены*, проигнорированы или забыты при абстрагировании. К Структурным дифференциалам прилагается набор ярлыков, которые присоединены к колышкам. Они подвешиваются в ряд один за другим, а последний можно прикрепить одним длинным колышком к событию, для обозначения того, что характеристики события представляют собой наивысшие абстракции, которые мы произвели на каждый данный момент. *Объективный уровень – это не слова, и его невозможно достичь одними лишь словами. На него можно только показывать пальцем, сохраняя безмолвие, иначе мы никогда не достигнем этого уровня.* Наши личные чувства также *не являются* словами, и относятся к объективному уровню.

Всю эту теорию целиком можно продемонстрировать на Структурном дифференциале, с помощью по-детски простой операции, когда учитель показывает пальцем на событие, потом на объект, говоря при этом: «*Это не есть это*», и настаивая при этом на том, чтобы ученик, со своей стороны, молчал. Далее можно показать пальцем на объект и на ярлык, снова произнося «*Это не есть это*», и настаивая на молчании на объективном уровне; затем показать на первый и второй ярлык, снова произнося «*Это не есть это*», .

На более сложном языке можно было бы сказать, что объект *не является* событием, что ярлык *не является* несловесным объектом, и что утверждение об утверждении *не является* «тем же самым» утверждением, ни на каком уровне. Мы видим и нас заставляют визуализировать $\bar{A}$ -систему, основанную на *отказе от отождествляющего «есть»*, который с необходимостью вводит различие порядков абстракций.

Это маленькое словцо «есть» – нечто весьма особенное, и, возможно, именно оно ответственно за многие семантические трудности человека. Если верить антропологам, оно встречается лишь у немногих примитивных народов. У большинства народов его нет, и оно им и не нужно, потому что все их *с.р* и языки практически основаны на буквальном *отождествлении*¹, и вовлекают его во всё. При переходе от примитивной стадии человеческого общества к современной слегка более высокой, которую можно назвать инфантильной стадией, или инфантильным периодом, слишком грубое отождествление стало невозможным. Были созданы языки, основанные на слегка модифицированном или ограниченном отождествлении, и, ради гибкости, отождествляющее «есть» было введено в явном виде. Несмотря на то, что в *структурном* анализе языков в общем и целом было проделано крайне мало работы, особенно в отношении языков примитивных народов, нам известно, что в индо-европейских языках глагол «быть», среди прочих, используется как *вспомогательный глагол*, а также применяется для демонстрации противоречащего фактам отождествления. При наличии примитивного преобладания отсутствия осознанности абстрагирования и примитивной веры в магию слов, *с.р* были таковы, что слова отождествлялись с объективными уровнями. Возможно, вполне было бы обоснованно сказать, что примитивная «психология» требовала такого фундаментального отождествления. Тожественность можно определить как «абсолютную одинаковость во всех отношениях», которая, в мире постоянно меняющихся процессов и человеческом мире неопределенного числа порядков абстракций, представляется *структурной* невозможностью. Тожественность, соответственно, представляется как примитивное «сверх-эмоциональное» обобщение подобия, равенства, эквивалентности, равносильности. , и, ни при каких условиях, она не может в действительности представляться как «абсолютная одинаковость во всех отношениях». Как только мы указали на структурно *бредовый* характер тождественности, возникает необходимость исключить подобные бредовые факторы из нашего языка и *с.р* ради психического здоровья. С появлением «цивилизации» использование этого слова расширилось, притом, что некоторые из примитивных коннотаций и психо-логических семантических последствий были сохранены. Если мы вообще

должны использовать глагол «есть», а избежать этого крайне трудно, ввиду того, что этот вспомогательный глагол является основой современных языков, то нам нужно проявить особую осторожность в том, чтобы не использовать его как способ отождествления.

В 1933 году мы обладаем значительным объемом знаний о примитивных народах. Антропологи собрали гигантское количество фактических описаний, в отношении которых они практически все согласны, однако в интерпретации этих фактов школы антропологии очень сильно расходятся. Грубо говоря, британская школа пытается толковать эти факты с точки зрения приписывания примитивным народам ущербной «психологии» и «логики» белого человека. Французская и польская школы избегают этих необоснованных тенденций, и пытаются реконструировать оригинальные примитивные «психологии» и «логики», которые могут быть причиной развития или недоразвитости примитивных народов. На данный момент все школы принимают существующие эл «психологии» и двузначную А «логику» как стандартную, нормальную и, возможно, даже окончательную дисциплину для взрослой человеческой цивилизации. Ни одна школа не подозревает, что А стадия развития цивилизации, как представляется, строится в огромной мере на слегка улучшенных *примитивных отождествлениях*, которые дают нам лишь *инфантильный период* развития человека. Они не подозревают, что будущее $\bar{A}$ общество может отличаться от современного А общества так же сильно, как последнее отличается от примитивного.

В своей работе я предпочитаю следовать путем французской и польской школ антропологии, поскольку мне кажется, что эти школы более свободны от семантического отождествления и аристотелианства, чем все прочие.

В 1933 году, предполагаю, можно безо всякого сомнения сказать, что *если бы* мы захотели выбрать одну *семантическую* характеристику для объяснения примитивного состояния индивидуумов и их общества, то, без особой вероятности сделать ошибку, ее можно найти в виде *отождествления*, понимаемого в более общем смысле, как это описано в данной работе. На данный момент практически несомненно то, что различные физико-химические факторы, окружение, климат, качество пищи, коллоидальное поведение, эндокринные выделения, являются фундаментальными факторами, которые обуславливают потенциал, а также поведение организма. Не менее определенным является то, что в конечном результате эти физико-химические факторы связаны с определенными типами *с.р.* Известно, что верно также и обратное; а именно, что *с.р.* влияют на коллоидальное поведение, эндокринные выделения и метаболизм. Точная форма данной зависимости неизвестна, потому что было проведено слишком мало экспериментов с участием людей. Данный анализ построен на семантической точке зрения, и его результаты, независимо от того, насколько перспективными они окажутся, ограничены данным конкретным аспектом.

Простой анализ показывает, что это отождествление является необходимым условием, которое лежит в основе реакций животных, младенцев и примитивов. Если это обнаруживается у «цивилизованных» взрослых, то это, в равном отношении, означает наличие остатков более ранних периодов развития, и оно же непременно обнаруживается при анализе любого личного или общественного затруднения, которое невозможно привести к удовлетворительному решению. Отождествление, в слегка модифицированном виде, представляет также само основание А-системы, и тех учреждений, которые построены на этой системе.

Математика предоставляет нам практически единственную лингвистическую систему, свободную от патологических отождествлений, несмотря на то, что математики используют этот термин довольно слепо. Чем больше отождествление исключается из других наук, тем более применимыми становятся математическая функциональная семантика и методы, и тем большим становится прогресс данной науки.

Насколько нам известно в 1933 году, общая структура мира в доисторические времена не отличалась от той, которую мы обнаруживаем ныне. Мы не сомневаемся, что в дремучей древности материалы также состояли из молекул, молекулы из атомов, а атомы – из электронов и протонов, и из всего остального, что мы еще сможем рано или поздно открыть. Мы не сомневаемся, что у высших животных и людей имелось кровообращение, что витамины проявляли

характеристики, подобные нынешним, что различные формы лучистой энергии влияли на коллоидальное поведение. . . , независимо от того, «знало» или «знает» об этом сегодня конкретное животное, примитивный человек или младенец.

Как насчет примитивных *физических потребностей и желаний* животного, примитивного человека и младенца? Кроме всех мистических и мифологических причин отождествления, сами структурные факты жизни *делали отождествление необходимостью* на данном уровне развития. *В отсутствие* современного знания, то, что голодное животное, примитивный человек или младенец «хочет», «является» «объектом», скажем, под названием «яблоко». Он может дать «определение» этого «яблока» довольно хорошо в плане его формы, цвета, запаха, вкуса. . Но этого ли хочет данный организм? Очевидно, нет. В данный момент мы можем произвести неуловимое синтетическое яблоко, которое будет удовлетворять всем его окончательным объективным определениям; и он сможет съесть не одно, а множество подобных «яблочек», и в конце концов умереть с голода. Является ли обильная и приятная диета, в которой отсутствуют обнаружимые и невидимые «витамины», достаточной для выживания? Опять же нет! Таким образом мы ясно видим, что организму для выживания требуются физико-химические процессы, которые обнаруживаются не в «обычном объекте», а исключительно в «научном объекте», или в событии. Здесь мы обнаруживаем вековое и необходимое, на данном раннем уровне, отождествление обычного объекта с научным объектом. Эта форма отождествления крайне распространена даже в 1933 году и она в большой степени несет ответственность за низкий уровень нашего развития, потому что, независимо от того, что мы «думаем» или чувствуем по поводу объекта, объект представляет собой *только лишь* абстракцию низкого порядка, только лишь *общий символ* для *научного объекта*, который остается единственно возможной потребностью для обеспечения выживания организма. Однако очевидно, что такое отождествление, будучи не соответствующим фактам, никогда не может быть полностью надежным. Если кто-то начинает воображать, что он имеет дело с «абсолютной реальностью», несмотря на то, что *м.п.* реальность представляет собой лишь тень, отбрасываемую научным объектом; то он, с приобретением опыта, перестает доверять объекту и населяет свой мир бредовым мистицизмом и мифологиями, которые для него объясняют тайны этой тени.

Поскольку любой организм представляет процесс *абстрагирования* на *различных порядках*, который, опять же, животное, примитивный человек или младенец не могут осознавать, они, с необходимостью, отождествляют различные порядки абстракций. Вследствие этого названия отождествляются с несловесными объектами, названия действий с несловесными самими действиями, названия чувств с несловесными самими чувствами. . Из-за смешивания описаний с суждениями, а описательных терминов со словами, относящимися к умозаключениям, данные «оценки», «мнения», «убеждения» и прочие *с.р.*, которые в основном, если не целиком, представляют собой результат семантического построения суждений, проецируются на внешний мир с различной интенсивностью патологичности. Таким методом строятся пре-«логические» примитивные семантические настроения. Простые подобия оцениваются как тождественности, строятся примитивные силлогизмы типа: «олени быстро бегают, некоторые индейцы быстро бегают, некоторые индейцы – олени». Среди примитивных народов нередко обнаруживается тип «логики», основанный на заблуждении типа *post hoc, ergo propter hoc* (после этого и, следовательно, из-за этого), которое, очевидно, представляет собой отождествление порядкового описания с суждением. Использование «заряженных эпитетов», которые оказывают гигантское семантическое воздействие на примитивные и незрелые народы, и являются семантическим фактором во многих как примитивных, так и современных табу, также основаны на подобных смешанных порядках абстракций.

Отождествление – это одна из примитивных характеристик, которые не могут быть исключены у животного или младенца, потому что у нас нет средств адекватного общения с ними. Его невозможно исключить у примитивных народов до тех пор, пока они будут сохранять свои языки и своё окружение. Отождествление крайне широко распространено среди нас самих, жестко встроено в структуру унаследованных нами языков и систем. Для того, чтобы изменить такое примитивное состояние дел, нам требуются особые простые средства, такие, которые мо-

жет предложить $\bar{A}$ -система, для того, чтобы эффективно бороться с этой серьезной угрозой нашим *c.p.* Ни в коем случае не следует забывать о том, что отождествление практически никогда не представляет опасности в животном мире, поскольку природа в естественном состоянии не строит ловушек для животных, а устранение тех, кто не способен выживать, происходит крайне жестко. Однако для человека на примитивной стадии это опасно, поскольку оно мешает примитивному человеку становиться более цивилизованным, однако в примитивных условиях жизни эти опасности не столь актуальны. Оно становится очень опасным для младенца только в том случае, если о нем никто не заботится, и для современного белого человека в условиях весьма развитой промышленной системы, которая оказывает воздействие на все области его жизни, когда его *c.p.* остаются неизменными в сравнении с теми, что были многие века назад, и все еще находятся на инфантильном уровне.

Представленная $\bar{A}$ -система не только основывается на полном отказе от отождествляющего «есть», но также и на том, что каждый важный термин, который тут вводится, а также Структурный дифференциал, направлены на исключение этих животных, примитивных и младенческих пережитков в нас самих.

Так, примитивное «мышление» не различает отношения в достаточной степени; для противодействия этому я ввожу *Структурный дифференциал*. Примитив отождествляет; я ввожу систему, основанную на полном и бескомпромиссном отказе от отождествляющего «есть». Примитивный человек уделяет большую часть внимания тому, что доставляется ему посредством зрения и слуха; я ввожу Структурный дифференциал, который демонстрирует глазам расслоение человеческих знаний, что представляет глазам словесный отказ от отождествляющего «есть». Когда мы отождествляем, мы не различаем. Когда мы различаем, мы не можем отождествлять; для этого и служит Структурный дифференциал.

Используемые термины также олицетворяют подобные процессы. Как только у нас появляется *порядок*, мы начинаем различать и получаем порядки абстракций. Начав абстрагировать, мы исключаем «всеобщность», семантическое основание отождествления. Начав абстрагировать, мы абстрагируем на различные порядки, и мы получаем *порядок*, исключая причудливые бесконечности. Начав различать, мы превращаем различие в отказ от отождествления. Начав разделять объективный и словесный уровни, мы учимся «безмолвию» на несловесном объективном уровне, и тем самым вводим исключительно полезный приём нейрологической «задержки» – задействуя кору мозга для выполнения ее естественной функции. Начав разделять объективный и словесный уровни, мы превращаем структуру в единственную связь между двумя мирами. Это приводит к поиску подобий в структуре и отношениях, что вводит чувство общности, и индивидуум становится *существом социальным*. Начав различать, мы отделяем описания и суждения. Начав различать, мы рассматриваем описания отдельно, и тем самым приходим к *наблюдению* фактов, и только на основании описания фактов мы строим гипотезы в виде суждений, . Наконец, осознанность абстрагирования вводит общее и постоянное различие между порядками абстракций, вводит это упорядочивание, и тем самым расслоения, и навсегда отменяет примитивные или инфантильные отождествления. Семантический переход от примитивного человека или из инфантильного состояния во взрослый период становится семантическим окончательным фактом. Следует отметить, что эти результаты достигаются изначальным применением примитивных средств, использованием простейших терминов, таких как «это не есть это», и прямым обращением к рецепторам примитивного человека – глазам и ушам.

Исключение отождествляющего «есть» представляется серьезной задачей, поскольку А-система и «логика», которые управляют нашей жизнью, и влияние которых было лишь частично устранено из науки, представляют собой весьма научную формулировку ограниченного примитивного отождествления. Так, следуя А дисциплинам, мы обычно предполагаем, что отождествляющее «есть» является фундаментальным для «законов мышления», которые были сформулированы следующим образом:

- 1) Закон тождественности: то, что есть – есть.
- 2) Закон о противоречии: ничто не может одновременно быть и не быть.

3) Закон исключенного среднего: всё должно либо быть, либо не быть.

По причине недостатка места невозможно пересмотреть эту «логику» и сформулировать $\bar{A}$, ∞ -значную, *нон-элементалистскую* семантику, которая была бы структурно подобной этому миру и нашей нервной системе; но следует упомянуть, даже здесь, что «закон о тождественности» никогда не может быть применен к процессам. «Закон об исключенном среднем», или «исключенном третьем», как его иногда называют, который придает двузначный характер A «логике», утверждает как *общий принцип* нечто, что является лишь ограниченным случаем, вследствие чего он неудовлетворительный кандидат на роль общего принципа. Поскольку на объективных, несловесных уровнях мы имеем дело исключительно с абсолютными индивидуумами и индивидуальными ситуациями, в том смысле, что они не являются тождественными, все утверждения, которые, с необходимостью, представляют собой абстракции высшего порядка, должны рассматриваться только как *вероятностные* утверждения. Так, мы приходим к ∞ -значной семантике вероятности, которая вводит неустрашимый и общий принцип неопределенности.

Правда и то, что вышеприведенные «законы мышления» можно выразить и другими терминами, и это делалось, со множеством учёных толкований, однако фундаментально семантическое состояние дел при этом не менялось.

С *нон-эл* точки зрения удобнее рассматривать A -систему на одной основе с [E]-системой; а именно, рассмотреть вышеприведенные «законы мышления» как постулаты, которые лежат в основе этой системы и выражают «законы мышления» конкретной эпохи и, вообще говоря, рода. Нам известны и другие системы, принадлежащие примитивным народам, которые построены на иных «законах», в которых отождествление играет еще более интегральную роль в системе. Представители таких народов вполне хорошо размышляют; их системы находятся в гармонии с их постулатами, хотя они совершенно непонятны для тех, кто пытается применить к ним A постулаты. С этой точки зрения, нам не следует обсуждать, насколько «ложной» или «истинной» является A -система, следует просто сказать, что в различные эпохи различные постулаты могут представляться структурно более соответствующими нашему опыту и казаться более удобными для использования. Подобное отношение поможет не затормозить слишком сильно появление новых систем, которые заместят данную $\bar{A}$ -систему.

В данной системе «отождествление» представляется ярлыком для семантического процесса неадекватной оценки на несловесных уровнях, или для подобных «чувств», «импульсов», «склонностей», . Поскольку в человеческой жизни мы имеем дело с множеством порядков абстракций, можно сказать на языке порядков, что отождествление порождает *или* приводит в результате к перепутыванию порядков абстракций. Этот вывод может принимать различные формы: одна из них – это отождествление научного объекта или события с обычным объектом, и это можно назвать невежеством, которое для *человека* патологично; другая – это отождествление объективных уровней со словесными, это я называю «объектификацией»; третья – это отождествление описаний с суждениями, что я называю замешательством между абстракциями высшего порядка. В последнем случае следует отметить, что суждения обычно связаны с более интенсивными семантическими компонентами, такими как «мнения», «убеждения», «желания», , чем описания. Эти суждения могут обладать определенным объективным, несловесным характером и могут олицетворять, соответственно, семантическое состояние, которое *не является* словесным, и таким образом может возникать объектификация высшего порядка.

Когда мы вводим язык порядков, нам следует отметить, что при известных условиях мы имеем дело с упорядоченной естественной последовательностью; а именно, сначала идут события, потом объект; сначала объект, потом ярлык; сначала описание, потом суждения, . Такой порядок выражает естественную важность, дает нам естественное основание для оценки и тем самым для нашей естественной *человеческой с.р.* Если мы отождествим два разных порядка, то это с необходимостью означает, что мы их одинаково оцениваем, а это всегда приводит к ошибкам, и в потенциале – к семантическим шокам. Поскольку в жизни мы имеем дело с установленным естественным порядком ценностей, который можно для моих целей выразить в виде последовательности, в соответствии с понижением ценности: события или научные объекты,

обычные объекты, ярлыки, описания, суждения. , отождествление приводит к очень странной семантической ситуации.

Давайте предположим, что научно установленная ценность любого уровня может быть выражена числом 100, а ценность следующего уровня числом 1. При наличии осознанности абстрагирования мы не можем ни проигнорировать это, ни отождествить эти величины, ни забыть, что $100 > 1$. Если же мы смешаем порядки абстракций, то это можно выразить как отождествление величин, и у нас получится *семантическое* уравнение: (1) $100=100$, или (2) $1=1$, или любая другая величина, скажем, (3) $50=50$.

Поскольку мы имеем дело с фундаментальным направленным неравенством, скажем, $100 > 1$, и, под определенным семантическим давлением «желания», «стремления видеть всё таким, как хочется», невежества, отсутствия осознанности абстрагирования или «умственного» заболевания. , мы отождествляем эти две величины, порождая в первом и третьем случае *пере*-оценку с правой стороны, а во втором и третьем случае *недо*-оценку с левой стороны. Таким образом, на *семантическом* уровне любое отождествление *существенно отличающихся величин* абстракций различного порядка проявляется в *обращении* естественного порядка оценки, с разной степенью интенсивности. При *естественном* порядке научной оценки было бы $100 > 1$, и мы бы оценивали через отождествления типа $2=2$, или $3=3$. , $50=50$. , $100=100$, то мы бы приписали в два раза, в три раза, в пятьдесят или в сто раз. , большие *бредовые* величины правой стороне, и недооценили бы левую сторону, в сравнении с тем, что требует естественный порядок оценки. Природа на моем языке и в этой области проявляет асимметричные отношения типа «больше» или «меньше», которые недоступны для А-процедуры. Под влиянием аристотелианства, когда под влиянием отождествления мы приписываем природе бредовые величины, адаптация становится очень трудной, особенно в условиях современной сложной жизни.

Приведенный выше пример показывает степени интенсивности обращения естественного порядка оценки, которое обнаруживается в жизни и приводит в результате к отсутствию осознанности абстрагирования. Психическое не-здоровье, которое влияет практически на всех нас, представляет собой обращение меньшей интенсивности; чем больше запущено то или иное «умственное» заболевание, тем больше степень этого обращения.

Следует осознать, что *экспериментально* в этой области мы обнаруживаем фундаментальное различие в величинах, которое на семантическом уровне можно выразить в виде асимметричного отношения «больше» и «меньше», устанавливающего некий естественный порядок. Если кто-то вдруг решит объявить о существовании естественной «тождественности», то на него ляжет бремя доказательства наличия такового. Если «абсолютную одинаковость во всех отношениях» невозможно найти в этом мире, то подобное понятие представляется противоречащим фактам, и становится структурной фальсификацией, которая препятствует психическому здоровью и адаптации. Если же он принимает фундаментальные естественные отличия в величине, но предпочитает постулировать различный порядок оценки, в зависимости от собственной метафизики, будь то *элементалистский* материализм, или в равной степени *элементалистский* идеализм, семантические результаты от этого не изменятся, поскольку отождествление во втором случае также будет приписывать бредовую тождественность существенно отличающимся порядкам абстракций. Следует отметить, что *А* формулировка в равной степени относится и к более старым другим, противоположным доктринам, демонстрируя их ошибочность подобным же образом.

Статус события, или научного объекта, несколько более сложен, потому что событие *описывается* в каждый момент очень надежными, постоянно пересматриваемыми и тестируемыми, *гипотетическими*, структурными терминами вывода, которые демонстрируют характерную цикличность человеческого знания. Если мы будем относиться к этим структурам вывода не как к гипотезам, но станем отождествлять их семантически с окончательными процессами на уровне субмикроскопического события, то мы столкнемся с семантическим расстройством в виде отождествления.

Я выбрал описанный выше порядок не только ради удобства и простоты, но также по причине его экспериментального характера. Отождествляя величины, мы всегда проявляем в своих

с.р порядок, обратный естественному – который был введен здесь на пространственно-временных структурных и оценочных основаниях.

Вышеприведенный анализ представляет собой очень грубое описание, но оно достаточно для моих целей. Любой внимательный и информированный читатель может проработать его более подробно, при желании. Представляется, что главный момент состоит в том, что разные порядки абстракций проявляют разные характеристики, по причине чего любые отождествления сущностей, по сути, отличающихся одним или большим числом аспектов, с необходимостью вводит бредовые семантические факторы. Я говорю главным образом об оценке, потому что оценка экспериментально представляется как существенный фактор во всех *с.р*, и может с пользой применяться даже в тех случаях «умственных» заболеваний, где вообще отсутствует какая-либо определенная оценка, поскольку *отсутствие* оценки также является разновидностью оценки (*м.н*). В обучении крайне важно полностью исключить отождествление, которое неизменно проявляется как бредовый семантический фактор. Для достижения этой цели следует применять все доступные средства без исключения.

Тщательно изучая прежние дисциплины, просто поражаешься, когда узнаешь о том, до какой степени известные «мыслители» бунтовали против ограничений и недостатков аристотелианства – системы, которая, естественно, стала устаревшей уже очень скоро после её формулировки. Поражаешься тому, что «всё это уже было сказано», и что в огромной степени эти важные и выделенные утверждения оставались *бездействующими*. «Важные утверждения», неважно, кто и когда их уже сформулировал, теряют всякую важность, если они не оказывают никакого влияния на широкие массы данного рода. Причина этой гигантской потери личных усилий исследователей для общества является то, что аристотелианство, со всеми его усложнениями и бредовым отождествлением, элементаризмом, представляет собой скоординированную *систему*, которая формировала наши *с.р*, языки и учреждения, и влияла на все стороны нашей жизни. При таких условиях изолированные доктрины, независимо от их мудрости, становились бессильны перед лицом подобной системы, или, если быть точным, системы взаимосвязанных систем. Только пересмотр этой системы и пробная формулировка *А*-системы может сделать работоспособным это множество более старых фундаментальных прояснений, которые, хотя и известны некоторым специалистам, в общем и целом остаются неизвестными для широких масс и недоступными для начального образования, ибо только оно может быть в общем эффективным. Также поражаешься мощи структурно корректной терминологии, и проникаешься сочувствием к примитивному толкованию её как к «волшебству слов». К счастью, структурные высокие абстракции действительно обладают мощным творческим характером. К примеру, с момента формулировки принципа «наименьшего действия» или «общего принципа относительности» (теория абсолюта), всё наше структурное знание было переработано, прояснено, и мы постоянно слышим о неких замечательных применениях этого нового знания. Подобным же образом, если указать на то, что наши основные личные и общественные трудности возникают из-за инфантилизма, произведенного «аристотелианством» в общем, и в частности отождествлением и элементаризмом, у нас немедленно появляются практические средства для пересмотра и применения. В рамках такой первой и столь новой попытки это сделать было бы невозможно и даже нежелательно погружаться в детали. Предпочтительнее и удобнее было бы сформулировать общие идеи и тем самым вовлечь в проработку подробностей больше людей.

Многие тысячи лет многие миллионы людей тратили невероятное количество нервной энергии, беспокоясь о бредовых вопросах, которые навязывались им опасным отождествляющим «есть», о таких как: «Что *есть* объект?», «Что *есть* жизнь?», «Что *есть* ад?», «Что *есть* рай?», «Что *есть* космос?», «Что *есть* время?», и прочих из бесконечного набора подобных раздражителей. Ответ, основанный на человеческом различении порядков абстракций и, соответственно, на надлежащей *человеческой оценке*, определен, неопровержим, прост и *уникален*: «Ничем из того, что можно *сказать* о чем-то, что оно этим *является*», *оно не является*». Всё, что можно *сказать*, относится к словесному уровню, и *не является* несловесным объективным уровнем.

Позвольте мне еще раз повторить, что отождествляющее «есть» вынуждает нас иметь семантические расстройства в виде неверных *оценок*. Например, мы установили, что *тождество*

венность несловесного объективного уровня со словами, сразу после её утверждения, оказывается очевидно противоречащей фактам. Отождествляющее «есть», когда оно используется для указания на тождественность (структурно *невозможную* на объективных уровнях), ничего не говорит. Так, на вопрос «Что *есть* объект?» можно ответить: «Объект *есть* объект» – утверждение, которое ничего не говорит. При использовании в определениях или классификациях, в виде «Иванов *есть* человек», а такого рода утверждения встречаются даже в *Principia Mathematica*, или «А *есть* В или не В», как в формулировке закона «исключенного третьего» в двузначной А «логике», всегда устанавливается тождественность, *противоречащая* фактам. Первое утверждение выражает *тождественность* имени собственного с названием класса, что должно приводить к смешиванию между классами (абстракциями большего порядка) и индивидуумами (абстракциями меньшего порядка). Это смешивание автоматически приводит к расстроенной оценке в отношении жизни, поскольку характеристики класса *не являются* ни «одинаковыми», ни тождественными с характеристиками индивидуума. Я не буду в подробностях анализировать «А *не является* В», поскольку, очевидно, оно им *не является*.

А что же насчет Дружка? У Дружка нет науки и, следовательно, нет «события». Для него объект *не является* абстракцией какого-то порядка, он *является всем*, что он «знает» или что его заботит. Иванов не только абстрагирует на бесконечное число разных порядков, и делает это автоматически и привычно, но он также при желании может начать *осознавать абстрагирование* – «это не есть всё», и «это не есть это». А Дружок *никогда* не сможет осознавать абстрагирование, поскольку его нервная система не может быть расширена экстранейральными средствами, а это расширение представляется необходимым условием для приобретения *осознанности абстрагирования*.

Несмотря на то, что для Иванова «Это не есть это», как демонстрируется на Структурном дифференциале, для Дружка данная диаграмма в конце концов будет означать «это *есть* это», так как структура его мира представляется одним-единственным диском (O_a). Дружок не может осознавать абстрагирование, он *обязан* отождествлять, потому что он ничего не «знает» об этом процессе, и нет средств для того, чтобы проинформировать его об этих отношениях и структуре.

Если мы *являемся бессознательными* в отношении абстрагирования, то мы обязаны отождествлять – другими словами, каждый раз, когда мы смешиваем разные порядки абстракций, что неизбежно в том случае, если мы используем отождествляющее «есть», мы воспроизводим или копируем животный способ «мышления», с подобными же «эмоциональными» реакциями. В следующих главах эта трагедия будет изложена в подробностях, и будет показано, что практически все человеческие трудности связаны с этим семантическим фактором – в частности, с копированием животных в наших нервных реакциях и оценке.

Теория, которая не только прольет свет на эту серьезную проблему, но также даст средства для замещения старых вредоносных *с.р* более полезными, может оказаться полезной, несмотря на различные временные трудности, которые возникнут из-за старых отождествляющих реакций и отсутствия ознакомленности с новыми.

Старые отождествляющие реакции крайне хорошо укоренены, особенно у взрослых. Для их преодоления требуются серьезные усилия и постоянные напоминания. Структурный дифференциал представляет собой такое структурное визуальное напоминание, которое нужно постоянно держать перед глазами до полного преодоления опасных расстройств в оценке. Для Иванова фундаментальную оценку можно выразить на простом и довольно примитивном языке – «Это не есть это».

Вышеуказанные наиболее жизненно важные семантические факторы оценки, обязательные для адаптации и психического здоровья, доводятся до него каждый раз, когда он смотрит на расслоение, показанное на Дифференциале. Свисающие неприкрепленные нити, показывающие *неабстрагированные* характеристики, тренируют его *с.р* на осознание невсеобщности его абстракций и нетождественности между ними.

Наши прежние *с.р* были подобны реакциям Дружка; мы никогда не осознавали абстрагирование *полностью*. Посредством ложной оценки мы отождествляли то, что от природы является

различным, и стремились к некоей невозможной «всеобщности» в своих «знаниях», или предполагали её.

Практика мне определенно показала, что приобретение этих новых реакций *осознанности абстрагирования* – задача трудная, требуется «время» и усилия для ее решения, несмотря на исключительную, почти примитивную простоту применяемых при этом средств. «Безмолвие на объективном уровне» звучит довольно невинно; однако его крайне трудно обрести, поскольку оно связано с полной проверкой всех семантических расстройств, отождествлений, смешивания порядков абстракций, привычных «эмоций», «предрассудков». , что практически невозможно без использования *объективного Дифференциала*, на который мы можем показывать пальцем, сохраняя безмолвие с самого начала. Упустить этот момент из внимания на самом деле означает потерпеть провал в достижении желаемых семантических результатов. На данный момент опыт показывает, что главные результаты достигались тогда, когда конкретный индивидуум преодолевал это первое, простое и очевидное семантическое затруднение. Если при обучении с Дифференциалом упорно придерживаться простых правил и условий, которые даны в представленной системе для устранения отождествления, можно добиться полного и очень полезного структурного и семантического изменения в характере и «умственных» способностях конкретного индивидуума, которые совершенно несопоставимы по масштабу с простотой этого обучения. Однако если рассмотреть содержимое всего знания как исключительно *структурное*, и вспомнить о том, что большинство из нас семантически связано, заблокировано устаревшими, анималистическими, примитивными, инфантильными, «умственно»-неполноценными и *A* структурами и реакциями отождествления, существующими по причине отсутствия осознанности абстрагирования, и от которых мы отказались *in toto* через обретения этой осознанности абстрагирования, подобные удивительные преобразования становятся вполне понятны.

Опыт и различные трудности, с которыми я столкнулся в процессе пере-обучения наших *c.p.*, без которого *A*-система, адаптация, психическое здоровье и все прочие желательные результаты были бы невозможны, вынудили меня опубликовать Структурный дифференциал в виде отдельных и удобных в использовании крупных экземпляров.

ГЛАВА XXVI ОБ «ОСОЗНАННОСТИ» И «ОСОЗНАННОСТИ АБСТРАГИРОВАНИЯ»

Ощущение «противоречивости» – это уже зарождающаяся осознанность. . . . Для осознанности требуется нечто большее, чем простое использование теории. Это ощущение контраста между теорией, *просто* как теорией, и фактом, *просто* как фактом. Этот контраст возникает независимо от того, корректна данная теория или нет. (578) A.N. WHITEHEAD

Для того, чтобы быть максимально полезным, язык должен быть подобен по структуре тем событиям, для описания которых он предназначен. Язык «абстракций различных порядков» представляется удовлетворительным с точки зрения структуры. Это *нон-эл* язык, поскольку он не вводит различия между «чувствами» и «разумом», . Это функциональный язык, поскольку подразумевается, что он описывает то, что происходит в нервной системе, когда она реагирует на стимулы. Это язык, который при желании можно сделать более гибким и четким, что позволяет с помощью него установить четкие словесные различия как горизонтального, так и вертикального типа между терминами «человек» и «животное».

Эта последняя семантическая характеристика, потенциальная четкость, крайне важна для теории психического здоровья. Имеющиеся на 1933 год данные позволяют нам сделать вывод, что под влиянием внешних стимулов большинство примитивных и простейших форм жизни формировались, преобразовывались и подвергались влиянию в процессе выживания, и, следовательно, адаптации. Таким образом развивалось всё больше и больше сложных структур. Следует подчеркнуть, что организмы представляют собой *функциональные* единства, и что накопительные изменения в структуре не обязательно означают *простое добавление* изменений в функциях. По физико-химической, структурной, коллоидальной необходимости организм работает как целое. Будучи относительно целостным, он принимает любой дополнительный структурный фактор как реактивный и функциональный, который влияет на работу всего целого. Лучше всего тут может подойти пример мальчика, который был рожден без кортекса, но без каких-либо других видимых дефектов. Он был несравненно более беспомощным и неприспособленным, чем животные, у которых нет кортекса или даже вообще нет нервной системы. И хотя можно было бы описывать различие между этим мальчиком и нормальным мальчиком в терминах *дополнения* – у одного нет кортекса, а другой имеет всё то же самое «плюс кортекс», функционирование их настолько непохоже, что его невозможно передать этим языком «плюсов».

Подобные замечания можно обобщить на жизнь целиком. Мы должны очень осторожно относиться к установлению четких различий, ибо анатомические различия сами по себе надежным показателем не являются. Если нам нужно получить более надежные различия, нужно искать различия *функциональные*.

Мы уже открыли для себя *функциональные* различия, которые выражаются горизонтальными и вертикальными различиями между абстрагирующей способностью Иванова и Дружка. Анализ этих различий является темой данной главы.

«Мысль» представляет собой реакцию организма-как-целого, производимую работой целого и влиянием целого. Из нашего повседневного опыта нам известно нечто, что мы обычно обозначаем как «быть осознающим»; другими словами, мы что-то осознаем, будь то объект, процесс, действие, «чувство» или «идея». Реакция, являющаяся очень привычной и полуавтоматической, необязательно является «осознаваемой». Термин «осознанность», взятый отдельно, не является полным символом; у него отсутствует содержание, а одной из характеристик «осознанности» является наличие некоего содержания. Обычно термин «осознанности» принимается как неопределенный и *неопределяемый*, по причине его непосредственного переживания каждым из нас. Такая ситуация нежелательна, поскольку семантически всегда полезно попытаться определить сложный термин через более простые. Мы можем ограничить общий и неопреде-

ленный термин «осознанность», сделав его символом определенным, преднамеренно приписав ему некое содержание. Для этой «осознанности чего-то» я выбрал в качестве фундаментальной «осознанность абстрагирования». Возможно, тот единственный тип смыслов, который содержит «осознанность», перекрывается этим функциональным термином «осознанность абстрагирования», олицетворяющим общий процесс, происходящий в нашей нервной системе. Даже если это не единственный тип смыслов, термин «осознанность абстрагирования» представляется обладающим такой критической семантической важностью, что его введение является необходимым.

Термин «осознанность», по причине его до сих пор неопределенного и традиционно *неопределяемого* характера, не позволял нам продолжать анализ. При этом у нас не было никаких *работающих* образовательных, семантических средств для работы с огромной областью психологических процессов, которые обозначались этим неполным символом. Если же выбрать в качестве фундаментального термин «осознанность абстрагирования», то мы не только сделаем его полным, приписав ему функциональное содержание, но также найдем способы определить его более конкретно в *более простых терминах*. Через понимание этих процессов мы обретем образовательные средства для работы и влияния на большую группу семантических психологических реакций.

Давайте проанализируем этот новый термин с помощью диаграммы, называемой «Структурный дифференциал», о котором рассказывалось в преды-

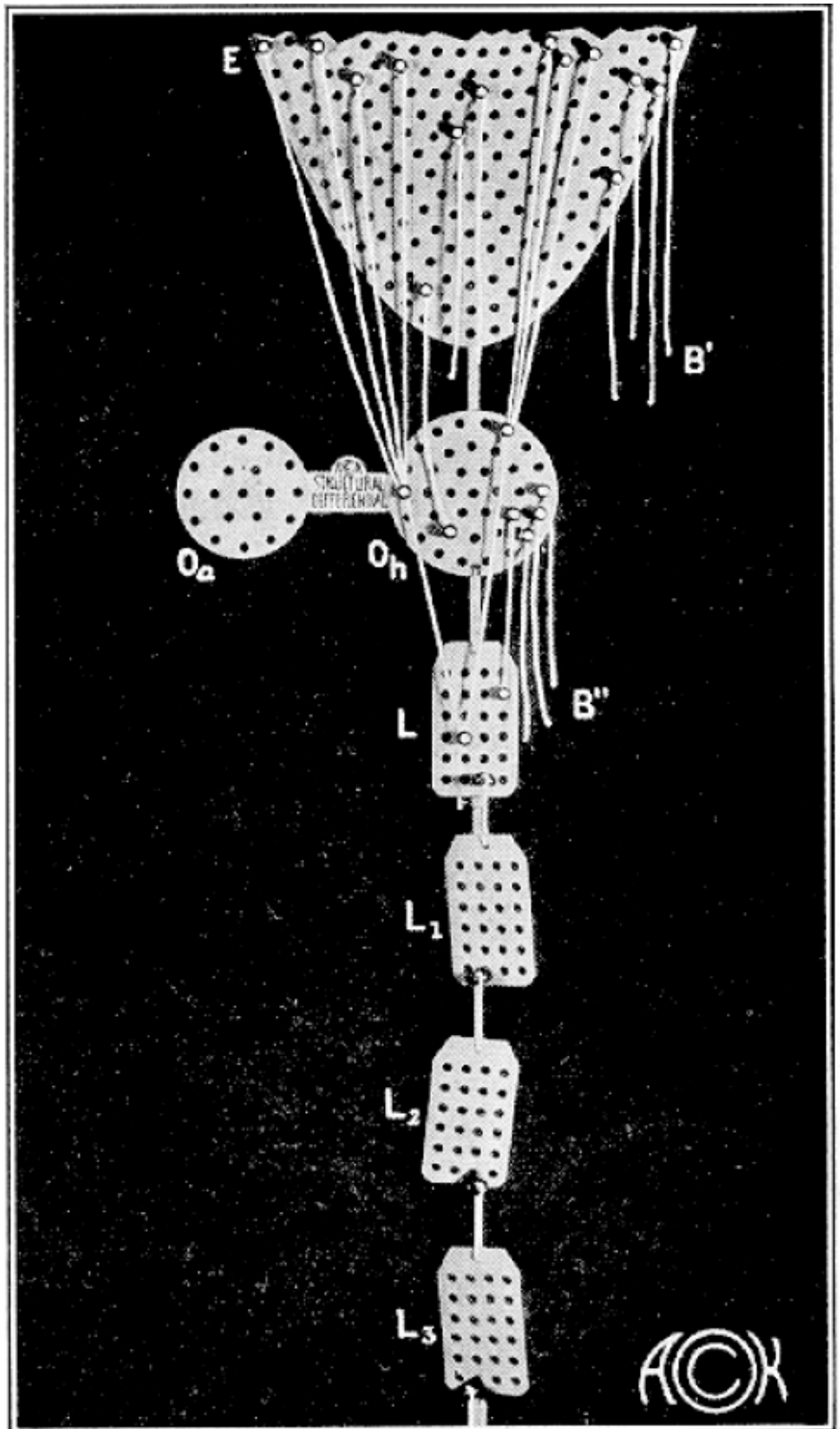

FIG. 1
THE STRUCTURAL DIFFERENTIAL

душей главе. Здесь объект (O_h) представляет собой нервную абстракцию низкого порядка. При этом абстрагировании некоторые характеристики упускаются или не абстрагируются; они показаны неприсоединенными нитями (B'). Когда мы продолжили абстрагировать от нашего объекта дальше, формулируя определение или приписывая «смыслы» ярлыку (L), мы опять же не абстрагировали «все» характеристики данного объекта в определение; некоторые характеристики были отброшены, как показано нитями (B''). Другими словами, число характеристик, которые мы приписываем ярлыку, посредством некоего процесса «знания» или «желания», «потребности» или «интереса», не перекрывает числа характеристик, которыми этот объект обладает. «Объект» обладает большим числом характеристик, чем мы можем включить в явное или неявное определение ярлыка для данного «объекта». Кроме того, определение (явное или неявное) этого «объекта» не является самим объектом, что всегда оказывается для нас большим сюрпризом. Объект обладает «индивидуальностью», как это можно было бы назвать. И каждый, кто пользуется автомобилем, ружьем, печатной машинкой, или у кого было много жен, мужей или детей, это хорошо знает. Вопреки тому факту, что данные объекты в большой степени стандартизированы, каждый индивидуум обладает собственными индивидуальными особенностями. Современными методами физических, химических и астрономических исследований ученые обнаружили, что даже их особые материалы и оборудование также обладают особыми индивидуальностями, которые необходимо принимать в расчет при более тонких исследованиях.

Если мы возьмем обыкновенный объект и будем ожидать обнаружения у него таких-то и таких-то характеристик, которые приписаны таким объектам *по определению*, то можем разочароваться. Как правило, если наш анализ достаточно тонок, мы всегда обнаруживаем или можем обнаружить эти особенные индивидуальности. Читатель может легко в этом убедиться, взяв в руки коробок спичек и внимательно рассмотрев индивидуальные особенности каждой спички. Однако, поскольку по определению мы ожидаем, что если чиркнуть спичкой, то она должна загореться, то все другие характеристики можно отбросить, как ненужные для наших целей. Подобный же процесс работает и в других областях жизни. Мы часто живем, чувствуем себя счастливыми или несчастными *из-за того, что на самом деле равнозначно определению*, а не эмпирическим, конкретным фактам, которые менее окрашены семантическими факторами. Когда Иванов₁ женится на Петровой₂, они в основном делают это *по некоему определению*. У них имеются определенные понятия о том, что такое, *по определению*, «мужчина», «женщина» и «семья». А когда дело доходит до воплощения, то оказывается, что Иванов₁ и его жена Петрова₂ обладают неожиданными симпатиями, антипатиями и особенностями – в общем, характерными семантическими реакциями, которые не включены в определение «мужа», «жены» или «брака». Начинают проявляться характеристики, которые были «опущены» в определении. Накапливаются «разочарования», и жизнь становится всё более и более несчастной.

Вышеприведенный анализ применим ко всем областям человеческой жизни, и представляется совершенно универсальным, по причине имеющейся структуры «человеческого знания». Характеристики эти обнаруживаются тогда, когда уже *слишком поздно*. Незнание или забывание о вышеописанных отношениях приводит к семантической катастрофе. На словесном, «определятельном», или доктринальном семантическом основании мы ожидаем совсем не того, что предлагает нам реальное переживание жизни. Неисполнившиеся ожидания приводят к серьезному аффективному и семантическому шоку. Если подобные шоки повторяются снова и снова, они дезорганизуют нормальную работу нервной системы и часто приводят к патологическим состояниям. Неопределенно большое число экспериментальных фактов полностью поддерживает вышеприведенные выводы. Многие из них предоставила нам Мировая война. Любопытно то, что когда солдат *действительно* ожидал все ужасы войны и позже переживал их, то он редко начинал страдать от «умственных расстройств». Если же он не ожидал их в полной мере, но тем не менее был вынужден их пережить, часто у него случался нервный срыв.

Приступ сенной лихорадки при виде *бумажных роз*, который ранее уже упоминался, показывает подобный же семантический пример. Приступ возник из-за семантического «определения» «роз» или «сенной лихорадки» и из-за ситуации в целом, а не из-за *наблюдения* объектив-

ных «роз» или физико-химической реакции на «розы». Если пациенту до того, как в помещение были внесены бумажные розы, завязали бы глаза, то этого приступа бы не случилось.

Теперь мы готовы определить «осознанность абстрагирования» в *более простых терминах*, а именно, в терминах «памяти». Термин «память» структурно является физико-химическим термином. Он подразумевает, что события взаимосвязаны, что всё в этом мире влияет на всё остальное, и что происшествия где-то оставляют какие-то следы.

Подобный анализ можно провести в связи с объектом и с событием. Кратко: объект структурно представляет собой абстракцию некоего порядка, и не включает и не может включать все характеристики события; так что, опять же, здесь некоторые характеристики *опускаются*, как показано нитями (V').

Здесь у нас есть возможность сделать ряд наиболее обобщенных, и тем не менее истинных, *отрицательных* утверждений великой семантической важности; что ярлык *не есть* объект, а объект *не есть* событие, . Поскольку множество *m.n* характеристик, которые мы приписываем ярлыку по *определению*, не перекрывает все характеристики, которые мы узнаем у объекта; а число характеристик, которые мы у объекта воспринимаем, также не равно бесконечному числу характеристик, которыми обладает событие. Различия же еще более глубоки. Различается не только число *m.n* характеристик, но также и *характер* этих абстракций при последовательном переходе с одного уровня абстракций на другой.

Мы теперь можем определить «осознанность абстрагирования» как «осознанность в отношении того, что в процессе абстрагирования мы *опустили* некоторые характеристики». Или же осознанность абстрагирования можно определить как «память о «не есть», и о том, что некоторые характеристики были *опущены*». Следует отметить, что в этой формулировке нам с помощью Структурного дифференциала удалось перевести *отрицательный* процесс забывания в *положительный* процесс *вспоминания* об отказе от тождественности и о том, что эти характеристики были отброшены. Такая положительная формулировка делает всю систему работоспособной и доступной для семантического обучения и образования.

Применение Структурного дифференциала становится необходимостью для любого человека, который хочет обрести весь объем семантической пользы от настоящей работы. Книга, с необходимостью, *словесна*. Что бы ни говорил любой писатель – это слова, и невозможно *сказать* ничего такого, что было бы *несловесно*. Представляется совершенно очевидным тот факт, что в жизни мы имеем дело с огромным количеством вещей и ситуаций, «чувств». , которые являются *несловесными*. Они принадлежат к «объективному уровню». Ключевая трудность состоит в том факте, что всё, что можно сказать, *не находится* и *не может находиться* на объективном уровне, а относится только к уровням словесным. Это различие, будучи *невыразимым* посредством слов, выразить словами невозможно. У нас должны быть *другие средства* для того, чтобы указать на это различие. Мы должны показывать рукой, показывать пальцем на объект, и оставаться безмолвными как внешне, так и внутренне, и безмолвие это можно обозначить, прикрывая губы другой рукой. Словесный отказ от отождествляющего «есть» также демонстрирует этот момент, когда его показывают на Дифференциале. Если же мы будем разражаться речами на тему отождествляющего «есть», как мы это обычно и делаем, то мы, очевидно, окажемся на словесных уровнях, обозначаемых ярлыками $L, L_1, L_2, \dots, L_n$, но никак не сможем оказаться на объективном уровне (O_n). На этом последнем уровне мы можем смотреть, делать что-то руками. , но мы *должны сохранять молчание*. Причина того, что мы практически все без исключения отождествляем эти два уровня, состоит в том, что невозможно обучить индивидуума этому семантическому различию только посредством *словесных приемов*, поскольку все словесные приемы относятся к уровням ярлыков, и ни при каких условиях не могут быть объективными несловесными уровнями. Имея видимый и осязаемый *действительный объект* и ярлыки на Структурном дифференциале, на которые мы можем показывать пальцем, брать в руки. , мы получаем простое средство для передачи чрезвычайно важного семантического различия и обучения *нетождественности*.

Следует отметить, что осознанность абстрагирования, или вспоминание о том, что мы абстрагируем на различных порядках с опусканием характеристик, зависит от отказа от отождеств-

ляющего «есть» и связано с ограничениями или «невсеобщностью», столь характерной для новых нон-систем.

Осознанность абстрагирования *автоматически* исключает отождествление, или «перепутывание порядков абстракций» – оба эти явления могут проявляться в виде семантического замешательства на всех уровнях. Если мы *не* осознаем абстрагирование, то мы не можем избежать отождествления или перепутывания объекта, с его конечным числом характеристик, с событием, с его бесконечным числом *других* характеристик. Замешательство между этими уровнями может ввести нас в семантические ситуации, заканчивающиеся неприятными шоками. Приобретая осознанность абстрагирования и помня о том, что объект *не является* событием, и что мы абстрагировали характеристики, которые меньше числом и отличаются от тех, что есть у события, мы можем ожидать множество непредвиденных происшествий. Вследствие чего, когда это неожиданное происходит, мы остаемся в безопасности от болезненных и вредных семантических шоков.

Если вследствие отсутствия осознанности абстрагирования мы отождествим или смешаем слова с объектами или чувствами, или воспоминания и «идеи» с переживаниями, которые относятся к несловесному объективному уровню, то тем самым мы отождествим абстракции высшего порядка с низшими. Поскольку этот особый тип семантического отождествления или замешательства крайне распространен, он заслуживает отдельного названия. Я называю его *объектификацией*, потому что он в основном представляет собой перепутывание слов или словесных материй (воспоминаний, «идей».) с объективными, несловесными уровнями, такими как объекты, переживания, чувства, . Объективируя, мы *забываем*, или *перестаем помнить* о том, что слова *не есть* объекты или сами чувства, что словесные уровни всегда отличаются от объективных. Когда мы их отождествляем, мы игнорируем их природные отличия, и тем самым делаем надлежащую оценку и полную адаптацию невозможными.

Подобные же семантические трудности возникает из-за перепутывания абстракций высшего порядка; например, из-за отождествления суждений с описаниями. Это можно проиллюстрировать следующими примерами. Изучая эти примеры, следует помнить о том, что организм действует как целое, и что «эмоциональные» факторы, соответственно, присутствуют всегда, и их не следует игнорировать. В этом исследовании читателю следует постараться *«эмоционально»* поставить себя на место того Иванова, о котором идет речь; тогда он не сможет не понять серьезные семантические расстройства, которые создаются этими отождествлениями в жизни каждого человека.

Давайте начнем с такого Иванова, который ничего не знает о том, что здесь говорилось, и *не* осознает абстрагирование. Для него, также как для Дружка, в принципе, нет никакого осознания того, что какие-то характеристики «опускаются». Он «эмоционально» убежден в том, что его слова полностью описывают тот «объект, который *«является* таким-то и таким-то». Он отождествляет свои низшие абстракции с опущенными характеристиками с высшими абстракциями, которые включают в себя все характеристики. Он приписывает словам совершенно ложную значимость и точность, которыми они не обладают. Он не осознает, что его слова могут для другого человека иметь совершенно другое значение. Он приписывает словам «эмоциональную» *объективность* и значимость, а объектам – словесную, А «постоянность», «определенность» и «однозначность», . Когда он слышит что-то, что ему не нравится, он не задает вопрос «Что ты имеешь в виду?», а, под воздействием семантического давления отождествления, приписывает свои собственные смыслы словам другого человека. Для него слова *«являются»* «эмоционально» нагруженными, объектифицированными семантическими фетишами, точно как у примитивного человека, который верил в «волшебство слов». Когда ему говорят что-то незнакомое, у него без задержки срабатывают *с.р.*, которые могут проявиться в виде «Я с тобой не согласен», или «Я тебе не верю». Нет никакой причины драматизировать по поводу какого угодно нелестного высказывания. Нужны определения и толкования подобных высказываний, которые, вероятно, являются корректными с точки зрения говорящего, если мы признаем то, что у него были свои источники информации, свои *неопределенные термины*, структура языка и предпосылки, из которых возникла его *с.р.* Однако наш Иванов, не подозревая о «структуре

человеческого знания», в основном придерживается семантического убеждения в однозначности, абсолютности, вещей и вечности слов, и не знает, или не *помнит*, что слова *не есть* сами события. Слова представляют собой абстракции высшего порядка, произведенные высшими нервными центрами, а объекты представляют собой абстракции низшего порядка, произведенные низшими нервными центрами. Под влиянием таких *бредовых тождественностей* он становится абсолютистом, догматиком, законченным верующим, . Он стремится установить «абсолютные истины», «вечные законы», и готов за них драться, не зная и не помня, или забывая об «упущенных характеристиках»; он ни в какой момент не осознает, что издаваемые им шумы *не являются* объективной действительностью, с которой мы имеем дело. Если кто-то ему противоречит, его это очень огорчает. Забывая об упущенных характеристиках, он всегда остается «прав». Для него его утверждение не только является *единственным возможным утверждением*, но он на самом деле придает ему некую космическую объективную значимость.

Приведенное выше *описание* не является удовлетворительным, но его нельзя значительно улучшить, поскольку данная ситуация связана с *несловесными* аффективными компонентами, которые *не являются* словами. Нужно просто попытаться поставить себя на его место и прожить его переживания, когда он отождествляет и бескомпромиссно верит в то, что его слова «являются» теми вещами, которые он ими обозначает. Для описания всех последствий подобного отождествления, которое приводит к неверной оценке, я могу еще добавить самые нудные *описания* взаимовлияния ситуаций, оценок, в ссорах, несчастьях, разногласиях, которые приводят к драмам и трагедиями, а также ко всевозможным «умственным» заболеваниям, так хорошо описанным в *беллетристике*. Так, Иванов₁, не осознающий абстрагирование, делает утверждение: «Круг – это не квадрат». Предположим, некий Сидоров₁ ему противоречит. Иванов₁ злится; ибо его *с.р* состоит в том, что его высказывание «является» «чистой правдой», а Сидоров₁, видимо, просто идиот. Он объективирует это, приписывает этому ненадлежащую значимость. Для него это «является» «опытным» «фактом», и он раздражается речами, понося Сидорова₁ и демонстрируя, как тот «неправ». Из такого семантического отношения проистекает множество трудностей и трагедий.

Но если Иванов₂ (осознающий абстрагирование) делает утверждение «Круг – это не квадрат», и Сидоров₂ ему противоречит, что сделает Иванов₂ в этом случае? Он улыбнется, не станет раздражаться речами в защиту *своего* утверждения, и спросит Сидорова₂: «Что ты имеешь в виду? Я тебя не вполне понимаю». Получив какой-то ответ, Иванов₂ объяснил бы Сидорову₂, что данное утверждение совершенно не является поводом для ссоры, поскольку оно словесно и истинно только по *определению*. Он бы также предоставил Сидорову₂ право *не* принимать его *определение*, а использовать другое, которое устраивает его самого. Тогда бы, само собой, возникла проблема того, какое определение могло бы устроить их обоих или было бы приемлемым для всех. Тогда проблема была бы решена с чисто прагматической точки зрения. Слова являются творениями определений, они – вопрос выбора, но это отношение связано с важной и новой *с.р*.

Оказывается, данный факт обладает гигантской семантической важностью, поскольку он обеспечивает применимое на практике основание для теории «универсального согласия». В первой части приведенного выше примера Иванов₁ был «прав» в соответствии с принятыми стандартами («круг не является квадратом»). Но является ли он «более правым», чем Сидоров₁, для которого «круг – это квадрат»? Вовсе нет. Оба утверждения относятся к словесному уровню и представляют собой лишь разновидности представлений для *с.р* *внутри их кожи*. Каждое из них может оказаться «правильным» при использовании неких явных или неявных «определений». Являются ли эти два утверждения одинаково действительными? Этого *мы не можем знать априори*; нужно провести исследование и выяснить, имеют ли данные произнесенные шумы значения за пределами патологии, и какое из утверждений структурно лучше описывает конкретную ситуацию, более продвинуто в плане описания и анализа данного мира, . Только научный структурный анализ может отдать приоритет одной форме над другой. Иванов и Сидоров могут лишь производить свои собственные «определения» в соответствии с собственными

ми *с.р.*, но они *не* являются судьями в отношении того, какие из «определений» в конце концов выдержат тестирование на структурность.

В тот момент, когда мы исключаем отождествление, мы становимся осознающими абстрагирование, и начинаем постоянно и инстинктивно помнить о том, что объект *не* есть событие, что ярлык *не* есть объект, и что утверждение об утверждении *не* есть исходное утверждение; так мы достигаем семантического состояния, в котором мы познаем то, что каждый «прав» в его собственных «определениях». Но никакое индивидуальное или непросветленное общественное мнение не является единственным мериллом того, какие «определения» и какой язык в результате одержат победу. Только структурное исследование (наука) может принять решение, что именно представляется на словесном уровне структурно более соответствующей формой представления для того, что происходит на несловесных, объективных уровнях.

Когда дело доходит до «описания фактов», ситуация фундаментально не меняется. Всегда сохраняется возможность допустить ошибки, и они допускаются. Кроме того, семантические впечатления, которые «факты» оставляют у нас, также индивидуальны, и часто находятся в конфликте, как это демонстрирует сравнение показаний очевидцев. Однако необходимости в постоянном несогласии нет; продолжение структурного исследования объективных и словесных уровней даст искомое решение. Если подобное исследование было проведено достаточно хорошо, всегда можно найти семантическую основу, в отношении которой мы все сможем согласиться, при условии, что мы не отождествляем, не объективируем и не смешиваем описания и суждения, описательные и оценочные слова, .

Поскольку наш анализ проводится со структурной и *нон-эл* точки зрения, нам не следует упускать из виду тот факт, что семантические компоненты, связанные со словами и высказываниями, присутствуют вообще всегда, за исключением только очень патологических случаев, и приобретают первостепенную важность. В прежние времена у нас не было простых и эффективных средств, с помощью которых мы могли бы повлиять на болезненные, неуместные или неадекватные оценки, смыслы, . посредством семантического пере-обучения, которое становится возможным благодаря данному анализу и использованию Структурного дифференциала. Средство исключения отождествления состоит в следующем: 1) *объективное* наглядное пособие, на которое можно *показывать пальцем*; и 2) убедительное объяснение (с показыванием пальцем на ярлыки) того, что словесные уровни, с их печальными и катастрофическими более старыми *с.р.*, полностью отличаются от уровней объектов и событий и таковыми *не являются*. Что бы мы ни говорили и ни чувствовали, объекты и события остаются на несловесных уровнях и не могут быть достигнуты посредством слов. При таких естественных структурных условиях мы можем достичь объективного уровня только через смотрение, осознание, реальное ощущения, . и, следовательно, через показывание пальцем на объект на Структурном дифференциале при сохранении молчания – все это невозможно донести *одними только* словами.

В экспериментах с «умственно» больными, у которых семантические расстройства были очень сильными, тренировка пациентов в не-отождествлении и безмолвии на объективном уровне заняла несколько месяцев. Но как только этот результат был достигнут, последовало полное или частичное освобождение от этого состояния.

Основная часть расстройств в повседневной жизни, а также в случаях «умственных» заболеваний, находится на аффективном уровне. Мы обнаруживаем внутреннее давление отождествлений, выражающееся в бурных речах, необоснованных семантических переоценках слов, приписыванию словам объективности, . В подобных случаях, сдерживание или подавление слов не дает хорошего результата, наоборот, часто это приносит *значительный вред*, и этого надо избегать всеми средствами. При таких условиях использование наглядной диаграммы становится необходимостью для указания различия между разными порядками абстракций и стимулирования семантически благотворного безмолвия на «объективном уровне», без сдерживания или подавления.

Используя Структурный дифференциал, мы можем исключить отождествление и тем самым получить пользу и избежать опасности. Если кто-то начинает отождествлять, и его *с.р.* приводят его к бурным речам, мы не начинаем его сдерживать или подавлять; вместо этого мы говорим:

«Как хочешь [это даст ему облегчение], но помни о том, что твои слова происходят на словесных уровнях [показывая жестом руки на свисающие ярлыки], а они *не являются* объективными уровнями, которые остаются незатронутыми и неизменными». Подобная процедура, повторяемая снова и снова, дает ему надлежащую семантическую *оценку порядков абстракций, освобождает его от отождествления, без сдерживания или подавления*. Это также учит его сомневаться в предполагаемых «фактах», и пытаться искать структурно более совершенные формы представления. Если такие результаты не появляются, мы можем использовать более старые формы, но, благодаря надлежащей оценке, мы не вкладываем семантических «убеждений» в эти формы представления. Подобные убеждения всегда появляются как результат отождествления в каком-то месте.

Техника тренировки проста. Мы живем на «объективном», или низшем порядке уровней абстракции, где мы должны смотреть, *чувствовать, осязать, действовать*, но *никогда* не должны говорить. В тренировке мы должны использовать руки, . Очень полезно после того, как Структурный дифференциал был несколько раз объяснен, с особым вниманием к отказу от отождествляющего «есть», не прерывать другого человека. Пусть он говорит, но вы при этом делаете жест рукой, указывая на словесные уровни; затем указываете пальцем на объективный уровень, а другой рукой прикрываете свои губы, демонстрируя то, что на объективном уровне можно быть только безмолвно. При постоянном выполнении эта пантомима оказывает весьма благотворный, семантический, умиротворяющий эффект на «сверх-эмоциональные» состояния, связанные с отождествлением. Нейрологический механизм данного действия не вполне понятен, но некоторые его аспекты довольно ясны.

Чем более сложной становится нервная система, тем дальше некоторые части мозга отстоят от непосредственного переживания. Нервные каналы, обладая конечной скоростью, в конце концов обретают всё более разветвленную структуру со всё более длинными маршрутами; возникают разные варианты и усложнения, что приводит к «задержке действия». Известно, что таламус (примерно) представляется связанным с аффективной и «эмоциональной» жизнью, и что кортекс, наиболее удаленный и изолированный от внешнего мира, обладает эффектом введения этой «задержки действия». В случае неуравновешенного и «эмоционального» «мышления», которое так распространено, таламус, по-видимому, перегружается работой, в то время как кортекс работает недостаточно. В результате мы наблюдаем у предположительно «цивилизованного» взрослого человека разные низкие формы животноподобного, примитивного или инфантильного поведения, часто при этом патологического характера. Видимо, «безмолвие на объективных уровнях» вводит «отложенное действие», выгрузку таламического материала в кортекс. Этот психофизиологический метод очень прост, научен и совершенно универсален. Стандартная «умственная» терапия наших дней применяет также *метод пере-обучения с.р.*, как бы освобождая таламус и проводя больше нервных каналов через кортекс, или, в конце концов, снабжая кортекс различным материалом, с тем чтобы таламический материал, вернувшись после обработки кортексом, мог оказать нужное влияние.

Если в таком семантическом пере-обучении добиться успеха, то трудности пропадают. Прежние экспериментальные данные показывают, что во многих случаях нам это удалось, а во многих – мы потерпели неудачу. Успешные случаи показывают, что мы на самом деле знаем, какие существенные семантические моменты тут работают; провалы показывают, что знания наши недостаточны, и что наши прежние теории недостаточно универсальны. В настоящее время только наиболее выраженные и патологические семантические расстройства находятся в области внимания врачей, а в плане *профилактики* принимаются крайне слабые меры. Кроме явно выраженных расстройств, в повседневной жизни мы сталкиваемся с гигантским числом семантических расстройств, которые мы игнорируем, называя «странностями». В большинстве случаев эти «странности» являются нежелательными, и при неблагоприятном стечении обстоятельств они могут привести к более серьезным последствиям патологического характера. Обычно это порождает множество несчастий для всех, кто с этим связан, а несчастье как таковое представляется симптомом некоей семантической непригодности в какой-то облас-

ти, и по этой причине может оказаться разрушительным для «умственного» и нервного здоровья.

Более серьезные «умственные» заболевания, типа тех, что обычно попадают в поле зрения психиатров, также обладают определенными психо-логическими симптомами, которые довольно универсальны. В данной работе нас интересуют такие симптомы, которые названы словами «бред», «иллюзии» и «галлюцинации». Все они связаны с семантическим отождествлением или *перепутыванием порядков абстракций*, оценки низших порядков абстракций как высших, или высших как низших. Уже было объяснено, что некоторые компоненты отождествления неизменно имеют место, так что отождествление можно рассматривать как элементарный тип семантического расстройства, из которого следуют все прочие состояния, отличаясь только интенсивностью.

Главный вопрос – это нахождение психофизиологических профилактических средств, которыми это отождествление можно предотвратить или исключить. На данный момент опыт и анализ показывают нам, что все формы отождествления можно успешно исключить через тренировку в визуализации, если это семантическое состояние можно произвести. Для этой цели уникальную ценность имеет Структурный дифференциал, без которого тут не обойтись. С его помощью мы тренируем все центры. Тут вовлекаются и низшие центры, так как мы смотрим, чувствуем, осязаем. ; и высшие, так как мы «вспоминаем», «понимаем». ; *что в результате дает нам совместную бесконфликтную работу всех центров*. Прививается «осознанность абстрагирования», замещающая вредные *с.р* смешивания порядков абстракций и отождествления.

Эта гармоничная работа всех центров на всех соответствующих уровнях производит долговременные практические результаты в области «умственной» и физической гигиены. Мы обретаем слаженность, приспособленность, и трудности, которые могли бы возникнуть в противном случае в будущем, заранее профилактически при этом устраняются. Нужно помнить, что в настоящее время невозможно предвидеть, насколько велик по размаху окажется благотворный эффект исключения отождествления на всех уровнях. На данном этапе нам даже на экспериментальном уровне известно, что эта польза очень велика, однако можно ожидать, что она станет куда более масштабной после проведения большего числа экспериментов. Бред, иллюзии и галлюцинации представляют собой проявления, возникающие практически при всех «умственных» трудностях, и они являются всего лишь семантическим отождествлением порядков абстракций, с различной степенью интенсивности. Исключив это замешательство, можно ожидать достижения общего улучшения данных симптомов. Но, поскольку, вероятно, совпадение *один в один* вряд ли существует, невозможно теоретически предсказать, какие улучшения можно ожидать в случае серьезного заболевания. При более легких расстройствах, которые влияют на нас в повседневной жизни, результаты предвидеть куда проще, и польза здесь *всегда* проявляется.

Для того, чтобы показать, до какой степени осознанность абстрагирования полезна семантически *для всего организма*, я приведу пример из собственного опыта. Однажды я путешествовал на корабле. Некий джентльмен посетил мою каюту и, увидев Структурный дифференциал, начал задавать о нем вопросы. После краткого объяснения, он спросил о практических применениях.

Мой гость сидел на моей койке; я же сидел на небольшом складном стульчике. Я поднялся, подошел к двери, затем сделал вид, что я вхожу, и он, как я ему предложил, произнес: «Присаживайтесь». Я же остался стоять, объясняя при этом, что, если бы я не был «осознающим абстрагирование», то для меня слово «присаживаться» отождествлялось бы со «стулом» (объектификация), и моя *с.р* была бы такой, что я бы сел с большой уверенностью. Если бы стул при этом сломался, то я бы, кроме удара, получил еще аффективный шок, «испуг», который бы мог нанести вред моей нервной системе. Но если я бы осознавал абстрагирование, то мои *с.р* были бы другими. Я бы помнил о том, что *слово, ярлык* «стул» *не* является вещью, на которую я, предположительно, должен сесть. Я бы помнил о том, что мне нужно сесть на этот индивидуальный, уникальный, несловесный объект, который может быть крепким или шатким, . Соответственно, я бы сел осторожно. И если бы этот стул сломался, и я бы испытал физическую боль, я бы всё равно не пострадал от аффективного нервного шока.

В течение всех этих объяснений я ощупывал тот стульчик и тряс его. И я не заметил, что его ножки отпадали, и что этот стул становился непригодным для использования. В общем, когда я на самом деле на него сел, то он подо мной развалился. Однако, я *не* упал на пол. Я успел подхватиться, так сказать, и спас себя тем самым от болезненного переживания. Важно отметить, что подобная физическая готовность требует очень тщательной нервной бессознательной координации, которая была достигнута семантическим состоянием *не-отождествления* или *осознанности абстрагирования*. При достижении такой осознанности абстрагирования это работает инстинктивно и автоматически, и *не* требует постоянных усилий. Срабатывание занимает *задержку действия* величиной в долю секунды, но эта маленькая задержка на практике безвредна; напротив, она обладает очень важными психо-логическими и нейрологическими эффектами «отложенного действия».

По-видимому, «безмолвие» на объективном уровне зависит от этой психофизиологической задержки. Независимо от того, насколько она мала, она служит для того, чтобы выгружать таламический материал в кортекс. В ряде клинических случаев доктор Филип С. Гравен (Dr. Philip S. Graven) продемонстрировал, что в тот момент, когда такую задержку удастся действительно у пациента создать, он либо улучшается, либо испытывает полное освобождение. Точный нейрологический механизм данного процесса неизвестен, но нет никакого сомнения в том, что это «отложенное действие» обладает весьма обширным полезным влиянием на нервную систему. Оно так или иначе компенсирует вредные *с.р.*, а также как-то стимулирует высшие нервные центры к большему *физиологическому* контролю над низшими центрами.

В связи с этим следует отметить один жизненно важный момент. То, что это «отложенное действие» благотворно, подтверждается большинством нормально развитых взрослых, в форме задержки действия, и находит своё выражение в таких высказываниях, как «подумай дважды», «придержи свои мысли», «не гони лошадей», «успокойся сначала», «остынь», «погоди», «подожди, отдышись». , и таких работающих рецептов, как «если ты разозлился, сначала сосчитай до десяти», . В обычной жизни подобная мудрость приобретает либо через болезненный опыт, либо преподается детям на *A* языке, который, как показывает практика, редко дает нужный эффект по причине своей неадекватности. Редко кто осознает, что механизм этих функциональных наблюдений и знакомых с детства советов обладает очень мощным и работающим основанием в виде *нейрологических процессов*, с которыми можно *что-то делать и на которые можно влиять через психофизиологические, упорядочивающие, нон-эл* методы, связанные со *структурой языка, который мы используем*. Так, в условиях инфантильной, *A* и подавляющей системы мы используем язык, основанный на отождествляющем «есть», и преподаем его своим детям, что непременно приводит к перепутыванию порядков абстракций, к созданию у себя и у детей вредной семантической предрасположенности к «бурным речам», вместо «подожди минутку», которые, нейрологически, равнозначны злоупотреблению таламусом и «лишению работы» кортекса. В *A* ∞ -значной системе мы отвергаем отождествляющее «есть»; мы не можем перемешать порядки абстракций; мы не можем отождествлять слова с несловесными объективными уровнями, или суждения с описаниями, и мы не можем отождествлять различные абстракции различных индивидуумов, . Это семантическое состояние адекватной оценки приводит в результате к различению между разными порядками абстракций; вводит автоматическую задержку – кортекс полностью включается в нервный контур. Закладывается семантический фундамент для «высшего мышления» и «эмоциональной уравновешенности».

Мы уже как-то раз упоминали о механизме проекции в связи с отождествлением, как о семантическом состоянии аффективного приписывания характеристик от нижних центров абстракциям высшего порядка и наоборот, и в связи с интровертированными и экстравертированными установками. Подобным же образом мы уже сделали вывод о том, что хорошо адаптированный и, соответственно, хорошо уравновешенный индивидуум не должен впасть ни в какую из крайностей, но быть уравновешенным экстравертным интровертом. Этот важный семантический результат может быть достигнут через тренировки с Дифференциалом. Работая с «объектом» на его уровне, мы экстравертируемся, и учимся наблюдать; это приводит к семантической свободе от «устоявшихся представлений», подобных тем, которые у нас уже имеются в начале

оценки, ярлык сначала, а объект потом, вместо естественного порядка – сначала объект, потом ярлык. Переходя к более высоким порядкам абстракций и оценке последовательных уровней ярлыков, мы отрабатываем интроверсию. Результат, как целое, состоит в том, что мы можем достичь желательного и уравновешенного семантического состояния экстравертированного интроверта.

Полезно то, что при тренировках с Дифференциалом мы используем все доступные нервные центры, поскольку низшие центры находятся в более тесной связи с вегетативной нервной системой, чем прочие.

ГЛАВА XXVII

АБСТРАКЦИИ ВЫСШЕГО ПОРЯДКА

Характерные черты, которые наука распознает в природе – это очень тонкие особенности, неочевидные на первый взгляд. Это отношения между отношениями и особенности особенностей. (573) A.N. WHITEHEAD

В связи с этим нужно обратить особое внимание на то, что человеческий язык позволяет конструировать предложения, которые не влекут никаких последствий и, соответственно, вообще не имеют никакого содержания – вопреки тому факту, что эти предложения создают некую картинку в нашем воображении; например, утверждение о том, что кроме нашего мира существует также другой мир, с которым принципиально невозможно установить какую-либо связь, не приводит ни к каким экспериментальным последствиям, но при этом создает в уме некую картинку. Очевидно, подобное утверждение нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Особенно осторожно нужно пользоваться словами «реальность», «действительно», и т.п., поскольку эти слова очень часто ведут к возникновению утверждений вышеописанного типа. (215) W. HEISENBERG

Раздел А. Общий.

В предыдущих главах я продемонстрировал, что имеется сокращенное обозначение, которое даёт нам возможность понять, усвоить и применить то, что предлагается в данной работе. Это семантическое сокращенное обозначение – «осознанность абстрагирования». Это психологическая установка в отношении всего нашего абстрагирования на всех уровнях, связанная, соответственно, с согласованной работой организма как целого.

Использование Структурного дифференциала тут является необходимостью, поскольку некоторые уровни несловесны. Мы можем их видеть, осязать, ощущать, но *ни при каких* обстоятельствах мы не можем достичь этих уровней посредством одной только речи. Поэтому нам нужно иметь диаграмму, предпочтительно в виде наглядного пособия, которая представляет эти эмпирические структурные условия и показывает несловесный уровень другими средствами, не речью. В самом простом случае мы должны либо показывать на объект пальцем, настаивая при этом на безмолвии, либо совершить некое другое телесное движение, точно так же настаивая на безмолвии, так как движения и чувства также *не являются* словами.

В таком семантическом обучении достаточно настаивать на неотожествлении или на отличии между объективными, *несловесными* уровнями низших порядков абстракции, (O_h), и словесными, или высшими порядками абстракции, (L_n). Приобретая эту привычку и это чувство, мы далее не должны сталкиваться с трудностями в распространении метода неотожествления на нашу повседневную жизнь. Для достижения этих семантических целей мы должны сначала подчеркнуть тот основанный на здравом смысле факт, что объект *не является* событием. Для того, чтобы это сделать, мы начнем с научной структурной «метафизики» события от 1933, и особо выделим тот факт, что объект, будучи нервной абстракцией низшего порядка, имеет меньше *m.n* характеристик, чем событие, и его характеристики отличаются от характеристик события. Это лучше всего достигается подчеркиванием того факта, что при абстрагировании из события в объект мы опускаем некоторые характеристики. Мы не *абстрагируем* «все» характеристики; это было бы противоречием в терминах, невозможностью.

Нам даже не требуется подчеркивать полное понимание события. Простых примеров, которые позволяют продемонстрировать это на уровне здравого смысла – скажем, то, что мы узнаем как «карандаш» – это не «всё», тут вполне достаточно. Ни у кого не будет трудностей, при условии, что он обучится в этом направлении, с постоянным и инстинктивным *вспоминанием* о свободно свисающих нитях (B'), (B''), которые обозначают

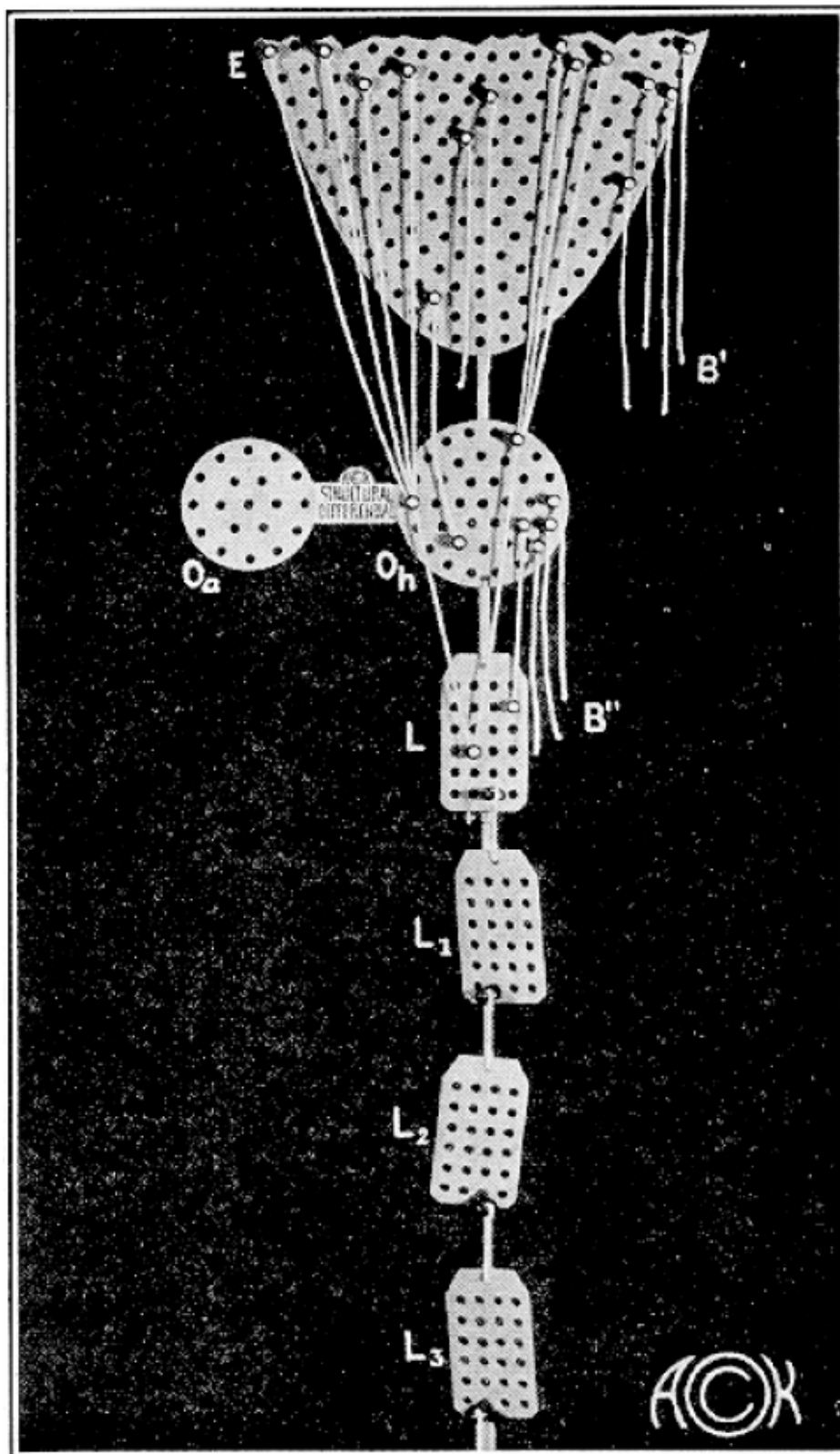

FIG. 1
THE STRUCTURAL DIFFERENTIAL

неабстрагированные или выпущенные характеристики и помогают натренироваться в *неотождествлении*. С помощью наглядного пособия *s.p* студента тренируются *через все нервные центры*. Он видит, осязает, слышит, свисающие нити, а также слышит о них. Это дает *максимальную вероятность* того, что воздействие будет оказано на организм как целое. Таким образом «интеллектуальная» теория задействует механизмы «чувств», ощущений и рефлексов. Для воздействия на организм как целое нужно использовать целостные методы.

Подобная же структурная ситуация обнаруживается при работе с абстракциями высшего порядка. Слово, название или утверждение передается в устной или письменной форме, и сначала воздействует на низшие центры, а потом абстрагируется и преобразуется далее высшими центрами. В общем, такой порядок не меняется и справедлив для случая, когда устные вопросы невидимы и неслышимы, а производятся внутри нас самих. Большинство «импульсов», «интересов», «смыслов», «оценок», производятся в низших центрах и следуют обычным курсом от низших центров к высшим. Когда «переживание» (реакция низших центров) преобразуется в «вспоминание» (высшие центры), порядок также подобный. Трудности возникают тогда, когда этот порядок патологически *обращается* и «идеи» начинают оцениваться как опыт, слова как объекты. В построении языка можно наблюдать похожий процесс. Мы наблюдаем абсолютных индивидуумов, с которыми мы действительно имеем дело, обозначаем их индивидуальными названиями, скажем, $A_1, A_2, \dots, A_{11}, A_{12}, \dots, A_{21}, A_{22}, \dots, A_{31}, A_{32}, \dots$. Через процесс абстрагирования и *игнорирования*, например, характеристик, обозначенных индексом «1», мы можем оставить только те, которые обладают характеристиками с индексами 2, 3, ..., 9, 22, 23, ..., 29. *Проигнорировав* характеристики с индексом «2», мы оставим только те, что обозначены как 3, 4, ..., 9, 33, 34, ..., 39. Наконец, если мы исключим все *индивидуальные* характеристики и индексы, то получим «общее» название А для всей группы, не выделяя в ней никаких индивидуальных характеристик.

Все слова типа «человек», «животное», «дом», «стул», «карандаш», были построены подобным процессом абстрагирования, или игнорирования, индивидуальных отличий. В каждом случае *игнорирования* индивидуальных характеристик был задействован новый нейрологический процесс.

Подобное же происходит с «утверждениями об утверждениях». Когда мы слышим некое утверждение или видим его в письменной форме, оно становится стимулом, который поступает через низшие центры, и утверждение о нем представляет собой, вообще говоря, *новый* процесс абстрагирования, или абстракцию высшего порядка.

Становится очевидно, что введение языка «различных порядков абстракции», хотя он и не является привычным, тем не менее структурно весьма близко соответствует в терминах *порядка* наиболее фундаментальным нейрологическим процессам, которые происходят в нас. Как нам уже известно, естественный порядок был установлен эволюцией; а именно: сначала абстракции низшего порядка, потом высшего; отождествление порядков или обращение порядков представляется для человека патологией и проявляется как смешивание порядков абстракций, которое приводит к *ложной оценке*: отождествлению, иллюзиям, бреду и галлюцинациям.

Исторически первыми, кто обратил серьезное внимание на вышеописанную проблему систематическим образом, хоть и в ограниченном объеме, были математики. При исследованиях проблем фундаментальных основ математики, математической «логики» и теории множеств, мы натолкнулись на противоречия, которые сделали бы математику невозможной. Во избежание этой беды Рассел (Russell) изобрел нечто, названное им «теорией математических типов». Статус этой теории очень интересен и поучителен. Эта теория решает математические трудности, спасая таким образом математику, но у нее *нет* никакого применения в жизни. Практически все математики, если я не ошибаюсь, включая самого автора теории, как-то «не любят» эту теорию и стараются решать задачи другими способами и по возможности вообще избегать этой теории.

Мы уже показали, что введение языка «различных порядков абстракции» структурно полностью обоснованно и физиологически естественно, поскольку он описывает в терминах «порядка» деятельность нервной системы. Такие факты важны; но если, кроме того, введение языка

новой $\bar{A}$ структуры позволит нам и далее демонстрировать его преимущества, то введение такого языка стало бы всё более желательным.

Несмотря на то, что большинство математиков «не любит» теорию типов, эта теория, тем не менее, безусловно является необходимой для несамопротиворечивой математики. Автор был приятно удивлен, обнаружив, что после того, как была сформулирована его $\bar{A}$ -система, эта простая и естественная, действенная, функциональная, применимая, *нон-эл* теория оказалась перекрывающей и обобщающей теорию математических типов, делая эту теорию применимой не только в области решения математических парадоксов, но также в отношении большинства чисто человеческих и научных проблем. Одно общее правило «несмешивания порядков абстракций» и приобретение простой и полезной «осознанности абстрагирования», основанной на отказе от отождествляющего «есть», предоставляет *полное* структурное и семантическое решение. Игнорирование связанных с этим вопросов неизбежно приводит к возникновению бесконечных и никому не нужных человеческих страданий и бед, устранение которых является одним из основных моментов теории психического здоровья. В 1933 году не является тайной то, что постоянное получение небольших болезненных шоков может привести к серьезным семантическим и физическим расстройствам. Психологам и психиатрам будет всё труднее и труднее работать над стоящими перед ними проблемами, если они продолжат игнорировать эти семантические моменты. Родители и учителя обнаружат простые, но очень эффективные структурные средства для тренировки *здоровых* реакций у детей, со всеми соответствующими семантическими выгодами для людей и для общества.

Когда Уайтхед (Whitehead) и Рассел (Russell) работали над основаниями математики, они столкнулись с бесконечными парадоксами и противоречиями в себе, которые, конечно, сделали бы математику невозможной. Приложив множество усилий, они обнаружили, что у этих всех парадоксов был один общий источник, грубо говоря – выражения, которые содержали слово «все», и решение было найдено во введении «невсеобщности», семантического предшественника неотождествления. Рассмотрим для примера «утверждение обо всех утверждениях». Они обнаружили, что подобные обобщения, или «общие» утверждения, были незаконными, поскольку они с самого начала противоречили самим себе. Невозможно законным образом сделать утверждение обо «*всех*» утверждениях без какого-либо ограничения, поскольку оно бы включило в себя и это новое только что сделанное утверждение. Если рассмотреть *м.п* термин, такой как «утверждение», а таковые мы можем производить безо всякого ограничения, и вспомнить о том, что любое утверждение *об* утверждениях принимает форму утверждения, то, очевидно, мы не можем делать утверждения обо *всех* утверждениях. В подобных случаях это утверждение должно быть ограничено; у такого набора нет *общей суммы*, и утверждение обо «всех его членах» нельзя сделать законным образом. Подобным же образом, мы не можем говорить обо *всех* числах.

Утверждения типа «утверждения обо *всех* утверждениях» были названы Расселом «незаконными обобщениями». В подобных случаях необходимо подразделить данный набор на более мелкие наборы, каждый из которых может быть обобщен. В общих чертах это и есть суть формулировки цели теории типов. На языке *Principia Mathematica* тот принцип, который дает нам возможность избежать незаконных обобщений, можно выразить следующим образом: «То, что касается *всего* множества, не должно являться одним из этого множества», или «Если, при условии, что у определенного множества есть общая сумма, в нем найдутся члены, определяемые только в терминах этой общей суммы, то у рассматриваемого множества нет никакой общей суммы». ¹ Вышеуказанный принцип называется «принципом порочного круга», поскольку он позволяет нам избавиться от порочных кругов, которые порождаются введением незаконных обобщений. Рассел называет споры, которые связаны с принципом порочного круга, «заблуждениями порочного круга».

В качестве примера Рассел дает двужначный закон «исключенного третьего», сформулированный в виде «все утверждения являются либо истинными, либо ложными». Мы впадаем в заблуждение порочного круга, если начинаем утверждать, что закон исключенного третьего принимает форму утверждения, и, следовательно, может оцениваться как истинный или ложный.

Прежде чем мы сможем сделать какое-либо утверждение обо «всех утверждениях» законным, нам нужно ограничить его некоторым образом, так, чтобы утверждение об этом множестве не входило в само это множество.

Другим примером заблуждения порочного круга может послужить некий воображаемый скептик, который заявляет, что он ничего не знает, и в ответ получает опровергающий вопрос — а *знает* ли он, что он ничего не *знает*? Прежде чем заявление этого скептика станет значимым, он должен неким образом ограничить количество фактов, в отношении которых он проявляет свое «невежество», иначе он сделает незаконное обобщение. Когда же такое ограничение наложено, и он заявляет, что он невежествен в отношении экстенциональной последовательности утверждений, и его утверждение о собственном невежестве не является членом этой последовательности, то подобный скептицизм опровергнуть подобным образом невозможно.

У нас нет надобности погружаться в дальнейшие подробности сложной и трудной теории типов. В моей $\bar{A}$ психофизиологической формулировке эта теория становится структурно крайне простой и естественной, и она применима как к математике, так и к большому количеству повседневных переживаний, устраняя невероятно большое число непониманий, порочных кругов и прочих семантических источников человеческих несогласий и несчастий.

Следует отметить, что в приведенных примерах мы всегда делали утверждение *о* другом утверждении, и что полученный порочный круг возникал из-за отождествления или смешивания порядков данных утверждений. Выход обнаруживается в виде «осознанности абстрагирования», которая дает семантическое различие между *порядками абстракций*. Если у нас есть определенные предпосылки, $p_1, p_2, p_3, \dots p_n$, и мы строим новую предпосылку об этих предпосылках, скажем, P , то, в соответствии с представленной теорией, предпосылка P о предпосылках $p_1, p_2, \dots$ должна рассматриваться как абстракция более высокого порядка, другого порядка, который не должен отождествляться с порядком предпосылок $p_1, p_2, \dots p_n$.

Приведенная выше психофизиологическая формулировка является совершенно общей, но при этом простой и естественной в рамках $\bar{A}$ -системы. Для того, чтобы сделать это более ясным, я возьму несколько утверждений касательно теории типов из *Principia Mathematica*, обозначив их как (Pr.), и переформулирую их на моем языке *порядков абстракций*, обозначив их сокращением для общей семантики (G. S.).

Так, «Рассматриваемые порочные круги появляются из предположения о том, что совокупность объектов может содержать члены, которые определимы только посредством данной совокупности как целого» (Pr.). Объекты как индивидуумы и как «обобщение объектов», очевидно, принадлежат к различным порядкам абстракций, которые не следует смешивать (G.S.). «Утверждение обо *всех* утверждениях» (Pr.). Это связано со смешиванием порядков абстракций, поскольку, если мы сформулируем утверждения $p_1, p_2, \dots p_n$, то утверждение P об этих утверждениях будет представлять собой абстракцию высшего порядка, которую не следует с ними отождествлять (G.S.). «Более общо, рассматривая любой набор объектов, подобный данному, если мы предположим, что у данного набора есть общая сумма, и при этом в нем найдутся члены, определимые только в терминах этой общей суммы, то у рассматриваемого набора нет никакой общей суммы. Говоря о том, что у набора нет «общей суммы», мы имеем в виду, что «обо всех его членах» невозможно сделать какое-либо осмысленное утверждение». (Pr.). Набор утверждений, объектов или элементов, или чего-то подобного, и утверждение *о* них относятся к разным порядкам абстракций, и их не следует смешивать (G.S.). На языке Виттгенштейна (Wittgenstein): «Никакое утверждение не может ничего сказать о себе, поскольку предпосылка не может следовать из себя самой (это «вся суть теории типов»).»²

На языке современной общей семантики утверждение об утверждении не является «таким же» утверждением, но представляет собой, по структурной и нейрологической необходимости, более высокий порядок абстракции. И его не следует путать с исходным утверждением.

Подобные переформулировки относятся ко всем случаям, приведенным в *Principia Mathematica*, так что становится очевидно, что представленная теория охватывает ту же территорию, что и теория типов, а также бесконечный список повседневных жизненных проблем, которые несут критическую семантическую важность для теории психического здоровья. Здесь

мы должны особо указать на простой, естественный и *единственный семантический закон неотждественности, который охватывает все смешивания порядков абстракций*. Это одно правило, а также тренировки, учат нас не смешивать высшие абстракции с низшими, не отождествлять слова с объектами (не объектифицировать), а также не смешивать высшие абстракции разных порядков. Эта обобщенность и структурная простота являются весомым аргументом в пользу представленной $\bar{A}$ -системы. Преподавать простое, единственное и естественное правило, которое перекрывает огромную область семантических источников человеческих трудностей, гораздо проще. Ибо как только данное правило объяснено, и ученик потренировался со Структурным дифференциалом, семантическая проблема разрешается просто показыванием пальцем на «различные порядки абстракций», и настаиванием на том, что «это *не есть* это».

Если рассмотреть естественный, структурный и *эмпирический* факт о том, что наши жизни проживаются в мире неотждествляемых абстракций разных порядков, различие между этими различными порядками обретает первостепенную семантическую важность для оценки. При таких условиях нам следует тщательно разобраться с механизмом этих различных порядков абстракций. Во-первых, следует отметить, что язык *Principia Mathematica* является A , и содержит отождествляющее «есть», . Такой язык приводит к отождествлениям и замешательствам, делая простые вопросы трудными и парадоксальными. Термин «класс» сам по себе запутывает. Что мы имеем в виду под этим термином? В жизни у нас есть только *индивидуальные* вещи на *объективных, несловесных* уровнях. Если мы возьмем некоторое их количество, то у нас их будет несколько, но каждая из них сохранит индивидуальность. Если мы производим абстракцию высшего порядка, при потере индивидуальности каждого члена, то у нас получается абстракция высшего порядка (на старом языке, «идея»), и у нас больше нет тех абсолютных индивидуумов из нашего набора. Термин «класс» в этом отношении вводит в серьезное замешательство, поскольку он склонен опускать простой экспериментальный факт, и он приводит к смешиванию порядков абстракций, если не сформулировать *многопорядковость* термина «класс».

Многие критики и рецензенты *Principia Mathematica* так или иначе понимали, что это так, но их критика была не слишком уверенной и не добиралась до корней этой A семантической трудности. Они не обращают внимания на A , «логический», «философский» и «психологический» *элементалистский* метод и язык, построенный на отождествляющем «есть», на котором написано введение в *Principia*. Доктор Алонсо Черч (Alonzo Church) является первым, насколько мне известно, кто предположил, что, следуя идеям Пеано (Peano), числа следует определять на языке абстракций. Однако он не продолжает этот анализ далее и не говорит о том, что для этого требуется язык с совершенно иной $\bar{A}$ структурой.³ Если отказаться от термина «класс» и принять язык «абстракций *различных* порядков», то мы придем далее к отказу от отождествляющего «есть» и к представленной здесь системе, в которой теория математических типов становится необходимой частью. Проблемы «класса» перестают быть «предположением», так как различные порядки абстракций являются описанием экспериментальных фактов; так что «аксиома сводимости» становится ненужной. На моем языке, данная аксиома также является *аристотелевым описанием* того экспериментального факта, что мы можем абстрагировать на различных порядках.

Раздел В. Многопорядковые термины.

В примерах в Разделе А мы использовали такие слова, как «утверждение», которые применимы ко всем абстракциям высшего порядка. Мы уже видели, что подобные термины могут иметь разные применения и значения при использовании на разных порядках абстрагирования. Это порождает явление, которое я называю *многопорядковость* терминов. Слова «да», «нет», «истинный», «ложный», «функция», «свойство», «отношение», «число», «различие», «название», «определение», «абстракция», «утверждение», «факт», «реальность», «структура», «характеристика», «проблема», «знать», «думать», «говорить», «ненавидеть», «любить», «сомневаться», «причина», «следствие», «значение», «оценка» и бесконечный набор наиболее важных терминов, которые у нас есть, нужно рассматривать как *многопорядковые термины*. У этих *м.п.* терминов есть одна наиболее важная семантическая характеристика: они неоднозначны, или ∞ -

значны, и у каждого появляется некое определенное значение или смысл только и исключительно при наличии конкретного контекста, когда можно определенно указать порядок абстракции.

Эти вопросы представляются крайне простыми и общими, они являются неотъемлемой частью структуры «человеческого знания» и нашего языка. Мы не можем игнорировать эти семантические вопросы и, соответственно, остается только один выход – явным образом разобратся с ними. Тест на многопорядковость термина прост. Давайте сделаем любое утверждение и посмотрим, применим ли к нему данный термин («истинный», «ложный», «да», «нет», «факт», «реальность», «думать», «любить», .). Если да, давайте намеренно сделаем другое утверждение *о* предыдущем утверждении, и проверим, можно ли снова использовать тот же самый термин. Если это так, можно уверенно предположить, что данный термин следует рассматривать как *м.п.* Каждый может безо всяких трудностей самостоятельно протестировать подобный *м.п.* термин. Главный момент по поводу всех подобных *м.п.* терминов состоит в том, что, *в общем*, они *неоднозначны*, и все споры о них, «в общем», приводят только к *отождествлению порядков абстракций и семантическим расстройством*, и больше ни к чему. Многопорядковые термины обладают определенным значением только на данном уровне и только при заданном контексте. Прежде чем начинать о них спорить, нужно зафиксировать их порядки, после чего все вопросы станут простыми, и возникнет согласие. Что касается «порядков абстракции», у нас тут нет возможности убедиться в «абсолютном» порядке абстракции; кроме того, это *никогда* и не требуется. В человеческих семантических трудностях, в науке, а также в частной жизни, обычно требуется рассматривать не более чем три, может быть, даже два, соседних уровня. Когда дело касается серьезного обсуждения некоей проблемы, из-за смешивания соседних уровней или их отождествления возникают ошибки, неоднозначности, замешательства и разногласия. На практике разобратся с этими тремя (или двумя) уровнями и разделить их можно *крайне просто* – *при условии, что мы осознаем абстрагирование, но только при этом условии.*

Для теории психического здоровья эти вопросы представляются важными и существенными структурно. В отождествлениях, бреде, иллюзиях и галлюцинациях мы обнаружили *смешивание* порядков абстракций, или ложную оценку, выраженную в виде обращения естественного порядка.

Один из симптомов этой путаницы проявляется в виде «ложных убеждений», которые, опять же, подразумевают сравнение утверждений о «фактах» и «реальности», и связаны с такими терминами, как «да», «нет», «истинный», «ложный», . Поскольку все эти термины многопорядковые, и, следовательно, неоднозначные, следует избегать «философской» болтовни «об этом вообще». С осознанностью абстрагирования и, следовательно, с *чувством* в отношении этого особенного расслоения «человеческого знания», все семантические проблемы можно решить довольно просто.

Невозможно и нежелательно избегать *м.п.* терминов. Систематическая неоднозначность большинства важнейших терминов происходит в соответствии с систематической аналогией. Они появляются как непосредственный результат и условие нашей способности абстрагировать на различных порядках, и позволяют нам применять одну цепочку ∞ -значной логики к бесконечному набору различных однозначных фактов, каждый из которых отличается ото всех остальных и становится управляемым только благодаря нашей абстрагирующей способности.

Более подробное описание теории типов читатель может найти в ссылках на литературу по предмету и в Приложении II⁴; здесь же я только приведу несколько примеров сложностей и трудностей, встроенных в язык, и покажу, как просто они решаются с помощью $\bar{A}$ общей семантики и проистекающей из нее «осознанности абстрагирования».

Для примера я процитирую анализ Рассела «простого» утверждения «я лгу», приведенный в *Principia*. «Старейшее противоречие подобного рода известно по имени *Эпименида*. Эпименид Критский сказал, что все критяне – лжецы, и что все утверждения, сделанные критянами, определенно являются ложными. Было ли это утверждение ложью? Простейшая форма данного противоречия предоставляется человеком, который говорит «Я лгу»; если он лжет, то он говорит правду, и наоборот. . . .

«Когда человек говорит «Я лгу», можно истолковать его утверждение как: «Есть утверждение, которое я высказываю, и которое является ложным». То есть, он утверждает истинность некоторой ценности функции «я утверждаю p , и p является ложным». Но мы видели, что слово «ложный» является неоднозначным, и что для того, чтобы сделать его однозначным, нужно конкретизировать порядок этой ложности, или, что то же самое, порядок утверждения, которому приписывается ложность. Мы также видели, что, если p является утверждением n -ного порядка, то утверждение, в котором p , очевидно, является переменной, не принадлежит к n -ному порядку, а имеет более высокий порядок. Следовательно, истинность или ложность, которые могут относиться к утверждению «имеется утверждение p , которое я утверждаю и которое обладает ложностью n -ного порядка» – это истинность или ложность более высокого порядка, чем n -ный. Следовательно, утверждение Эпименида не относится к самому себе, и, соответственно, не возникает никакого противоречия.

«Если мы рассмотрим утверждение «Я лгу» как компактный способ одновременно сделать все следующие утверждения: «Я высказываю ложное утверждение первого порядка», «Я высказываю ложное утверждение второго порядка», и так далее, то мы обнаружим следующее любопытное состояние дел: по причине отсутствия высказанного утверждения первого порядка, утверждения «Я высказываю ложное утверждение первого порядка» является ложным. Это утверждение принадлежит ко второму порядку, следовательно, утверждение «Я делаю ложное утверждение второго порядка» является истинным. Это утверждение третьего порядка, и оно является единственным утверждением третьего порядка, которое делается. Следовательно, утверждение «Я делаю ложное утверждение третьего порядка» является ложным. Так, мы видим, что утверждение «Я делаю ложное утверждение порядка $2n+1$ » является ложным, в то время как утверждение «Я делаю ложное утверждение порядка $2n$ » истинно. При таком положении дел никакого противоречия не наблюдается».⁵

Понятно, что если применить язык порядков абстракций к вышеописанному случаю, то подобный вывод можно сделать в более обобщенном и простом виде. Если смешивать порядки абстракций, то, естественно, из этого выйдет бесконечный спор. Этот пример показывает, как смешивание порядков абстракций может привести к нерешаемым словесным проблемам, и как семантически важно то, что не следует отождествлять и нужно быть осознающим абстрагирование, с проистекающим из этого инстинктивным чувством этого особенного структурного расщепления «человеческого знания». Следует отметить, что при смешивании порядков абстракций и использовании $m.n$ терминов, без осознания их ∞ -значного характера, всегда можно создать бесконечный набор подобных словесных споров, которые будут затемнять данный вопрос, но как только мы припишем $m.n$ терминам определенный порядок и тем самым установим конкретное единственное значение для данного контекста для множества значений, которыми может обладать любой $m.n$ термин, все трудности пропадут.

Поскольку вышеприведенный анализ относится ко всем $m.n$ терминам, а эти термины являются наиболее важными в нашей жизни, нет никакого смысла в попытках избегать этих терминов или последствий их использования. Как раз наоборот; часто возникает структурная необходимость в построении $m.n$ термина – например, «абстрагирование» – где мы должны принять за данность то, что он обладает множеством значений, и указать на эти значения, придавая этому термину определенный порядок абстракции. Так, такие термины, как «абстрагирование» или «характеристика», можно рассматривать как путанные или вводящие в замешательство; но «абстрагирование на различных порядках», таким не будет, поскольку в конкретном контексте всегда можно приписать данному термину определенный порядок и единственное значение.

Уже несколько раз повторялось, что $m.n$ термин, по структурной необходимости, обладает множеством значений. Независимо от того, как мы его определим, его определение, опять же, основано на других $m.n$ терминах. Если мы попытаемся дать $m.n$ термину *общее* «значение», которым он обладать не может, дальнейший и более глубокий анализ раскрыл бы многопорядковость терминов, которыми он определяется, что снова бы восстановило его многопорядковость. Поскольку возможности избежать вышеописанного вопроса нет, было бы правильнее, а также удобнее сразу признать фундаментальную многопорядковость термина. И если мы это сделаем,

мы не будем путаться в отношении значения подобного термина в данном контексте, потому что, в принципе, в контексте его значение является единственным, оно этим контекстом зафиксировано. Семантические выгоды такого признания многопорядковости, в основном, сводятся к семи категориям: (1) мы экономим огромное количество «времени» и усилий, поскольку мы прекращаем «охоту на сарка», обычно называемую «философией», или на однозначное общее определение *м.п* термина, которое не было бы сформулировано другими *м.п* терминами; (2) мы обретаем большую гибкость в самовыражении, поскольку наш наиболее важный словарный запас состоит из *м.п* терминов, и его можно бесконечно расширять за счет назначения множества различных порядков и, следовательно, значений; (3) мы признаем то, что определение *м.п* термина должно, с необходимостью, представлять собой не утверждение, а функцию в отношении утверждений, построенную на переменных; (4) нам не требуется особенно беспокоиться о формальном определении *м.п* термина вне рамок математики, но мы можем свободно пользоваться им, осознавая его уникальное, в принципе, значение в данном контексте, которое структурно фиксируется имеющимся контекстом; (5) при таких структурных условиях, свобода писателей и ораторов обретает особую широту; их словарный запас состоит, потенциально, из бесконечного количества слов, и психо-логическая, семантическая блокада при этом устраняется; (6) они знают, что читатель, который понимает этот ∞ -значный механизм, никогда не впадет в замешательство в отношении смысла, который вкладывался в то или иное высказывание; и (7) весь лингвистический процесс становится крайне гибким, при этом сохраняя свой существенный однозначный характер для конкретных случаев.

В определенном смысле, подобное применение *м.п* терминов можно обнаружить в поэзии, и хорошо известно, что многие ученые, особенно те, кто увлекается творчеством, любят стихи. Более того, поэзия часто в нескольких словах передает больше вечных ценностей, чем целый том научного анализа. Свободное использование *м.п* терминов, без необходимости волноваться о структурно невозможном вне рамок математики формализме, достигает этой цели, *при условии, что мы осознаем абстрагирование; в противном же случае возникает одно лишь замешательство.*

Следует понимать, что у меня нет намерения осуждать формализм. Формализм наиболее строгого характера является дисциплиной крайне важной и ценной (на данный момент это математика); но формализм как таковой в экспериментальной науке и в жизни часто становится препятствием, а не помогает, потому что в эмпирической науке и жизни мы занимаемся исследованием и открытием неизвестной структуры мира с целью структурной адаптации. Формальное рассмотрение любого языка сводится лишь к последовательному разбору его структуры, который должен проводиться независимо, если мы хотим получить средства для сравнения словесной и эмпирической структур. С $\bar{A}$ точки зрения оба вопроса одинаково важны для исследования структуры.

При таких структурных эмпирических условиях *м.п* термины приобретают большую семантическую важность, и, возможно, без них язык, математика и наука вообще были бы невозможны. Как только мы понимаем это, мы вынуждены осознать глубокую структурную и семантическую разницу между A и $\bar{A}$ системами. То, что прежде считалось утверждениями, становится функциями от утверждений, и большинство наших доктрин становятся доктринальными функциями Кейсера (Keyser), или системными функциями, позволяющими множественные толкования.

Термины принадлежат к словесным уровням, и их значения должны даваться определениями, а определения зависят от неопределяемых терминов, которые всегда, насколько я знаю, представляют собой *м.п* термины. Возможно, для того чтобы вообще быть полезными, они должны обладать таким характером. Принимая в расчет эти структурные эмпирические условия, мы должны сделать вывод, что постуляционный метод, который дает структуру конкретной доктрины, лежит в основании всех человеческих лингвистических действий, как в повседневной жизни, так и в математике и науке. Изучение этих проблем проливает наиболее важный свет на все тайны языка, и на надлежащее использование этой самой важной человеческой нейрологической и семантической функции, без которой психическое здоровье невозможно.

Со структурной точки зрения, постулаты, определения или предположения должны рассматриваться как те устанавливающие отношения или многомерные порядковые структурные предположения, которые определяют, вместе с неопределяемыми терминами, структуру данного языка. Очевидно, для выявления структуры языка нужно проработать данный язык до получения системы постулатов и обнаружения минимального набора его (не являющихся уникальными) неопределяемых терминов. Сделав это, мы должны увидеть перед собой полностью раскрытую систему; далее, обладая тщательным знанием структуры данного языка, мы обретаем крайне ценный инструмент для исследования эмпирической структуры через словесное предсказание и последующую эмпирическую проверку.

Чтобы успокоить неспециалистов, позвольте мне сразу сказать, что такая работа является очень трудоемкой и нелегкой, хоть и представляет собой насущную необходимость; тем не менее, она может быть выполнена одним индивидуумом. Однако по причине характера данной проблемы, когда такая работа сделана, семантические результаты каждый раз до сих пор оказывались – и, вероятно, так будет и в будущем, – довольно простыми и приемлемыми даже для здравого смысла ребенка.

Следует отметить один важный момент. С того момента, как язык был впервые использован человеческим родом, структурные и связанные с этим семантические условия, разобранные в данном анализе, *не менялись*, поскольку они встроены в структуру «человеческого знания» и языка. Исторически, мы всегда интересовались больше всего нашими непосредственными проблемами. Мы начали строить язык с ворчаний, которые обозначали эти непосредственные вещи, и до сих пор, даже сейчас, не осознали, что эти исторически первые ворчания были наиболее трудными из всего остального. Кроме ворчания, мы также развили другие способы, которые мы назвали математикой, языком и наукой о числах, или (как я это определяю семантически) языком *двух симметричных и бесконечного количества асимметричных уникальных и конкретных отношений*, для исследования структуры мира, которая на данный момент представляется наиболее эффективным и простейшим языком из всех известных. Только в 1933 году, после многих сотен тысяч лет, эти самые вышеупомянутые ворчания стали достаточно проработанными для того, чтобы позволить нам посмотреть на эту структуру снаружи. Нам нужно пересмотреть всю лингвистическую процедуру и структуру, и получить средства, которые позволят раскрыть структуру «человеческого знания». Такие семантические средства дадут возможность правильно обращаться с нашей нейрологической структурой, что, в свою очередь, станет основанием для структурно надлежащего использования человеческой нервной системы, и даст в результате адаптацию человеческой нервной системы, адекватные *с.р* и, следовательно, психическое здоровье.

Люди вполне знакомы с тем фактом, что у слов могут быть разные значения, и даже применили его, создав кое-какие весьма губительные теории, но, насколько я могу судить, структурное открытие многопорядковости терминов и психофизиологической важности осознания порядков абстракций, которое приводит к отказу от отождествляющего «есть» – как это сформулировано в настоящей системе – это новшество. В лице этого механизма многопорядковости мы обнаруживаем необыкновенно важную структурную проблему человеческой психо-логики, которая порождает великое множество фундаментальных, желательных, нежелательных и даже ужасающих человеческих характеристик. Полное овладение данным механизмом становится возможным только при условии, что он сформулирован, и это автоматически приводит к возможности полной психофизиологической адаптации. Эта адаптация часто обращает психологический процесс, который преобладает в конкретный момент; и это является фундаментом, среди прочего, того, что мы именуем «культурой» и «сублимацией» в психиатрии.

Позвольте мне напомнить, что одним из наиболее фундаментальных функциональных различий между животным и человеком состоит в том факте, что независимо от того, на какое количество порядков может абстрагировать животное, его абстракции рано или поздно на каком-то уровне останавливаются, и животное не может работать выше данного уровня. С человеком это не так. Структурно и потенциально человек может абстрагировать на неопределенное количество порядков, и никто не может обоснованно заявить, что он добрался до «последнего» по-

рядка абстракций, за пределы которого не может выйти никто. В прежние времена, когда этот семантический механизм не был столь структурно очевиден, большинство из нас копировало животных, и прекращало абстрагировать на некоем уровне, словно это был «конечный» уровень. В семантическом обучении в языке и отождествляющем «есть», которое предоставлялось нам нашими родителями или учителями в школе, многопорядковость терминов вообще никогда и никак не учитывалась, и, несмотря на то, что человеческий физиологический аппарат продолжал действовать независимо от этого, мы использовали его на сознательном уровне животным образом, то есть прекращали абстрагировать на определенном уровне. Вместо обучения в отношении этого механизма и тренировки в сознательном приобретении гибких и динамичных *с.р* посредством *перехода на все более и более высокие абстракции, как нормы*, мы устраивали Иванову субнормальную, анималистическую блокировку, и «эмоционально» прекращали абстрагировать на некоем уровне.

Так, к примеру, если мы в результате жизни приходим к психо-логическому состоянию ненависти или сомнения, и останавливаемся на этом уровне, то, как мы знаем по опыту, жизнь такого индивидуума и тех, кто находится с ним рядом, не бывает счастливой. Однако ненависть и сомнение более высоких порядков обращает или аннулирует семантический эффект первого порядка. Так, ненависть в отношении ненависти или сомнения в отношении сомнения – эффект второго порядка – обратил или аннулировал бы эффект первого порядка, который был разрушителен для всех, кого он касался, поскольку он оставался *структурно-остановленным или животным* эффектом первого порядка.

Весь этот предмет о нашей человеческой способности к высшему абстрагированию без каких-либо различимых пределов представляется крайне всеобъемлющим, новым и непроанализированным. Для того, чтобы его полностью разработать, потребуется много лет и много томов работы; так что, по необходимости, приведенные далее примеры являются лишь предположительными и будут служить для примерной иллюстрации гигантской силы *А* методов и структуры, и приводятся они здесь с целью сделать их как можно более работоспособными в роли мощного семантического подхода к образованию.

Давайте возьмем какие-нибудь термины, которые можно рассматривать как позитивные и представляющие структуру «культуры», науки и того, что в психиатрии известно как «сублимация»; такие как любопытство, внимание, анализ, мышление, выбор, уважение, знание, оценка, . Эффекты первого порядка тут хорошо известны, и нам не требуется их анализировать. Но если мы преобразуем их в эффекты второго порядка, то у нас получится любопытство к любопытству, внимание ко вниманию, анализ анализа, мышление о мышлении (что представляет собой науку, психо-логику, эпистемологию.); выбор выбора (что представляет собой свободу, отсутствие психо-логических блокировок, а также показывает семантический механизм устранения этих блокировок); уважение уважения дает нам важное культурное достижение; знание знания связано с абстрагированием и структурой, и превращается в «осознанность», по крайней мере, в некоем ограниченном ее аспекте в виде «осознанности абстрагирования»; оценка оценки становится теорией психического здоровья, .

Другая группа представляет собой патологические семантические реакции. Такими можно назвать первопорядковые беспокойство, нервозность, страх, жалость, . которые могут быть вполне обоснованными и сравнительно безвредными. Но когда они начинают приобретать высшие порядки и отождествляться при этом с первым, в виде беспокойства по поводу беспокойства, страха перед страхом, . то они становятся патологиями. Жалость о жалости опасным образом приближается к жалости к себе. Эффекты второго порядка, такие как убеждение в убеждении, создают фанатизм. Знать, что мы знаем, обладать верой в веру, невежеством в отношении невежества, . – это механизм догматизма; в то время как такие эффекты, как свободная волеизъявление свободного волеизъявления, или причина причины, . часто становятся иллюзиями или бредом.

Третья группа представлена такими эффектами первого порядка, как сдерживание, ненависть, сомнение, презрение, отвращение, гнев и подобные семантические состояния; при этом *второй порядок обращает и аннулирует* эффекты первого порядка. Сдерживание сдерживания

становится положительной активизацией или освобождением (см. Часть IV); ненависть ненависти приближается к «любви»; сомнение в отношении сомнения становится научной критикой и способствует развитию науки; прочие также, очевидно, обращают или аннулируют нежелательные *с.р* первого порядка.

В связи с этим становится вполне очевидным опасный эффект отождествления. Полезные эффекты в первом и втором классе были *невозможны* из-за отождествления порядков абстракций, таких как семантическое состояние, производимое семантической блокировкой, которая не позволяет нам переходить к абстракциям более высокого порядка; во втором случае, действительно возникали патологические проявления.

Осознанность абстрагирования, которая, среди прочего, связана с полным инстинктивным семантическим осознанием нетождественности и расслоения человеческого знания, а так же с многопорядковостью большинства важных терминов, которые мы используем, разрешает все эти весомые и сложные проблемы, поскольку дает нам в руки структурные методы для семантической оценки, ориентации и проработки этого. Через переход к более высоким порядкам те состояния, которые связаны со сдерживанием или негативной пассивизацией, обращаются. Некоторые из них на высших уровнях приобретают культурное значение; другие же становятся патологиями. Но осознанность абстрагирования во всех случаях дает нам семантическую *свободу* на всех уровнях и таким образом способствует *оценке* и отбору, устраняя тем самым возможность оставаться в состоянии животной фиксации или блокировке на каком-либо конкретном уровне. Здесь обнаруживается механизм «изменения природы человека» и помощи тем людям, которые находятся в патологических состояниях, через пересмотр своих собственных недугов посредством простого осознания того, что эти симптомы появляются из-за отождествления уровней, которые являются существенно разными, бессознательного перепрыгивания между уровнями или другого замешательства в плане порядков абстракций. Даже в настоящее время вся психотерапия бессознательно использует этот механизм, хотя, насколько я знаю, до этого момента он никогда не формулировался структурно в общем виде.

Следует добавить, что в тот момент, когда мы исключаем отождествление и приобретаем осознанность абстрагирования, как это изложено в данной системе, мы сразу же приобретаем постоянное семантическое чувство этого особого *структурного расслоения* человеческого знания, которое обнаруживается в психо-логике дифференциального и интегрального исчисления и математики, которые подобны по структуре окружающему нас миру, при этом без каких-либо трудных математических техник. Психо-логически как математика, так и данная система представляются структурно подобными не только друг другу, но также этому миру и нашей нервной системе; и в этом моменте это сильно расходится с более старыми системами.

Позвольте мне привести еще один пример того, как осознание порядка абстракций проясняет семантические трудности.

Я четко помню один спор, который у меня состоялся с одним юным и очень одаренным математиком. Мы разговаривали на тему геометрии Эвклида и Лобачевского, обсуждая *опускание* и *введение* предпосылок. Я утверждал, что Лобачевский *ввел* новую предпосылку; он же утверждал, что Лобачевский *опустил* предпосылку. С первого взгляда могло бы показаться, что это проблема «фактов», а не *предпочтений*. Знаменитый пятый постулат Эвклида гласит: «Если прямая, пересекая две прямые, образует с ними внутренние односторонние углы, составляющие вместе меньше двух прямых, эти прямые при неограниченном продолжении пересекаются с той стороны, с которой эти углы составляют меньше двух прямых». Следует по ходу дела заметить, что прямая *предполагается* имеющей «бесконечную» длину, что опирается на определенный тип структурной метафизики «пространства», характерный для *A* и более старых систем. Этот постулат Эвклида можно выразить в одной из его эквивалентных форм, как, например: «В плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести одну, и только одну прямую, параллельную данной». Лобачевский и другие решили построить геометрию *без* данного постулата, и они в этом преуспели. Давайте же посмотрим, что сделал Лобачевский. Для этого мы сначала отправимся на более глубокий уровень – или, наоборот, на более высокоуровневую абстракцию – где обнаружится, что то, что на *его уровне* было *опусканием* предпосылки,

становится на нашем более глубоком уровне, или в абстракции более высокого уровня, *введением* предпосылки; а именно, предпосылки, что через точку, лежащую не на прямой, проходит более чем одна параллельная прямая.

И подобный процесс *структурно встроен во всё человеческое знание*. Более того, это является уникальной характеристикой структуры человеческого знания. Мы всегда можем это сделать. Если мы переходим к более высоким порядкам абстракций, то ситуации, которые кажутся «неразрешимыми» «по сути», довольно часто становятся проблемами *предпочтений*. Эта проблема имеет крайнюю семантическую важность и бесконечно обширные последствия для всей науки, психиатрии и в особенности для образования.

Примеры, которые я привел, демонстрируют просто поразительную семантическую ситуацию; а именно, что на один и тот же вопрос можно иногда отвечать «да» или «нет», «истинно» или «ложно» в зависимости от порядка абстракций, на котором оперирует отвечающий. Вышеуказанные факты значительно меняют прежние предположительно жестко определенные поля «да» и «нет», «истинно» и «ложно», и, в общем, всех многопорядковых терминов. Многие проблемы «фактического» характера на одном уровне становятся проблемами «предпочтения» на другом, тем самым способствуя сокращению семантического поля для несогласия.

Интересно также пролить некоторый свет на проблему «предпочтений». Какое утверждение или установка являются предпочтительными? То, что утверждает, что Лобачевский *опустил* постулат, или то, что заявляет о том, что Лобачевский *ввел* новый постулат? И то и другое является «фактом», но на разных уровнях, или на разных порядках. Версия *опускания* представляется историческим фактом; версия же *введения*, как психо-логический факт, является *встроенным* в структуру человеческого знания. Предпочтение тут четко проявлено; этот психо-логический факт обладает величайшей обобщенностью (как и все прочие психо-логические факты) и, следовательно, он более полезен, поскольку он применим ко всем человеческим устремлениям, а не просто к какому-то конкретному действию, совершенному определенным математиком при определенных условиях.

Раздел С. Смешивание высших порядков абстракций.

Мы уже видели то, что абстрагирующая сила Дружка в какой-то момент останавливается. Если мы являемся того или иного рода «финалистами», то мы также предполагаем, что *наша* сила абстрагирования на каком-то уровне останавливается. Примерно таким образом и возникают финалистические, догматические и абсолютистские семантические установки.

Если же, однако, с помощью Структурного дифференциала мы оттренируем *с.р* наших детей в $\bar{A}$ неотождествлении, характерном расслоении человеческого знания и силе абстрагирования, то мы *способствуем* переходу к абстракциям высшего порядка и установим *гибкие с.р с полной обусловленностью*, которые будут уникальны для Иванова и обретут большую профилактическую и терапевтическую ценность. Таким образом мы подготовим «человеческий ум» к эффективности и психическому здоровью, устранив факторы семантических блокировок, и при этом, задействуя активность высших нервных центров, мы сократим вредоносный переизбыток оттока нервной энергии в низшие нервные центры, который проявляется в симптомах заторможенности или регрессии.

Вышеописанные предметы обладают серьезной семантической важностью для нашей повседневной жизни и психического здоровья. Все семантические расстройства связаны с оценкой, доктринами, верованиями, соображениями, и наоборот. При обстоятельствах, подобных описанным выше, которые представляются для нас естественными, опасно не иметь средств для того, чтобы лучше видеть свой путь в лабиринте словесных трудностей со всеми его опасными и постоянно возникающими семантическими компонентами.

Отказываясь от порядков абстракций, мы можем создавать самые разнообразные словесные трудности; и при отсутствии осознанности абстрагирования мы все станем практически беспомощными и безнадежными жертвами примитивного языка и лежащей в его основе структурной метафизики. Хотя путь к свободе прост; неотождествление ведет нас к «осознанности абстраги-

рования» и дает нам новое рабочее ощущение для определения *ценностей*, новых *с.р.*, для проведения нас через словесный лабиринт.

В отсутствие «объективизации», которая представляет собой оценку абстракций высшего порядка как низших; а именно, слов, воспоминаний, как объектов, переживаний, чувств, самое обыкновенное отождествление различных абстракций *высшего порядка* представляется смешиванием выводов и терминов вывода, и описаний и терминов описания.

Очевидно, если мы припишем описанию n -ый порядок, то вывод из такого описания (или другого) нужно рассматривать как абстракцию более высокого порядка ($n+1$). Прежде чем принимать какое-либо решение, мы обычно делаем более или менее поспешный обзор событий, на основании этого обзора делаем некие суждения, которые становятся основой для действий. Это утверждение довольно обобщенное, поскольку компоненты его можно найти посредством анализа практически где угодно. Наша проблема состоит в анализе общего случая. Давайте примерно отследим этот процесс.

Предположим, к примеру, некий гипотетический случай с идеальным наблюдателем, который наблюдает правильно и выдает безличный, беспристрастный отчет о том, что он пронаблюдал. Давайте предположим, что замеченные им происшествия проявились как: ●, ◆, ❖, ⊕, . . . , а затем произошло новое происшествие ★. На этом уровне *наблюдения* нельзя говорить, поэтому я применяю различные замысловатые символы, а не слова. Наблюдатель затем выдает *описание* вышеуказанных происшествий, скажем, $a, b, c, d, . . . , x$; затем он делает вывод из этих описаний и приходит к заключению или формирует суждение A об этих фактах. Мы предполагаем, что те факты, которые ему неизвестны – а такие есть всегда – в данном случае не играют роли. Давайте предположим также, что его заключение представляется правильным, и что действие A' , которое мотивируется этим заключением, является адекватным. Очевидно, мы тут работаем как минимум на трех разных уровнях абстракций: видимом, переживаемом, низшем уровне абстракций (несловесном); затем идет описательный уровень, и, наконец, уровень выводов.

Давайте предположим, что теперь другой индивидуум, Иванов₁, невежественен относительно порядков абстракций, осознанности абстрагирования, *с.р.*; – скажем, политик или проповедник, человек, который постоянно и привычно отождествляет, смешивает порядки, использует язык выводов для описаний и вообще строит на этом целый бизнес. Предположим, что этот Иванов₁ наблюдает «те же самые происшествия». Он становится свидетелем происшествий ●, ◆, ❖, ⊕, . . . , и ему происшествие ★ представляется новым. Происшествия ●, ◆, ❖, ⊕, . . . , он бы описал в виде $a, b, c, d, . . .$, и на основании этого небольшого числа описаний он бы сформировал суждение, пришел к выводу B ; что означает, что он бы перешел к другому порядку абстракций. Теперь, в момент, когда происходит новое происшествие ★, он обрабатывает его на основании уже сформированного мнения B , так что его описание происшествия ★ является *окрашенным* его прежними *с.р.*, и он уже не является идеальным наблюдателем x , а становится $B(x)=y$. Его описания «фактов» уже *не* будут представляться как $a, b, c, d, . . . , x$ идеального наблюдателя, но как $a, b, c, d, . . . , B(x)=y$. Далее он абстрагирует на более высокий уровень, формирует новое суждение, по поводу «фактов» $a, b, c, d, . . . , B(x)=y$, скажем, C . Теперь можно видеть, как возникает семантическая ошибка. Происшествия представляются «одними и теми же», однако бессознательное отождествление уровней в конце концов приводит к совершенно другому заключению и мотивирует совершенно другое действие C' .

Диаграмма делает эту структуру яснее, поскольку это очень трудно объяснить одними словами. На Структурном дифференциале это можно показать очень легко.

Давайте проиллюстрируем вышеописанное двумя клиническими примерами. В первом случае мальчик постоянно не мог встать утром в положенное время. В другом случае мальчик постоянно брал деньги из кошелька матери. В обоих случаях эти действия были нежелательны. В обоих случаях родители бессознательно отождествляли эти уровни, то есть x отождествлялся с $B(x)$, и смешивали порядки абстракций. В первом случае, они *пришли к заключению*, что мальчик был *ленивым*; во втором – что мальчик был *вором*. Родители, посредством семантического отождествления, вписывали эти выводы в каждое новое «описание» происходящих фактов, так что новые «факты» родителей становились всё более и более семантически искаженными и окрашенными в оценке, а их действия – всё более и более вредоносными для всех, кто был вовлечен в ситуацию. Общее состояние в обеих семьях стало постоянно ухудшаться, до такого предела, что вписывание выводов в описания невежественными родителями создало в мальчиках такой семантический «фон», что они созрели до намерений совершить убийства.

Психиатр работал с проблемой так, как показано на диаграмме про идеального наблюдателя. Сухой остаток в результате оказался такой: первый не был «ленивым», а второй не был «вором», но оба они были больны. После медосмотра, первым шагом которого было прояснение символической семантической ситуации, хотя и не в столь широких пределах, как это изложено здесь, всё наладилось. Две семьи были спасены от преступления и краха.

Я могу привести другой пример из длинного списка, анализ которого не был бы уместен для наших целей, потому что как только приобретается «осознанность абстрагирования», устранение всех этих встроенных семантических трудностей становится автоматическим. Обычное заблуждение, называемое «*Petito Principii*», или «предвосхищение основания»: мы через самообманчивую семантическую оценку *предвосхищаем вывод*, который только предстоит доказать. Другими словами, мы смешиваем порядки абстракций. Кроме преднамеренного использования данного заблуждения адвокатами с целью повлиять на не слишком отягощенных интеллектом присяжных, подобное же заблуждение широко распространено в повседневной жизни и приводит ко множеству совершенно ненужных семантических трудностей. Особенный вред приносят так называемые «предвосхищающие эпитеты». Мы постулируем тот факт, который хотим доказать, обозначаем его другим названием, и затем используем это новое название более высокого порядка в нашей предпосылке. Это явным образом представляет собой смешивание порядков абстракций.

Все подобные термины, такие как «непатриотичный», «нехристианский», «неамериканский», «прогерманский» (во время мировой войны), «идиотский», «недальновидный», относятся к этой группе. Вероятно, ни для кого не секрет тот факт, что именно такими терминами «заводили» огромные массы населения этого мира во время войны. В мирное же время огромные страны постоянно активизировали использование подобных терминов, которые играют на патологических *с.р* населения, тем самым способствуя «прививанию» разного рода пропаганды. Подобные процедуры приводят к множеству семантических трудностей. Легко видеть, что такая трудность является универсальной; я имею в виду «смешивание порядков абстракций». Антидот столь же универсален, и он состоит в исключении отождествляющего «есть», что приводит к «осознанности абстрагирования». Следует заметить, что эти патологические реакции давно известны, и крайне универсальны. В школе нам рассказывают о них под названием «логических ошибок», игнорируя их семантический характер, вследствие чего становится практически невозможно ни их устранить, ни применить мудрость, которой мы учим. Нетрудно понять, почему так происходит. В прежние времена вся «мудрость» преподавалась чисто «интеллектуальными», «словесными», классическими *A* и *эл* методами. У нас отсутствовал простой психофизиологический метод, который обладал бы *полной* универсальностью, и который можно было бы преподавать *нон-эл* способом, воздействующим на *все* нервные центры. Известно, насколько трудно «изменить природу человека» – что просто означает, что прежние словесные образовательные методы не были способны адекватно воздействовать на низшие центры. Представляется, что первый шаг в развитии метода для достижения этих целей будет состоять в применении Структурного дифференциала, без которого практически невозможно научить «безмолвию на объективном уровне» и «отложенному действию», и тренировать через *все* центры неотождествлению, «расслоению», естественному порядку и тем самым, адекватным *с.р*. Теперь представляется, что с самого начала мы приобрели работоспособный и простой психофизиологический метод преобразования тождественности в визуализацию, и, в общем, профилактики или устранения тождественности или смешивания порядков абстракций. Мы наконец открыли механизм, который работает напрямую и задействует реакции низших центров, «ощущений», аффектов, «эмоций». Прежняя трудоемкая задача «изменения природы человека» становится легко достижимым фактом в структурном *A* образовании. «Природу человека» наилучшим образом, видимо, можно описать как совокупность *с.р*, которые *можно* пере-обучать и «изменять» в огромной степени.

Думаю, закапываться в этот вопрос глубже нет необходимости. Любой внимательный читатель может сам найти бесчисленные примеры подобного рода семантических расстройств из своих собственных наблюдений или опыта. Естественно, универсальность, простота и *физиологический* характер метода, предложенного в данной работе, становятся важными плюсами, и обучение *A* методам можно легко предоставить кому угодно. Его можно преподавать дома и в школе. Это дает нам профилактический психофизиологический метод тренировки *с.р* в миллионах и миллионах случаев, в которых человеческая жизнь терпела крах из-за отсутствия *работающей структурной образовательной теории* в отношении этих реакций. Однако проповедовать все эти «тривиальные вещи» недостаточно; их надо также практиковать. Если бы родители и мальчики, что были упомянуты выше, в детстве прошли бы обучение с помощью Структурного дифференциала, то было бы невозможно дожить до того кризиса, который произошел.

Давайте посмотрим на наши *повседневные переживания* с помощью Структурного дифференциала. Мы обнаружим себя как минимум на пяти уровнях. Первый представляет собой несловесное событие, или научный объект, или невидимый физико-химический процесс на субмикроскопическом уровне, который создает стимулы, регистрируемые нашей нервной системой в виде объектов. Второй состоит из внешних, объективных, также несловесных, уровней, на которых мы видим глазами, . На этом уровне мы можем создать движущуюся картину, включая действия, . (написание книги также является поведением). Третий уровень представляет в равной мере несловесные психо-логические «картины» и *с.р*. На четвертом уровне абстракций мы словесно описываем наши факты, что люди (*a*) едят, спят. ; (*b*) обманывают, убивают. ;

(c) морализируют, философствуют, создают законы. ; (d) творят науки, занимаются исчислением. . Наконец, в данном контексте, на пятом уровне находятся наши выводы.

К несчастью, обычно мы абстрагируем факты (a), отождествляем уровни и формируем заключение «человек – это животное», . На основании этого *заключения* мы снова смешиваем уровни и окрашиваем описание фактов (b), (c), (d). ; снова перепрыгиваем на высшие уровни и строим выводы на основании описаний (a) и *искаженных*, окрашенных описаний (b), (c), (d), и таким образом получаем преобладающие доктрины во всех областях. Это снова приводит нас, в области действия, к тому хаосу, в котором мы находимся. В этом безумном танце между уровнями мы полностью *игнорируем неокрашенные факты* (d).

Идеальный наблюдатель пронаблюдал бы *все* формы человеческого поведения на данный момент, *не опуская факты* (d); затем, не смешивая уровни, а также не смешивая описания с выводами, он бы достиг своего высшего порядка абстракций должным образом, создавая самые разные доктрины в результате, которые произвели бы совершенно иное семантическое уравнение и смотивировали в равной степени иное действие.

Теперь мы можем понять, почему нам нужно постоянно пересматривать свои доктрины, ибо приведенный выше анализ проливает значительный свет на тот факт, что ученые нуждаются в обучении с Дифференциалом в не меньшей степени, чем прочие смертные (включая самого автора). История показывает, что они не делали в отношении самих себя достаточных официальных проверок, для того чтобы обрести осознание этой фатальной привычки смешивать порядки абстракций через отождествление.

С первого взгляда может показаться, что всё, что тут было сказано – вещи простые и легкие. Напротив, это *не так* для взрослых; легко это только для детей и для юношей. По ходу всех моих исследований и экспериментов я обнаружил, что по уже приведенным причинам существенным является использование Дифференциала, и что на достижение новых семантических результатов уходит довольно много времени и обучения. Как правило, люди, если только они не являются очень несчастными, стараются доверять своему пониманию и протестуют против постоянных тренировок по Дифференциалу. По той или иной причине они обычно забывают о том, что невозможно приобрести структурное знакомство или необходимые рефлексии в правописании, печатании или вождении машины. , *исключительно словесными средствами*. Те же соображения верны и для нашего случая. Без реальной тренировки с Дифференциалом не стоит ожидать хороших качественных результатов.

Для получения пользы в полном объеме необходимо избавиться от прежних привычек, табу, «философий» и личных доктрин, самой худшей из которых является структура нашего примитивного А языка с его отождествляющим «есть» – а всё это глубоко укоренено в нас и работает бессознательно. Только семантическая тренировка с Дифференциалом в *неотождествлении* может повлиять на «привычное» и «бессознательное». Рационализация, разговоры о «понимании» этих принципов вообще никакой пользы не принесут. Упорные тренировки представляются единственным способом приобретения *особого структурного ощущения для надлежащей оценки* и привычки *чувствовать*, когда отождествление и смешивание порядков абстракций становятся особенно опасными. Это чувство, которое связано с наиболее важными факторами оценки, трудно приобрести, не менее трудно, как, скажем, рефлекс правописания или печатания на пишущей машинке. Зато потом оно дает нам осознанность постоянного необходимого использования множества уровней абстракции, которые становятся опасными только тогда, когда мы начинаем их отождествлять или перестаем их *осознавать*. Затем мы можем использовать различные порядки абстракций *осознанно*, без отождествления, и таким образом избегать опасности. Большинство важных *терминов* оказываются многопорядковыми, и, хотя они относятся к словесным уровням, они часто *применимы* ко всем уровням, и этого важного структурного факта невозможно избежать, что и создает необходимость в приобретении этого особого семантического чувства.

Представляется ненужным повторять, что все, что было сказано выше, применимо в наивысшей степени к нашим этическим, общественным, политическим, экономическим и международным отношениям. Прежде, чем в анализе этих отношений может проявиться какой-то

здравый смысл, прежде чем появится возможность их рационально проанализировать, исследователям следует научиться правильно наблюдать и избегать словесных структурных ловушек. Из-за отсутствия подобного семантического обучения и пере-обучения, «традиционные» «дружковские» дебаты неразрывно связаны с отождествляющим «есть», которое неизменно присутствует со всех сторон, и не приводят ни к чему полезному, только к потере «времени» и сил.

Я говорю о потере «времени» просто потому, что все эти парадоксы, которые мы способны нагромоздить, начиная играть со смешиванием порядков абстракций и игнорированием многопорядковости, кажутся просто нескончаемыми. Посредством таких методов можно опровергнуть, смешать или затормозить любую доктрину, независимо от того, насколько она структурно истинна или полезна. Данные проблемы представляются имеющими критическое семантическое значение, потому что наши жизни проходят в *постоянном* структурном взаимодействии между различными порядками абстракций. Все наши достижения зависят от этого взаимодействия, однако наиболее острые и болезненные опасности таятся в неосознании этого безумного танца между различными порядками абстракций.

Поскольку мы не можем уклониться от перехода с одного уровня на другой или использования многопорядковых терминов, наша мудрость должна состоять просто в незлоупотреблении этими условиями человеческой жизни. Поскольку нам это делать приходится, давайте это делать, но не будем при этом отождествлять порядки, и тем самым избавим себя от опасностей. Осознанность абстрагирования представляет собой полное *психофизиологическое* решение этой сложной ситуации, поскольку позволяет нам получить психо-логические выгоды и избежать опасностей благодаря использованию *физиологических* средств.

В заключение, я должен еще раз подчеркнуть важность структуры языка, на котором мы анализируем любую конкретную проблему. В $\bar{A}$ -системе, которую я предлагаю, термин *порядок* принимается за одно из ее оснований. В 1933 году нам известно, что, поскольку слова *не являются* теми вещами, о которых идет речь, структура, и только структура, становится единственным возможным содержанием знания, и поиск структуры является единственно возможной целью науки. Если мы стараемся определить структуру, нужно делать это в терминах отношений и многомерного порядка. Недавние достижения науки показывают, вне всякого сомнения, что придет тот день, когда вся наука будет сформулирована в терминах структуры и, следовательно, физики, а физика будет сформулирована в виде многомерной геометрии, основанной на многомерном порядке, что даст нам в итоге многопорядковую структуру.

Применение термина *порядок*, связанного как с физиологическими, так и с семантическими механизмами оценки, к анализу человеческого поведения, привело меня к представленной $\bar{A}$ -системе и исследованию структуры языка. Открытие того, что некоторые из наиболее важных терминов, которые мы используем, являются многопорядковыми, и что эта их особенность *скрыта* вследствие отождествляющего «есть», раскрыло перед нами наиболее жизненно важный и естественный психо-логический механизм, ответственный в человеке за многие наиболее желательные, нежелательные и даже патологические человеческие характеристики. Раскрылась также и психо-логическая *структура* этих характеристик, и таким образом мы получили *физиологические* средства для совершенствования развития желательных характеристик и предотвращения или преобразования всех прочих.

Дальнейший анализ раскрыл естественный выживательный порядок оценки: сначала событие, потом объект; сначала объект, потом ярлык; сначала описание, потом выводы, и его существенную важность. Мы также обнаружили, что большинство человеческих трудностей, включая «умственные» заболевания, связаны с семантическими расстройствами и проявляются *не* в виде естественного выживательного порядка, а в отождествлении различных порядков, что приводит к обращенному (патологическому) порядку.

В этой книге невозможно дать обзор данных психиатрии с $\bar{A}$ точки зрения, поскольку для этого потребовался бы отдельный увесистый том, который, я надеюсь, когда-нибудь будет написан; однако кто угодно может проверить сделанные выше утверждения самостоятельно по клинической литературе, а также анализируя свои собственные или чужие жизненные трудно-

сти, ссоры и несогласия. , которые обычно влекут за собой совершенно ненужные страдания. Психотерапевтическая литература убедительно демонстрирует тот факт, что успех врачей зависит в большой мере от обращения патологически обращенного порядка в любой рассматриваемой области и восстановления естественного порядка в *с.р.* Легко проверяемо то, что в большинстве случаев, когда «умственное» заболевание возникало вследствие различного жизненного опыта, все это практически совершенно не влияло на ребенка или взрослого, которые осознавали абстрагирование, чьи нервные процессы и соответствующие семантические состояния следовали естественному порядку.

С помощью Структурного дифференциала и $\bar{A}$ языка с новой структурой легко натренировать *с.р.* младенца, ребенка или юноши, и, возможно обучить взрослого естественному порядку, хотя это и труднее. Подобное обучение становится мощным профилактическим структурным *физиологическим* методом, поскольку оно исключает психо-логические состояния отождествления или обращенного порядка – как раз то, что является семантическим сырьем, из которого вырастают будущие нервные расстройства.

Нон-эл термин «порядок» в равной мере применим в жизни и в науке; и дает нам в 1933 году простейшее структурное общее основание для попыток сформулировать науку о человеке, которая в конце концов станет наукой психического здоровья, как следствия *неаристотелевой системы*. Следует помнить о том, что порядок в данной системе принимается как неопределяемый и фундаментальный; тем не менее, его использование легко объясняется с помощью термина «между», и его можно показать и применить в отношении эмпирических структур. Если мы сможем сформулировать метод, который с помощью применения психофизиологического термина, такого как *с.р.*, и простого приспособления, такого как обучение *с.р.* естественному выживательному порядку, или обращение патологического обращенного порядка, включит в себя механизм неотождествления и одну из наиболее важных человеческих нервных функций, то можно будет ожидать, что такой метод, благодаря структурной простоте и физиологическому характеру, будет весьма работоспособен. Я хотел бы очень четко подчеркнуть необыкновенно важный *общий, безличный, профилактический, семантический, рефлекторный характер* подобного метода. В реальной жизни мы по большей части имеем дело с людьми, которые «умственно» или нервно расстроены в той или иной степени. Для наших целей мы можем подразделить их, в конце концов, на две группы: (1) тех, кто не хочет улучшаться или выздоравливать, но при этом каким-то образом любят свой воображаемый мир и дезадаптацию, связанную с ним; (2) тех, кто искренне желает преодолеть свои трудности.

В общем, с первой группой крайне трудно или даже невозможно чего-либо добиться. Вторая же группа получит большую помощь с нашей стороны, если мы предоставим ей средства для работы над собой и своими проблемами. Очень часто бывает полезным объяснить им этот простой механизм «естественного порядка», «отождествления» и «обращенного порядка», многопорядковость терминов. , и таким образом дать им *определенный психофизиологический символ*, с которым можно бороться. Эти симптомы отождествления или обращенного порядка, при всей своей универсальности и структурной нейрологической фундаментальности, лежат в основе процесса формирования практически всех известных семантических трудностей оценки.

Читателю не следует предполагать, что добиться исключения отождествления и достижения этого желаемого естественного порядка, или обращения обращенного патологического порядка, возможно всегда; однако во всех случаях, когда это *возможно*, человек получает облегчение в огромном множестве психо-логических областей. Простота и универсальность, физиологический и структурный характер этого метода представляется его главным преимуществом, особенно в роли профилактических мер или семантического обучения для достижения психического здоровья. Это обучение – процесс трудоемкий, требующий большого упорства; однако, насколько я знаю, мало какое обучение является легким и, возможно, никакое другое не приводит к более важным результатам, чем это.

ГЛАВА XXVIII О МЕХАНИЗМЕ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИИ

– Вы сказали «свинья» или «бадья»?

– Я сказала «свинья», – ответила Алиса, – и было бы неплохо, если бы вы перестали появляться и исчезать так неожиданно – это вызывает у меня головокружение.

– Согласен, – сказал Кот, и на этот раз он исчез очень медленно, начав с кончика хвоста и закончив улыбкой, которую было видно и после того, как все остальное исчезло.

– Ну и ну! Я часто видела котов без улыбки, – подумала Алиса, – но улыбка без кота! Это самая несуразная вещь, которую можно вообразить.¹* ЛЬЮИС КЭРРОЛ (Пер. Старилов)

Значение данной парадоксальной фазы не ограничивается патологическими состояниями, подобными тем, что наблюдались недавно, и очень вероятно то, что она также играет важную роль у нормальных людей, которые часто склонны гораздо больше верить словам, чем действительным фактам окружающей их реальности. (394) I.P. PAVLOV

У умственно отсталого человека может преобладать повторение без понимания, пустое воспроизведение; роль визуальных впечатлений среди неграмотных нулевая или приближается к этой величине; глухие от рождения, которые не научились говорить, не имеют еще к тому же и слуховых впечатлений. Однако обычно именно чувства и идеи проявляются в действии, в форме языка. (411) HENRI PIÉRON

Конкретные нейроны, необходимые для ощущения, также являются необходимыми для ассоциативного пробуждения данного ощущения, которое называется образом – динамическим процессом, а не негативом фотографии, который каким-то чудесным образом хранится в нервном веществе, куда некий тонкий дух может обратиться за справкой при надобности. (411) HENRI PIÉRON

Тем не менее, совершенно верно то, что определенные высокоразвитые люди способны использовать визуальные образы, притом использовать их как преимущество перед другими. (411) HENRI PIÉRON

Объектификацию и визуализацию обычно не отделяют друг от друга. Первая представляет собой очень нежелательный семантический процесс, в то время как второй, визуализация, представляет собой наиболее полезную и эффективную форму человеческой «мысли». С *A* точки зрения, такое отсутствие различия между этими двумя реакциями является весьма серьезной проблемой, требующей анализа соответствующих механизмов.

Для того, чтобы визуализировать, нам нужно обладать такими формами представления, которые позволили бы нам их визуализировать; в противном случае нас постигнет неудача. *A*-система, которая неспособна адекватно отобразить асимметричные отношения и не может явным образом основываться на структуре, с необходимостью связана с отождествлением. В *A* период мы могли визуализировать объекты и некоторые объективные ситуации, однако все высшие абстракции были недоступны для визуализации в принципе, что безо всякой необходимости делало научные теории трудными для восприятия. *A*-система, свободная от отождествления, должна на всех уровнях явным образом основываться на *структуре* (структуре в терминах отношений и, в итоге, многомерного порядка), которую можно легко визуализировать. Следует помнить о том, что структура, отношения и многомерный порядок предоставляют нам в распоряжение язык, который полностью объединяет переживания повседневной жизни с наукой в целом, приводя нас к *общей теории значимостей*. Математика и математический анализ затем

¹ Алиса в стране Чудес

становятся ведущими дисциплинами и основанием для всей науки; а в гуманитарной области общая теория значимостей приведет к адаптации и психическому здоровью, а также однажды распространится на область этики, экономики, .

По этим причинам Структурный дифференциал обладает уникальной полезностью, поскольку он позволяет одним взглядом донести до человека структурные различия между миром животного, примитивного человека и младенца, который, каким бы сложным он ни был, крайне прост в сравнении с миром «цивилизованного» взрослого. Первый связан с *однозначной ориентацией*, которая в применении к ∞ -значным фактам жизни дает крайне неадекватную, бессмысленную и в итоге болезненную «адаптацию», при которой выживают только немногие сильнейшие. Второй связан с ∞ -значной ориентацией, подобной по структуре действительным, эмпирическим, ∞ -значным фактам жизни, позволяющей четкую подстройку оценки фактов в каждом отдельном случае и производящей семантическую гибкость, , необходимую для адаптации. Эта гибкость, как известно, является основанием для уравновешенных семантических состояний, «высшего интеллекта», .

Для визуализации требуется достаточно четкое исключение посредством различения вредоносного отождествления, которое, как обычно, основано на некорректной оценке структурных вопросов. Вследствие этого мы видим бесконечные жесткие и бессмысленные споры о том, является ли «механическая» точка зрения на мир и на нас самих обоснованной, адекватной, . Среднестатистический человек, как и большинство «философов», отождествляет «механическое» с «*машинным*». Грубо говоря, механика – это название науки, которая занимается динамическими проявлениями на всех уровнях; так, есть макроскопическая классическая механика, коллоидальная механика в данный момент находится в стадии формулирования, и субмикроскопическая квантовая механика, которая уже становится хорошо развитой дисциплиной. Грубо говоря, «машина» – это ярлык, присваиваемый аппарату, созданному человеком с целью преобразования энергии. Но даже машины сильно различаются; так, динамо по принципу действия и по теории совершенно не похоже на токарный станок или автомобиль.

Если мы зададимся вопросом: «Является ли машинистическая точка зрения на мир обоснованной?», – ответ прост и непровержим; а именно, что данная точка зрения является крайне неадекватной, и от нее стоит полностью отказаться. Но это не так в отношении механистической точки зрения, понимаемой в современном ее смысле и включающей в себя точку зрения квантовой механики, которая является полностью *структурной* наукой. В 1933 году мы знаем с уверенностью, что даже крупномасштабные физико-химические характеристики всего, с чем мы имеем дело, зависят от субмикроскопической *структуры* (смотрите Часть X). Подробности этого известны пока не полностью, но принципы установлены твердо. С $\bar{A}$ пониманием и оценкой уникальной важности структуры как единственно возможного содержания «знания», эти «твердо установленные» принципы становятся «*установленными необратимо*». Можно пойти дальше и заявить, что точка зрения квантовой механики становится первой структурно корректной точкой зрения и, как таковая, она должна полностью разделяться в случае здоровой ориентации. Прекратив отождествлять, мы сможем различить некоторые простые факты. Например, мы поймем, что любые семантические состояния, реакции или процессы обладают соответствующими им субмикроскопическими структурными коллоидальными и, в итоге, квантовомеханическими процессами, которые происходят в нервной системе; однако *с.р.*, чувства, боли, удовольствия, , *не являются* этими субмикроскопическими процессами. Они относятся к разным уровням, но с ∞ -значной семантикой мы можем в принципе добиться четкого соответствия между ними. Таким образом, когда мы можем адекватно различать, более старые *машинистические* возражения полностью исчезают; и по структурным причинам мы должны сохранить в нужных рамках *механическую* установку и полностью отбросить *машинистическую*, как слишком грубую. Эта *механическая* (1933) установка основана на *структуре* и поэтому является обязательной для визуализации; и *тренировка в визуализации автоматическим образом исключает объектификацию*, которая является важным особым случаем отождествления вообще. С точки зрения $\bar{A}$ -системы адаптация и психическое здоровье человека в огромной степени зави-

сят от его «понимания», которое целиком носит структурный характер; следовательно, мы должны принять *механическую* (1933) *установку*, которую, при этом, можно визуализировать.

Поиск структурных средств представления способствует *визуализации*, воображению, ото-бражению, . Для успешной адаптации мы начинаем с низших нервных впечатлений, «ощущений», «чувств», , низших абстракций, которые далее абстрагируются высшими центрами. Высшие центры производят «очень абстрактные» теории, которые некоторое время не могут быть визуализированы. Низшие центры, которые задействованы в визуализации, могут работать только со структурами, которые можно «конкретно отобразить». Поэтому мы всегда стараемся изобрести механическую или геометрическую теорию, с которой могли бы взаимодействовать низшие центры.

Личные «переживания», которые поставляются низшими центрами разных индивидуумов, не объединяются в единое целое непосредственно. Они смешиваются в высших центрах. В них многогранные переживания, личные или же накопленные родом (времясвязывание), абстрагируются далее, интегрируются и подытоживаются. Как только это достигнуто, начинается поиск *и обнаружение* структурных средств для перевода этих высших абстракций в низшие, ибо только с ними могут работать низшие центры. Затем мы можем «визуализировать» наши теории, и при этом не только высшие центры влияют на низшие, то и у низших центров имеются адекватные средства для сотрудничества с высшими центрами в этом новом *нон-эл* исследовании.

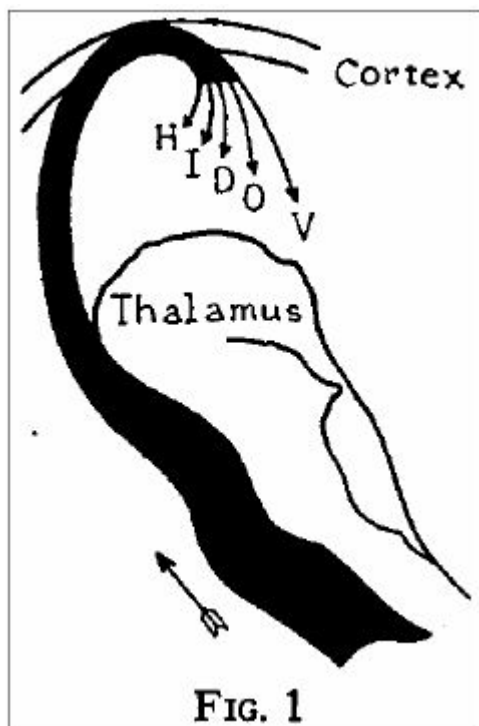
Отсутствие явно выраженных структурных форм также приводит к трудностям, которые возникают в тот момент, когда абстракции высшего порядка переводятся в реакции-рефлексы низших центров, которые могут работать с «интуициями», «ориентациями», «визуализациями», . Так называемые «гении» обладают очень тонко развитой нервной системой, в которой перевод абстракций высшего порядка в низшие и обратно производится очень легко. С точки зрения формы и представления, у нас возникает два вопроса: (1) мы можем создать *эл* формы представлений, которые не будут основаны на структуре, визуализации, , и не смогут эффективно влиять на деятельность низших центров; (2) мы можем создать *нон-эл* систему, основанную на структуре, визуализации, , которую можно будет легко, просто и эффективно переводить в термины низших центров. Эти проблемы обладают ценностью для образования, и их следует про-работать более полно.

В моем опыте работы со взрослыми, которые имели лишь *краткий* контакт с моей работой, я во многих случаях обнаруживал, что, несмотря на то, что они всемерно соглашались с ее основными доводами на словах, тем не менее совершенно не могли применить их на практике. Очевидно, семантическая важность представленных открытий состоит не в достижении словесного одобрения, особенно когда это одобрение никак не реализуется на деле, но в постоянном и продолжительном приобретении новой семантической установки, связанной с полным исключением отождествления, всеобщности, элементаризма, .

Мы можем научить любого повторять словесно и наизусть инструкции для управления автомобилем, для игры на пианино или для работы на пишущей машинке; но он не сможет нормально работать на них посредством рефлекторных действий после подобного только словесного обучения. Для эффективной и умелой работы с каким-либо структурным комплексом мы должны близко ознакомиться с работой его структуры посредством тренировки рефлексов, и только тогда можно будет ожидать хороших результатов. По моему опыту, это истинно также и для языка, и без *визуального* Структурного дифференциала, на который мы можем показывать пальцем на объективном уровне, настаивая на безмолвии, , подобная базовая семантическая *отработка рефлексов* не может быть предоставлена должным образом.

Если мы зададим человеку вопрос: «Ты умеешь водить машину?», – и он ответит нам «Да», то мы предположим, что он приобрел все необходимые *рефлексы*. Если же он отвечает: «Нет, но я знаю *об* этом», – он имеет в виду, что он *не* приобрел соответствующих рефлексов, а его «знания» находятся на чисто словесных уровнях и неэффективны для применения на *несловесном* уровне рефлексов. Это полностью относится и к *с.р.*; мы можем «знать» о них, но никогда с успехом не применять то, что мы «знаем». «Знать» – это многопорядковый процесс, который в

равной степени связан как с деятельностью низших центров, так и с деятельностью высших. В наших эл системах у нас такого различия не было, так что мы всё это смешивали. Прежнее «знание», представленное на эл языке, невозможно легко усвоить для *нон-эл* организма-как-целого. Главной задачей на данный момент является аннулирование прежних *с.р.*, поскольку новые реакции требуют постоянной тренировки, особенно у взрослых. *Нон-эл* $\bar{A}$ язык и метод имеют, как оказалось, психофизиологическую важность.

Несмотря на то, что нейрологический механизм, который лежит в основе отождествления, объективизации, визуализации, не имеет большой известности (1933), неврология предоставляет нам свидетельства о том, что в этих состояниях, а также при бреде и галлюцинациях, неким образом действительно задействованы низшие центры. Можно предположить, что разнообразные «сопротивления», «блокировки», в разных частях нервной системы затрудняют прохождение нервных импульсов, и кажется разумным предположить, что в этих случаях пути, по которым проходят нервные сигналы, отличаются.

На Рис. 1 дана гипотетическая сверх-упрощенная схема различных типов распределения нервных каналов по предположительным функциям. Порядок в плане степеней интенсивности является не анатомическим, а функциональным. На этой схеме мы изображаем, что нервный импульс (A) достигает низших нервных центров, ствола мозга и таламуса, проходит через подкорку и кору, при этом постоянно преобразуясь. Наконец, при возвращении он может принять либо полезную и адаптирующую семантическую форму визуализации (V), свободную от отождествления и семантических расстройств, или включить отождествление, с семантическими расстройствами, такие как объективизация разных порядков (O), бред (D), иллюзии (I) или, наконец, галлюцинации (H).

Отождествление, или смешивание порядков абстракций, состоит в ошибочной оценке: то, что происходит внутри нашей кожи, обретает объективное существование вне нее; словам приписывается внешняя объективность; «воспоминания о переживаниях» отождествляются с переживаниями; наши *с.р.* и состояния отождествляются со словами; выводы отождествляются с описаниями, . Отождествлению в огромной степени способствует, если только не порождает его вообще, *A* структура языка, в котором у нас имеется *одно название* для как минимум *четырёх* совершенно разных сущностей. Так, *A* «яблоко» (без индексов и даты) используется как ярлык для физико-химического процесса; для объекта, скажем, «яблока₁^{23февр.1933}»; для «умственной» картинки на несловесном семантическом уровне, и для словесного определения. При таких лингвистических условиях практически невозможно *без специального обучения* не отождествлять эти *четыре* совершенно разные абстракции, не смешивать их в *одну*, . без соответствующих мрачных последствий.

Бред представляет собой некорректные понятия и неадекватные *с.р.*, возникшие по причине недостаточного знания или «логики», вследствие аффективного давления в определенном направлении оценки; например, такие как мания величия; бред преследования; мания греховности; бред отношения, .

Иллюзии же больше похожи на патологически искаженные реальные восприятия. Например, нечто может семантически окрашиваться или истолковываться, или оцениваться, как оскорбление, угроза, обещание, .

Галлюцинации состоят из «восприятий», очень правдоподобных, но *при отсутствии* каких-либо внешних стимулов. Пациенты слышат голоса; видят картины; чувствуют уколы или ожо-

ги. , когда на самом деле нет ничего, что можно было бы увидеть, услышать или обо что можно было бы уколоться.

При *визуализации* не происходит отождествления; порядки абстракций не смешиваются; семантических расстройств не происходит; *оценка является корректной*; «картинка» оценивается как картинка, а не как событие, . Другими словами, благодаря осознанности абстрагирования сохраняется естественный порядок абстрагирования. Но как только вследствие отождествления этот естественный порядок обращается, возникает в той или иной мере негативное патологическое состояние, часто носящее неадаптивный характер.

Отождествление при наличии аффективного напряжения представляет собой легкое семантическое расстройство, состоящее из ошибок в смыслах и оценке. Объекты оцениваются как события; «идеи», или абстракции *высшего* порядка, оцениваются как объекты; как переживания; несловесные семантические состояния и реакции; другими словами, как абстракции *низшего* порядка. Замешательство в области абстракций высшего порядка следует подобному же правилу. Выводы, очевидно, являются абстракциями более высокого порядка, чем описания; так что, когда их не выделяют как таковые, абстракции высшего порядка опять же отождествляются с низшими. Нам всем из повседневного опыта известно, насколько фантастическое количество страданий мы можем создать для себя и для других такими отождествлениями, и что мы именно так и поступаем.

В состояниях бреда происходит подобное же отождествление, но более интенсивного характера, которое приводит к ошибочной семантической оценке; желания, чувства и прочие семантические состояния внутри нашей кожи проецируются во внешний мир, превращаясь в бредовую мощную объективную оценку.

В состоянии иллюзии мы также ассоциируем, или отождествляем, свои сложные семантические состояния с разными восприятиями, или оцениваем свои абстракции высшего порядка как низшие.

В состоянии галлюцинации этот процесс обращения естественного порядка достигает кульминации: абстракции высшего порядка переходят на уровень полностью «воспринимаемый» и «реальный», на уровень абстракций низшего порядка.

Мы видим, что патологические процессы «умственных» заболеваний связаны с отождествлением, здесь оно является общим симптомом; что означает, что обращение естественного порядка оценки в различной степени основывается на усилении смешения порядков абстракций. Чем более интенсивным становится процесс этого обращения, тем более дезадаптивными и нездоровыми становятся проявления. Следует заметить, что этот анализ становится необходимо, как только мы делаем решение принять *нон-эл* язык. Этот анализ далеко не исчерпывающий, однако анализ в новых *нон-эл* структурно корректных терминах проливает новый свет на старые проблемы.

Галлюцинации, которые являются следствием «физической» болезни, не представляют собой постоянной опасности, но когда пациент кажется «физически» здоровым, и все его смешения порядков абстракций, бред, иллюзии и галлюцинации становятся полностью «рационализированными», то это является безошибочным признаком серьезного «умственного» заболевания, предполагающего субмикроскопические коллоидальные повреждения. Конечно, эта «рационализация» представляет собой нечто иное, как нервное расстройство, связанное с каким-то *отождествлением*. При физических заболеваниях нервная система также может расстраиваться, но такая болезнь обычно не порождается нервными расстройствами, так что само по себе это неопасно.

Различение между визуализацией и объектификацией, основанное на $\bar{A}$ -системе, представляется чем-то новым; различие это тонкое, но когда оно сформулировано, мы можем обнаружить простое средство для установления контроля над такой ситуацией. Если мы возьмем «кость», сделанную из папье-маше, намажем ее жиром или мясным соком, то Дружок, вероятно, *объектифицирует* (отождествит) такую «кость» из папье-маше с запахом и формой с настоящей съедобной костью, и станет за нее драться. Мы делаем то же самое, когда объектифицируем. Религиозные войны, «святая инквизиция», преследования науки, свидетелями чего мы

являемся даже в наши дни в разных странах и на разных континентах, представляют собой отличный пример этого.

Следует заметить, что Дружок вполне может *доверять* своему природному, пусть и «объективирующему», инстинкту, потому что природа не шутит над ним подобным образом – не подсовывает ему такие «кости» из папье-маше. Если бы природа это делала, то те собаки, которые бы объективировали, и настаивали бы на том, что им подходит такая «еда», быстро бы вымерли. Эти конкретные объективации стали бы опасными и болезненными для тех конкретных видов собак, с их конкретными нервными системами, и в конце концов они оказались бы не имеющими выживательной ценности. Итак, отождествление, которое представляет собой неадекватную оценку, приносит вред всей жизни, однако в данный момент на него обращают мало внимания, потому что главные периоды адаптации родов животных давным-давно уже прошли. Эксперименты на мухах показывают, что в лаборатории можно легко произвести гигантское количество мутантов, но вне стен лаборатории из них выживают очень и очень немногие. В природных же условиях, где такие мутанты вполне могут появляться, они вообще не оставляют никаких заметных следов.¹

Однако даже в наши дни, как показал Павлов в своих лабораториях, мы можем с помощью сложного сочетания стимулов четырехмерного порядка накладывать на животных такие условия, к которым их нервная выживательная система не приспособлена, и тем самым вызывать у них нервные патологические состояния. Неверная оценка, конечно же, вредносна для всей жизни, и является основанием для столь жестоких законов выживания в природе. Наука учит человека делать их более гибкими. Практически дословно то же самое относится и к нам самим. Мы постоянно производим все более и более сложные условия жизни, созданные, изобретенные людьми, и весьма обманчивые для тех, кто к ним не готов. Эти новые условия обычно возникают благодаря работе каких-то гениев, и нервная система и *с.р.* большинства *из* нас не подготовлены для таких возможных случаев. Несмотря на изобретения и открытия науки, которые являются *человеческими* достижениями, мы все еще сохраняем *анималистические* системы и доктрины, которые формируют наши *с.р.* Вследствие этого жизнь становится всё более и более напряженной и всё более и более несчастной, количество нервных срывов непрерывно умножается.

Известно, что не все люди одинаково хорошо способны визуализировать. В прежние времена этот факт принимали за данность, и никакого дальнейшего анализа не предлагалось. В текущих условиях у многих людей, а также и у животных, как показали эксперименты Павлова, визуальные стимулы физиологически более слабы, чем слуховые; однако у человека визуальные стимулы должны быть физиологически более сильными, чем слуховые. Это отличие не влияет на *общий* механизм циклических нервных потоков и порядков абстракций. У слухового типа главные возвращающиеся потоки отклоняются на другие маршруты. Это разделение между «визуалами» и «слухачами» не является резким. В жизни мы в основном сталкиваемся с индивидуумами, которые обладают не более чем особой склонностью к тому или иному типу реакции.

В случае «умственных» процессов адаптация человека должна управляться на более высоких, более многочисленных и более сложных уровнях. Соответственно, очевидно, что слуховые типы в большей степени впадают в замешательство из-за слов, более отстранены от жизни, чем визуалы, и по этой причине не могут добиться того же уровня адаптации. Этим фактом не следует пренебрегать, и на человеческих уровнях следует выработать образовательные методы для тренировки в визуализации, что автоматически исключит отождествление.

Слуховые каналы, которые соединяют нас с внешним миром, являются куда менее утонченными и эффективными, чем визуальные. Глаз – это не просто «сенсорный орган». Эмбриология показывает, что глаз является частью самого мозга, и то, что именуется «оптическим нервом», должно рассматриваться не как нерв, а как настоящий нервный тракт. Данный факт, конечно же, придает глазу особую семантическую важность, не сравнимую с важностью каких-либо других «сенсоров» или рецепторов. Не следует удивляться тому открытию, что визуальные типы лучше приспособлены к этому миру, чем слуховые. В патологических состояниях, таких как

отождествления, бред, иллюзии и галлюцинации, похоже, срабатывает перевод *слуховых* семантических стимулов в визуальные. В таких патологических случаях порядок оценки проявляется в том, что сначала идет ярлык, а потом объект, в то время как адапционный порядок требует того, чтобы сначала шел объект, а потом ярлык. Практически, нет никаких сомнений в том, что визуализация очень полезна, а отождествление особенно вредно. *Наиболее эффективное средство преобразования с.р отождествления обнаруживается в визуализации, что указывает на ее особую семантическую важность.*

Семантическое *расстройство* отождествления может проистекать из многих источников, включая слуховые, а единственным адаптивным путем является визуализация, которая в некоторой степени зависит от структуры оптического нерва. Данный предмет озаряется некоторым структурным светом, когда мы осознаем то, что физиологически глаз теснее связан с вегетативной нервной системой, которая управляет нашими жизненно важными уровнями, чем ухо. У человека оптический таламус весьма увеличен, до такой степени, что весь таламус в общем часто называют «оптическим таламусом». На самом деле таламус кроме визуальной функции выполняет множество других, и он связан с аффективными проявлениями.

Поскольку большинство наших наблюдений совершается с помощью глаз, следует ожидать, что слуховые типы будут довольно *слабыми наблюдателями*, так что, в итоге, с точки зрения рода, они будут не так хорошо приспособлены семантически. Наблюдение показывает, что слуховые типы часто проявляют инфантильные реакции – а это серьезный недостаток. С точки зрения адаптации «нормальный» неинфантильный наилучшим образом приспособленный индивидуум обязан быть визуальным типом. Слуховые типы обычно более оторваны от действительности, чем визуальные, поскольку слуховые стимулы связаны с большим количеством выводов, чем описаний, а у визуалов положение дел совершенно противоположное. Когда предпочтению отдается скорее выводам, чем описаниям, то, естественно, мы имеем дело в первую очередь с более высокими абстракциями, так что постоянно остается опасность семантического смешивания порядков абстракций, которое с необходимостью приводит к неадекватной оценке, для которой объектификация является только частным случаем.

Даже из соображений одного только здравого смысла понятно, что есть существенная разница между «знанием» этого мира посредством слушания и «знанием» его через видение. Точно так же, есть разница между переводом высших абстракций на низшие уровни визуальным способом и таким же переводом посредством слухового канала. Когда в обычной жизни мы хотим сказать, что мы понимаем что-то, то мы говорим «вижу», а не «слышу».² Когда мы говорим о чем-то, что мы об этом «слышали», обычно это передает смысл вроде «да, что-то такое было, но что именно – я не понял этого, или не согласен с этим». Данное соотношение довольно важно, хотя его не анализировали достаточно глубоко. С этим же связаны проблемы интроверсии и экстраверсии.

Отношение между проблемами отождествления и *числом* значений, *обнаруживаемых* в эмпирическом мире в связи с *числом* значений, *приписываемых* или *предполагаемых*, нашими семантическими процессами, наиболее важно.

Приведенный ниже анализ, по необходимости, является односторонним, сверхупрощенным, поскольку для более полного анализа потребовался бы отдельный том. Многие проблемы я рассматриваю только «в принципе»; это позволяет мне дать более краткую формулировку, необходимую для моих целей, но при этом нужно осознавать, что наш язык и общая семантика, которую *на практике* мы используем бессознательно, являются *крайне сложными* и связаны с одно-, двух-, трех- и ∞-значными компонентами, которым до сих пор не было дано четкого различения и формулировки. Исследование показывает, что ∞-значная семантика является наиболее общей и включает в себя одно-, двух- и несколько-значную семантику как частный случай. Однозначная семантика буквального отождествления обнаруживается только среди животных, примитивных народов, младенцев и «умственно» больных, хотя более или менее серьезные ее следы можно обнаружить практически у каждого из нас, потому что они встроены

² ...we never say 'I hear' when we wish to convey that we understand; but we say 'I see' – особенности англ. речевых штампов. -ОМ.

в структуру нашего языка и мешают приобретению ∞ -значных систем, необходимых для психического здоровья. Для моей цели достаточно сформулировать эти проблемы для полного устранения примитивного отождествления, и тогда современная ∞ -значная A семантика последует за этим автоматически. При таких условиях я должен сосредоточиться на жизненно важной проблеме однозначного отождествления, а также кратко проработать двух-, и несколько-значные системы «в принципе», хотя мы должны осознавать, что эти последние системы становятся гораздо более гибкими благодаря применению множества оригинальных словесных приемов, которые я в настоящей работе даже не упоминаю.

Позвольте повторить, что установки, гибкость и фиксированность, наших *c.p* зависят в большой степени от структуры использованного языка, что также связано с соответствующей этому общей семантикой. «Логика» наших школьных дней представляет собой сложное явление, в основном A , и мы именно таким эпитетом ее и обозначаем. Данную «логику» можно рассматривать как двузначную, вследствие фундаментального закона «исключенного третьего», выраженного в форме « A есть B или не- B », в которой третий вариант исключается. Но даже традиционной «логике» приходится признавать в рамках своей системы так называемую «модальность»; а именно, некоторые степени определенности или неопределенности, с которыми делается данное утверждение. Недавно Лукашевич (Lukasiewicz) показал, что трехзначную логику можно сформулировать таким образом, чтобы включить в нее модальность. Позже он и Тарский (Tarski) обобщили ее до n -значной «логики». Когда n стремится к бесконечности, данная «логика» становится «логикой» вероятности. Если данные дисциплины сделать *нон-эл*, то получится то, что я называю одно-, дву-, трех-, и ∞ -значной *общей семантикой*. В теории и на практике мы заинтересованы в основном в одно-, дву-, трех-, несколько-значной и ∞ -значной общей семантике. Для моих целей и ради простоты я проясню только отождествление; то есть примитивную однозначную семантику, влияние которой обнаруживается в дву- и трехзначной семантике, *и может быть полностью исключено только в ∞ -значной семантике*.

Мы обитаем внутри четырехмерного пространства-времени с множеством измерений, которое на всех уровнях состоит из абсолютно индивидуальных событий, объектов, ситуаций, абстракций, и мы обязаны прийти к выводу, что структурно мы живем в *неопределенно многозначном*, или ∞ -значном мире, возможности которого, в принципе, соответствуют законам отношений высших порядков. Вышеприведенное утверждение представляет собой описание структурного наблюдения эмпирического мира, независимое от нашего удовольствия, и противоречить ему можно только посредством эмпирической демонстрации действительной «тождественности» или «абсолютной одинаковости», различных событий, объектов и ситуаций, которая является невозможной, если действительно принять решение более полно исследовать факты.

При подобных эмпирических условиях адаптации и, соответственно, психического здоровья, на семантических уровнях нам нужно иметь такие теории, системы, методы, которые позволили бы нам в конкретном случае, при конкретных обстоятельствах, на конкретный момент времени, оценить индивидуальные происшествия *уникальным образом*; или же позволили бы нам установить однозначное соответствие между существенно ∞ -значными фактами из опыта и нашими семантическими состояниями. Становится очевидным, что это можно сделать только в том случае, если у нас в распоряжении имеется ∞ -значная и *нон-эл* общая семантика. Мы видим, что дву- или трехзначная *эл A* «логика», «психология», и, в общем, A -система, будучи структурно отличной от эмпирического мира, будет в принципе мешать такой адаптации и, соответственно, психическому здоровью.

Отождествление можно рассматривать как остатки дочеловеческой, примитивной, инфантильной однозначной семантики, которая устанавливает семантические состояния (или является их следствием), посредством которых существенно ∞ -значные факты опыта не различаются и не оцениваются должным образом, вследствие чего бесконечно многочисленные значения этих фактов отождествляются с единственным значением. Подобное отождествление всегда является структурно неоправданным и опасным, и может стать результатом великого множества факторов, таких как низкое развитие, невежество, недостаточность наблюдений, принятие желаемого за действительное, страхи, патологические состояния нашей нервной системы, различ-

ные семантические расстройства, «умственные» заболевания, инфантилизм у взрослых, . Однако среди людей мы не можем избежать обучения посредством механизма языка и его структуры некоей, в большинстве случаев бессознательной, общей семантике, и поэтому имеется огромная зависимость от того, какого рода семантика или методы оценки прививается нами нашим детям.

Следует отметить важный факт, которым обычно пренебрегают; а именно, что язык, и часто даже каждое отдельное слово, связано с определенным типом семантики. Так, в примитивных «полисинтетических» языках это не является вопросом ассоциаций или суеверий; мистические характеристики и сама вещь просто не различаются, а в буквальном смысле отождествляются как единое целое. Так, у нас имеется однозначная семантика, в которой «добрые» и «злые духи», принимающие во всем активное участие, рассматриваются как синтетическое целое.²

Язык «истинности» и «ложности» связан с двузначной семантикой; введение прилагательных или их эквивалентов вводит модальность и тем самым трехзначную семантику. Введение бесконечного числа степеней между «истинным» и «ложным», наконец, приводит к ∞ -значной семантике.

Диаграмма поможет прояснить это.

A, B, C, ..., ∞ -значные и различные факты опыта, которые, в данном случае, по необходимости имеют *бесконечно много отдельных индивидуальных значений*.

a, b, c, ..., ∞ -значная неаристотелева ориентация структурно подобна эмпирическому миру, и позволяет нам в данном случае приписывать бесконечно много отдельных однозначно соответствующих значений индивидуальным фактам.

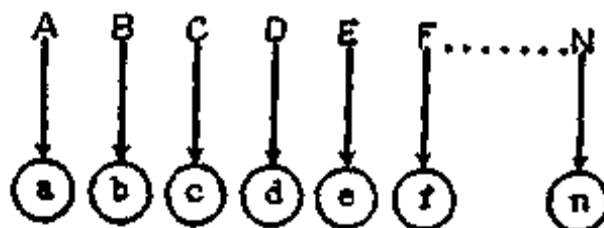

FIG. 2

A, B, C, ..., ∞ -значные и различные факты опыта, которые, в данном случае, с необходимостью имеют *бесконечно много отдельных индивидуальных значений*.

$\Sigma_1, \Sigma_2, \dots$, дву-, трех-, ..., и несколько-значная аристотелева ориентация структурно неподобна эмпирическому миру, и вынуждает нас приписывать два, ..., или несколько значений существенно бесконечно-значным и различным фактам, что приводит к отождествлению множества значений в виде нескольких значений, и эта неадекватная оценка проецируется на факты.

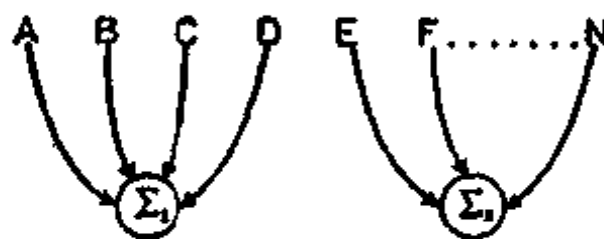

FIG. 3

A, B, C, ..., ∞ -значные и различные факты опыта, которые, в данном случае, по необходимости имеют *бесконечно много отдельных индивидуальных значений*.

Ω , однозначная животная примитивная, ..., ориентация структурно неподобна эмпирическому миру, и вынуждает нас приписывать одно значение существенно бесконечно-значным и различным фактам, что приводит к *отождествлению* множества значений в виде одного значения, и эта неадекватная оценка проецируется на факты.

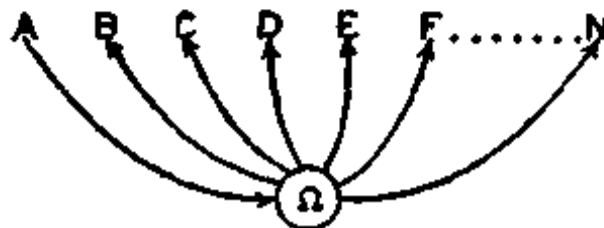

FIG. 4

На Рис. 2 стрелки Aa, Bb , показывают $\bar{A}$ однозначное соответствие ∞ -значных индивидуальных фактов жизни A, B, C , и соответствующих c, p , или ориентаций a, b, c , которые приписывают отдельные значения *различным* фактам, устанавливая основу для структурно корректной *надлежащей оценки*, способствующей адаптации и, соответственно, психическому здоровью.

На Рис. 3 показана A дву-, несколько-значная ориентация и тип соответствия.

На Рис. 4 Ω означает единственную, то есть надлежащую оценку одного факта A . Стрелки $\Omega B, \Omega C, \Omega D, \Omega E, \Omega F, \dots, \Omega N$ показывают *проекцию* однозначного семантического состояния, или ориентации, на существенно неизменные ∞ -значные факты A, B, C , *которая их искажает*. Другими словами, эти ∞ -значные факты, посредством отождествления множества значений с одним и патологической проекции, получили неверную оценку, что само по себе *в принципе* мешает адаптации и здравомыслию, особенно если речь идет о цивилизованном человеке в 1933 году.

Если мы обучаем детей одно-, дву-, трех- и более общим несколько-значным *эл, А* реакциям, основанным на соответствующем языке, «логике», то результатом будут неизбежные гигантские трудности в адаптации к миру *нон-эл* ∞ -значных фактов, и даже если им удастся добиться успехов, это случится только после огромной потери сил и ненужных страданий. Если мы, имея дело с ∞ -значными фактами жизни, используем одно-, дву- или даже несколько-значную семантическую установку, мы обязаны отождествлять некоторые из этого бесконечного множества величин с одной или несколькими величинами, то есть обращаться с ∞ -значным миром с такой ориентацией, которая невежественно и патологично проецирует наши *ограниченные* несколько-значные семантические оценки на ∞ -значные индивидуальные факты из опыта.

Приведенные выше объяснения в полнейшей степени применимы и к структуре языка. Этот повседневный язык, также, как и наши установки в отношении него, все еще отражает примитивные структурные *c, p* того периода, когда еще не было известно, что на объективных уровнях мы имеем дело *исключительно* с ∞ -значными *четырёхмерными процессами*. Язык в A -системе представляет собой, *в принципе*, то, что можно назвать трехмерной и одно-, дву-, и, более обобщенно, несколько-значной лингвистической системой, структурно неподобной ∞ -значным четырехмерным условиям событий-процессов. Давайте для примера проанализируем A термин «яблоко». Данный термин представляет собой, *в принципе*, название для словесного, однозначного и постоянного интенционального определения, не включающего в себя пространственно-временные отношения. Каковы структурные факты опыта? Объект, который мы именуем «яблоком», представляет собой процесс, который постоянно изменяется; кроме того, каждое конкретное яблоко, которое когда-либо существовало, было совершенно индивидуальным и отличалось от любого другого объективного «яблока». Применяя трехмерный и однозначный язык к существенно ∞ -значным процессам, мы просто делаем надлежащую оценку, и, соответственно, адаптацию и психическое здоровье весьма малореальными.

Однако в $\bar{A}$ -системе структурная адаптация достигается очень просто. A «яблоко» было названием для словесного *интенционального определения*; в $\bar{A}$ -системе мы создаем бесконечно много названий для бесконечного числа объективных различных «яблоков» с помощью индексов, «яблоко₁», «яблоко₂», «яблоко₃», дополняя этот индекс еще и датировкой; так, с «яблоком_{1,23фев1933}» мы получаем возможность рассматривать «яблоко_{n,i}» как ∞ -значное, и, для каждого конкретного случая, мы можем получить индивидуальное название, которое можно соотнести с индивидуальными значениями объективных, абсолютных индивидуумов и абсолютных индивидуальных стадий данного процесса. То же самое и с многопорядковыми терминами. До того, как многопорядковость терминов была открыта и сформулирована мной в 1925 году, такие термины молчаливо предполагались, в принципе, как однозначные, и мы не могли использовать их в связи с ∞ -значными порядками абстракций, а если их все же нужно было использовать, по семантической необходимости, мы отождествляли бесконечное множество значений с одним. Оба результата были нежелательны; первое устанавливало семантические блокировки для творческой научной работы; другое способствовало семантическим расстройством. Но как только установлена многопорядковость терминов, у нас получают ∞ -значные термины, кото-

рым в заданном контексте (через различение разных порядков абстракций, на которые указывает контекст) мы можем приписать отдельные значения.

Подобный новаторский анализ может сначала показаться трудным, однако это происходит исключительно из-за недостатка ознакомленности и укорененных пре-*A* и *A* одно-, дву-, трех- или несколько-значных *c.p.*, которые все так или иначе в результате связаны с отождествлением. Однако, как только это отождествление устранено, всё становится по-детски простым, хотя для взрослых это как раз нелегко и даже требует от них больших усилий, и ∞ -значная семантика становится естественной и автоматической, обходя при этом какие-либо очень серьезные теоретические трудности. В данной книге мне пришлось подробно прорабатывать множество трудных вопросов просто потому, что моими читателями в основном являются взрослые, с укорененными пре-*A* и *A* реакциями, которых требуется сначала убедить в полезности такой оценки, прежде чем у них появится готовность заниматься трудоемким переучиванием в области собственных старых *c.p.* Данная процедура в образовании младенцев и детей крайне проста и полностью соответствует их уровню.

Однако тут есть один момент, который я хотел бы полностью прояснить. С более старой точки зрения можно утверждать, что $\bar{A}$ -система может привести к «сверх-рационализации» и, следовательно, она «убьет всю радость жизни». Подобные возражения совершенно необоснованны. Во-первых, *A*-система приводит к поверхностному, но часто весьма впечатляющему словесному манипулированию определениями, которые по большей части неподобны по структуре нашему миру и нам самим, и представляют собой разновидность апологетики, что обычно и именуют словом «рационализация». $\bar{A}$ -система приводит к структурной адаптации языка и *c.p.* и структурным исследованиям, что дает в результате понимание. Это делает инфантильные «рационализации», «принятия желаемого за действительное» и апологетику разного рода невозможными, вместо этого приводя к взрослому интеллекту высшего порядка, основанному на надлежащей оценке. В простой «рационализации» мы часто сталкиваемся с остроумной, но поверхностной и инфантильной оценкой, основанной на невежестве или игнорировании в отношении структурных фактов, а ведь только они и составляют содержимое всего «знания». В $\bar{A}$ -системе, с помощью устранения источников инфантильной оценки и таких же реакций, мы обеспечиваем нервную систему младенца уникальным адекватным материалом, с тем, чтобы он мог развиваться в «нормального» взрослого. В более старой системе, вместо того, чтобы помогать, мы мешали развитию взрослых стандартов оценки, и результаты этого хорошо известны. «Человеческая природа» и большинство нервных систем как таковых находятся во вполне нормальном состоянии – но, определенно, есть нечто порочное в наших образовательных методах, как внутри, так и за стенами наших школ.

Есть еще один момент, который еще более убедителен, и, возможно, даже более критичен. Упомянутые выше более старые возражения возникают на основе *c.p.*, построенных на игре на элементаристских терминах и нейрологической невозможности. Организм работает как единое целое, и в циклических нервных каналах невозможно никакими известными образовательными методами запретить возникновение «эмоций». Однако можно добиться следующего: через обучение в безмолвии на несловесных объективных уровнях и при различении между разными порядками абстракций, мы автоматически устраняем возможность инфантильных отождествлений и оценок; мы вводим «отложенное действие», которое представляет собой физиологическое средство для установления контроля над нашими «эмоциями» и более полного задействования коры головного мозга. Инфантильная «сверх-эмоциональность» при этом у взрослого устраняется. Младенцы будут вести себя как младенцы, но это инфантильное поведение не будет переноситься на тот период, когда должна наступать взрослость. «Эмоции» при этом не аннулируются, а «сублимируются».

И при этом действительно можно изменить многие стандарты. Например, можно грубо сказать, что инфантильный тип часто от симфонии впадает в скуку, а джаз удовлетворяет его инфантильные запросы. Если взять такого инфантильного взрослого и заставить его слушать только симфонию, то это будет не только жестоко, но и никак не преобразует его инфантильные *c.p.* во взрослые реакции. Однако если без помехи со стороны неадекватной семантики и такого

же нейрологического обучения ему позволить свободно развиваться во взрослого, то его собственные предпочтения переместятся скорее в область симфонии, чем в область примитивных ритмов, и при этом получаемое им удовольствие не только не уменьшится, но и, возможно, станет более полным.

Можно провести подобный же анализ всех человеческих интересов, в результате чего мы увидим, что навязывание взрослых стандартов инфантильным типам – это жестокое действие; но самое печальное в этом то, что, вопреки подавлению, навязыванию, эти навязываемые стандарты в большей степени останутся неэффективными, и отказ от них происходит немедленно после прекращения насилия. Этого не произойдет, если с помощью надлежащего семантического образования мы позволим младенцу нормально развиваться до взрослого состояния. Эти *новые* стандарты не навязываются, они становятся его собственными. При этом не требуется никакого внешнего давления, потому что эти новые стандарты работают изнутри и становятся постоянными и приятными для человека.

Подобный же процесс совершенно очевиден в практической психотерапии. Стандарты оценки пациентов обычно неадекватны условиям современной жизни и часто резко противостоят принятым стандартам. Морализаторство без изменения стандартов человека *другими средствами* ни при каких условиях не может дать какого-либо удовлетворительного терапевтического результата; как раз наоборот, часто это приносит множество вреда. Нужно быть очень неумным врачом, чтобы пытаться порицать симптом или подвергать его цензуре, поскольку это исключит вероятность получения какой-либо пользы. Врачи обычно просто лечат любой симптом, независимо от того, насколько он отвратителен, с большим состраданием и пониманием. Они *не пытаются* напрямую изменять симптом, вместо этого они, с помощью понимания его основного механизма, стараются *изменить стандарты оценки пациента*, поскольку симптом лишь является следствием этих стандартов. Если удастся добиться успеха, и врачу удастся изменить неадекватные стандарты оценки, данный симптом после этого автоматически исчезает. В повседневной жизни мы обычно боремся только с симптомами, по большей части игнорируя лежащие в их основе структурные причины; такой подход и объясняет сомнительные результаты. В условиях инфантильных стандартов мы применяем подобные же методы и к обществу. Многие хотели бы исключить войны, революции, «депрессии», но они при этом недостаточно глубоко исследуют структуру. Они борются с симптомами, вместо того, чтобы проанализировать структурные вопросы, которые порождают эти симптомы.

В заключение давайте обратим внимание на то, что анализ семантического механизма на печатной странице требует новых терминов и согласования множества деталей, которые поначалу не всегда представляются такими уж простыми, хотя, как только достигается овладение теоретической стороной, образовательные применения становятся поразительно простыми. Так, анализ одно-, дву-, трех-, и ∞ -значной семантики может показаться трудным, однако на практике все сводится лишь к приданию нашим образовательным системам семантической гибкости, взамен жесткости; приобретению привычки начинать с наблюдений, продолжать описаниями, делать из них переход к выводам, в связи с осознанностью данных порядковых процессов. В обучении достаточно устранить отождествление, и это легко достигается, как только мы произведем подходящий для этого метод, основанный на новой $\bar{A}$ структуре. Последняя же на самом деле состоит из немногих новых простых терминов, соответствующих здравому смыслу, анализ которых помогает нам открыть немногие простые и инвариантные психофизиологические отношения. Так, отождествление исключается посредством начала использования *порядкового* языка и метода. Как только мы обретаем чувство горизонтального и вертикального расчленения, и научаемся различать порядки абстракций, отождествление пропадает. Молчание на объективном уровне производит «задержку», задействует и тренирует кортекс; наши реакции становятся все более и более разумными в человеческом смысле, . . . ; и наиболее важные результаты достигаются самыми простыми средствами.

Тренировка в визуализации и устранение объективации – это первые и наиболее важные шаги в деле полного исключения отождествления. Когда этот первый шаг выполнен, всё остальное становится очень простой задачей.

Но читатель может спросить, зачем же нам использовать такие незнакомые и, соответственно, кажущиеся трудными методы для достижения таких очевидных результатов. Нужна ли нам на самом деле $\bar{A}$ -система для достижения таких результатов, которые даже в A -системе считаются желательными? Ответ на этот вопрос связан со значительными последствиями, и его следует рассмотреть всерьез. В A -системе данных желательных результатов невозможно достичь в общем случае, поскольку структура нашего старого языка и его методы нам тут больше мешают, чем помогают. Новые теории, новые системы, построены именно с целью способствовать адаптации. Эти вопросы, которые в прежние времена считались «философскими», «метафизическими», и работа с которыми требовала высокого уровня интеллекта, знаний, с самого начала, в новом подходе становятся просто *проблемой структуры того языка, которым мы пользуемся*. Все эти моменты являются тесно взаимосвязанными. Мы не требуем «высокого уровня интеллекта» или «высокой образованности» с самого начала, для того чтобы получить эти желательные результаты, поскольку они следуют *автоматически* из структуры языка, который мы принимаем, и которому мы учим наших детей. Так, прежние невозможности решаются просто и автоматически, с высочайшим уровнем эффективности и самыми продолжительными результатами.

ГЛАВА XXIX О НЕАРИСТОТЕЛЕВОМ ОБУЧЕНИИ

Если вышеописанные предварительные результаты экспериментов будут полностью подтверждены, то будет открыт важный факт в области физиологии коры головного мозга – а именно, что новые связи в коре могут возникать не только в области оптимальной возбудимости, но также и в тех областях, которые находятся в той или иной фазе торможения. (394) I. P. PAVLOV

Это проклятое односложное слово «все» принесло математикам больше проблем, чем все остальные слова в словаре. (23) E. T. BELL

. . . эти наблюдения . . . указывают на то, . . . что механизм развития условного рефлекса и механизм внешнего торможения некоторым образом подобны, и что процесс внешнего торможения имеет некоторое отношение к развитию связей между различными элементами коры. (394) I. P. PAVLOV

В частности, было продемонстрировано, что продолжительность по времени срабатывает как реальный физиологический стимул, и были описаны эксперименты, в которых определенные временные интервалы играли роль практических стимулов. (394) I. P. PAVLOV

Процедура обучения в настоящей системе с помощью Дифференциала напрямую следует из теоретических соображений, которые были изложены в предыдущих главах. Утверждения данной системы были подтверждены экспериментально во всех случаях, когда она систематически применялась на практике.

Главной целью было приобретение столь желанной «осознанности абстрагирования», на которой основана не-бредовая оценка, которая, в свою очередь, становится основанием для непатологических *с.р* и психического здоровья. Поскольку мы имеем дело с различными аспектами органического процесса, который, по сути, работает как единое целое, все эти аспекты оказываются очень тесно взаимосвязанными. С помощью анализа мы обнаружили два основных аспекта, лежащих в основе всех остальных. Представляется, что *A* структура приводит к семантическим состояниям, которые можно сформулировать как ощущение «всеобщности», и что это, через отождествляющее «есть», приводит к смешиванию порядков абстракций. Таким образом, немедленно возникает общий контур программы: сначала нужно исключить эту «всеобщность»; затем нужно донести это чувство особого расслоения «человеческого знания», которое следует из отрицания отождествляющего «есть»; другими словами, исключить отождествление. Это становится настолько очевидным, что теорию психического здоровья невозможно отделить от *A*-системы.

Поскольку организм работает как целое, для создания постоянного, продолжительного и укорененного чувства абстрагирования следует тренировать все нервные центры. Как только это достигается, распознавание вертикального и горизонтального расслоения человеческого знания также становится постоянным семантическим состоянием. Это дает нам своеобразную семантическую систему координат, в которой мы можем представить любую жизненную или научную ситуацию, или какую-либо трудность, с большой ясностью, и благодаря этому адекватно их оценить. Данная процедура в словесных теоретических объяснениях кажется сложной; на практике это совсем не так. Она крайне проста, при условии, что мы неизменно следуем инструкциям, которые основаны на теории и практике. Самое главное, мы не должны ожидать результатов слишком быстро.

По уже изложенным причинам студенты должны не только слышать и видеть объяснения, но также *делать что-то самостоятельно*, то есть работать с ярлыками и показывать руками различные порядки абстракций. После предварительных объяснений детей нужно вызывать к Дифференциалу, и просить их показать с помощью рук, что он обозначает. Это также относится и ко взрослым, и к пациентам. Дифференциал представляет собой не только постоянное струк-

турное и семантическое напоминание, которое воздействует на многие нервные центры; это нечто большее, потому что при обучении он отображает *естественный порядок* через все центры. Каждый читатель, который отказывается использовать руки в связи с этим, создает себе серьезное препятствие, потому что *упорядочивание* аннулирует отождествление.

По сути, нет структурной разницы между использованием языка и использованием какого-либо другого механического прибора; и то и другое связано с рефлексам. Хорошо известен тот факт, что ни один пианист, телеграфист, наборщик текста или шофер не смог бы успешно справляться со своей работой, если бы ему приходилось задумываться над каждым движением, которое он делает. Как правило, *словесные* объяснения принципов работы соответствующей машины нужны в начале, однако требуемый структурный рефлекс-навык приобретается продолжительной практикой, при которой опять же задействуются все нервные центры. Нам всем хорошо известно, какие поразительные вещи могут совершить *бессознательные* рефлекс-приспособления хорошего водителя автомобиля в случае неожиданной опасности.

Подобный семантический рефлекс-навык требуется и в работе с нашим лингвистическим аппаратом, и, в случае опасности, при внезапных происшествиях и поворотах, наша ориентация также должна работать бессознательно. Вот для чего требуется структурное *чувство* для работы с этим аппаратом. Для того, чтобы оказать воздействие на организм и его работу в целом, следует тренировать все нервные центры, для обеспечения наибольшей эффективности.

Семантическое обучение взрослых и детей, по сути, не отличается. У детей меньше закрепленных привычек, более гибкие *с.р.*, чем у взрослых, и, соответственно, результаты с детьми достигаются быстрее и сохраняются дольше.

Теперь я хочу объяснить, как надо обучать детей. Подобный же метод применим и в отношении взрослых; однако взрослому не стоит слишком сильно себе доверять в отношении приобретения «осознанности абстрагирования». Он должен подойти к этому занятию со всей основательностью. Я утверждаю это на основании личного опыта. Несмотря на то, что Дифференциал практически постоянно находится у меня перед глазами, и что я сам являюсь автором представленной системы, я то и дело ловлю себя на одной из этих прежних вредоносных семантических привычек. Привычки, и в особенности привычки лингвистические, могут оказаться весьма злокачественными и сопротивляющимися в отношении изменений.

Не требуется начинать с глубоких теоретических построений; можно начать со знакомых повседневных объектов и микроскопа или лупы. Мы приносим в класс Дифференциал, у которого отсоединены все ярлыки, кроме одного, но при этом *не* начинаем объяснять его. Мы начинаем с небольшого семантического *эксперимента* в отношении предмета «всеобщности». Для этого берем любой действительный объект – яблоко, карандаш или еще что-то хорошо знакомое детям. Описанные принципы являются общими и применимы ко всем объективным уровням примерно одинаковым образом. Вы говорите им, что мы сейчас развлечемся. Затем просите их рассказать вам «все» о рассматриваемом объекте; в данном примере, о яблоке. Когда дети начинают нам рассказывать о нем «всё», мы записываем характеристики на доске. *Последнее крайне важно.* У нас должна иметься визуальная, экстенциональная запись всех приписываемых предмету характеристик. Когда изобретательность детей в отношении рассказа «всего» об этом яблоке истощится, *нельзя* довольствоваться этим. Нужно попытаться заставить их сомневаться, всё ли они рассказали, побуждать их найти еще что-то, при этом постоянно используя слово «всё». Термин «всё» должен выделяться, повторяться до такой степени, что детей это уже начнет раздражать. Чем больше они научатся не любить это слово, тем лучше. Мы тем самым уже тренируем самую важную *с.р.*

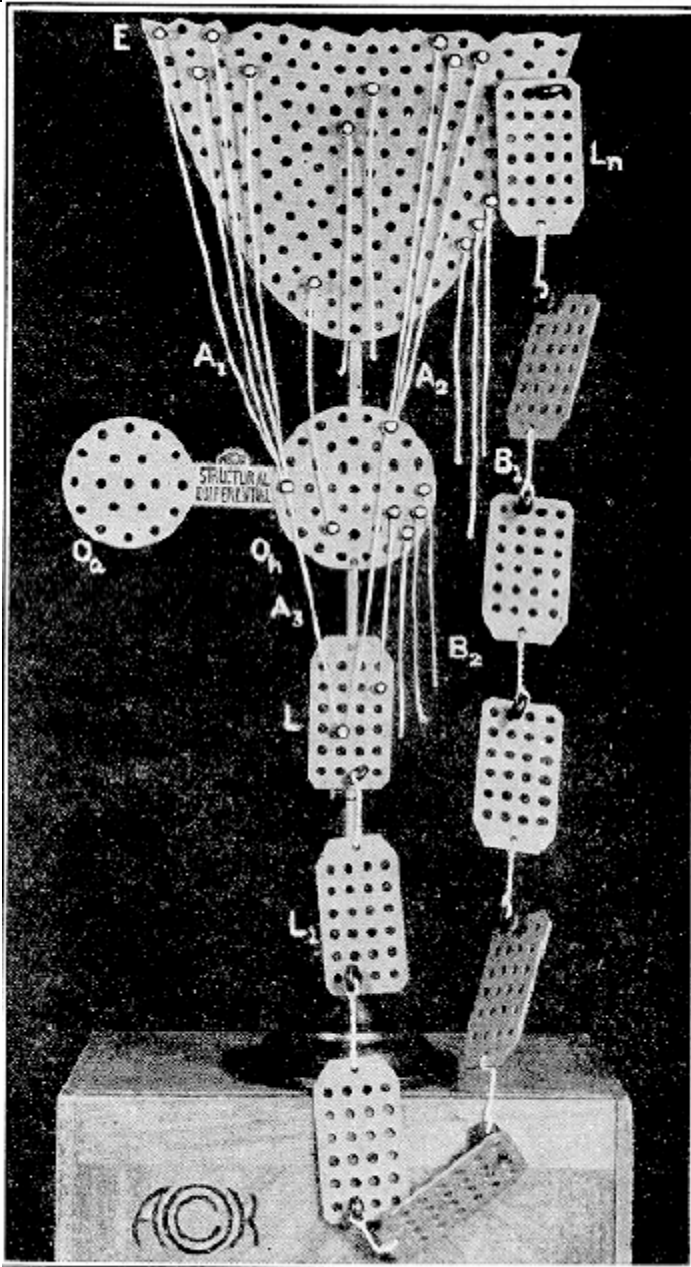

FIG. 1
THE STRUCTURAL DIFFERENTIAL

ристки ощутимо проявлены в жизни ребенка. Также мы избегаем опасности принять умные, но поверхностные ответы за стандартные. Последнее оказалось бы смертельной ошибкой, поскольку данные вопросы фундаментальны, и нам не следует самонадеянно опираться на словесную красоту.

Когда предмет представляется исчерпанным, и список характеристик яблока становится «полным» (мы постоянно повторно убеждаемся в том, что дети предполагают, что они рассказали нам «всё» о нем), мы режем яблоко на куски и показываем детям экспериментально, в конце концов доходя до микроскопа и лупы, что они *не* рассказали нам «всё» об этом яблоке.

Некоторым специалистам в области образования может показаться, что подобное обучение может быть связано с некоторыми нежелательными психо-логическими результатами. Но позже, когда осознанность абстрагирования приобретает вид продолжительного семантического состояния, этот страх оказывается совершенно необоснованным, как объясняется далее. Первый шаг во взаимодействии с «реальностью», как представляется – это требование полностью отказаться от прежних бредовых методов.

Мы *не* должны удовлетворяться даже самыми лучшими ответами, которые будут давать самые умные дети. В большом классе может даже найтись ребенок, который сразу в лоб скажет, что «всё» о яблоке просто невозможно рассказать. Тогда следует сосредоточиться на *менее* сообразительных детях, и уделить им особое внимание. Для этого есть множество важных причин. С одной стороны, дети проявят большее рвение и большую заинтересованность в собственных достижениях. Затем, заодно, они легко на примере научатся тому, что такое разница в интеллекте. Это понимание недостатков других также обладает важным семантическим расширяющим эффектом. В жизни многочисленные «неприятности» возникают именно потому, что мы недооцениваем некоторые естественные недостатки и *слишком многого* ожидаем. Завышенные ожидания приводят к очень вредным семантическим шокам, разочарованиям, подозрениям, страхам, безнадежности, беспомощности, пессимизму, .

Менее сообразительные дети также получают пользу. Данный эксперимент соответствует их уровню, так что у них тоже есть максимальный шанс получить пользу. Вскоре дети начнут спорить по поводу нового метода и объяснять друг другу его суть; ибо мы затронули очень важные и сложные семантические процессы «любопытства», «достижения», «амбиций». , а эти характе-

Когда дети обретают полную убежденность в отношении невсеобщности и *невозможности* «всеобщности», мы готовы объяснить им, что означает слово «абстрагирование», опять же с использованием слов «все» и «не все». Мы демонстрируем им небольшой вращающийся вентилятор и объясняем, что отдельные лопасти мы при вращении воспринимаем как диск.

В такой демонстрации можно зайти сколь угодно далеко. Вся наука предоставляет данные (например, динамическую структуру материалов, кажущихся твердыми). Нужно подобрать такие данные, которые бы соответствовали возрасту детей или уровню знаний взрослых. Всё сказанное надо продемонстрировать эмпирически, со структурной точки зрения.

Следующий шаг – это практическая демонстрация того, что объект, рассматриваемый с разных точек зрения, обладает разными аспектами для разных наблюдателей. Можно использовать разные объекты или деревянные геометрические фигуры, покрашенные с разных сторон в разный цвет. Можно помещать объект в различные положения и просить детей дать их описание, которые нужно записывать. Описания, конечно, окажутся разными, и это нужно тщательно довести до осознания детей. Во всех этих предварительных упражнениях преподаватель может проявить собственную изобретательность, и нам тут нет необходимости вдаваться в детали.

Когда все эти результаты достигнуты на уровне *наименее развитого* ребенка, мы далее объясняем Дифференциал как структурно-диаграммное отображение вышеописанных результатов. *Непременным условием* является то, что должен использоваться новый язык, и что объект должен описываться как *абстракция* некоторого порядка. Если данным жизненно важным структурным моментом пренебречь, большинство психо-логических семантических плюсов «невсеобщности» будут либо потеряны, либо значительно сокращены. Нужно четко донести данный термин до ребенка, и обучить его тому, как им пользоваться, поскольку он уникальным образом соответствует структуре и функционированию нашей нервной системы. Ребенка следует предупредить о том, что старые языки структурно не подходят для его будущего понимания и семантической адаптации. Это предупреждение должно повторяться со всей серьезностью постоянно.

Исключив «всеобщность», мы приступаем к исключению отождествляющего «есть», которое на примитивных и инфантильных стадиях развития рода человеческого оказывается крайне жестко встроенным в наши *с.р* и в структуру нашего обыденного языка. Как ранее было изложено, отождествление представляет собой естественную реакцию животного, примитивного человека и младенца, и она отражена и систематизирована в *A* и более старых лингвистических системах, которые, вследствие игнорирования и пренебрежения со стороны родителей и учителей, не получают должного противодействия и таким образом продолжает существовать в жизни детей и взрослых, до тех пор, пока не становится неотделимой частью того, что мы называем словом «цивилизация» (1933). В теории адаптации, или психического здоровья, мы должны противодействовать этой животной, примитивной, инфантильной *с.р* построением *A*-системы, которая будет полностью отвергать отождествляющее «есть».

В *A*-системе, вследствие применения этого «есть», различные порядки абстракций неосознанно отождествлялись по величине, что находится в очевидном противоречии с фактами. Другими словами, в условиях отождествления по величине они рассматривались как вещи одного порядка или одного уровня, и это не порождало необходимости в бесконечно расширяющихся порядках горизонтальных и вертикальных различий. Подобным же образом объективно бессмысленная «бесконечная скорость» процесса *не позволяет* построить порядок. Но как только мы видим конечность скорости процесса, появляется *порядок*, и он становится неотъемлемым аспектом данного процесса. *Конечная и известная скорость нервных потоков на физико-математических уровнях приводит к упорядоченной последовательности на психологических уровнях; к нетождественности и должной оценке на семантических уровнях, и к порядкам абстракций и неаристотелевой системе и общей семантике на словесных уровнях.*

Как только мы в своем языке отменяем всегда не соответствующее факту отождествляющее «есть», мы автоматически перестаем отождествлять различные порядки абстракций. Мы не предполагаем, что они представляют один уровень – он *распадается* на естественным образом упорядоченную последовательность из бесконечного множества порядков абстракций с разны-

ми величинами. Адаптация и, следовательно, психическое здоровье человечества, зависят от надлежащей оценки, которая невозможна в условиях бредового отождествления фундаментально различных порядков абстракций. Мы должны затем натренировать *с.р* в естественном *физиологическом порядке* процесса абстрагирования, который, на психо-логических уровнях, превращается в непатологическую оценку.

В случае тренировки по «невсеобщности», необходимо было начать с анализа обычного объекта, для того, чтобы предоставить ребенку упрощенное теоретическое объяснение и потом продемонстрировать его на опыте. Ребенка можно легко «убедить», однако этого убеждения недостаточно, потому что оно не сможет изменить его *с.р* на постоянной основе. Мы объясняем эту трудность очень просто, сообщая ему о том, что хотя он и согласился с нашей презентацией, он очень скоро ее «забудет», и поэтому нам нужно постоянное визуальное напоминание, которое предоставляется свободно свисающими нитями с события и с объекта, показывающими «опущенные», то есть непроабстрагированные, характеристики.

Устранение отождествляющего «есть» имеет и другие структурно связанные с ним аспекты. Отказ от этого «есть» становится эквивалентом постановки акцента на *расслоении* структуры «человеческого знания». Для оптимального обучения следует *акцентировать оба эти аспекта* всеми доступными средствами, и задействовать при этом как можно больше нервных центров. Так, посредством слуха мы словесно доносим формулу отказа от отождествляющего «есть», указывая пальцем на различные порядки абстракций, мы одновременно при этом воздействуем на зрение, повторяя, что «это *не есть* это». Мы используем эти кинестетические центры не только указывая пальцем на различные уровни, но также делая размашистые движения руками, показывая это расслоение. Нужно преподавать как горизонтальное, так и вертикальное расслоение, всегда при этом используя руки. Горизонтальное расслоение означает различность, или порядковость, абстракций разного порядка; вертикальное расслоение означает различие между «человеком» и «животным», а также между всеми абсолютными индивидуумами. В обоих случаях семантический эффект отождествляющего «есть» получает противодействие.

Описанная выше процедура обучения имеет важное нейрологическое основание. Кроме того, что уже было объяснено, обнаруживается, что слово обладает четырьмя основными характеристиками, которые соответствуют корковому представлению. Слово можно слышать, видеть, говорить и писать. Таким образом, язык связан с множеством нервных функций; например, слуховыми, визуальными и разнообразными моторными нервными центрами, взаимно увязанными в весьма сложную сеть «горизонтальных» и «вертикальных» волокон. Использование Дифференциала вовлекает все доступные нервные каналы; мы говорим, слушаем, смотрим, двигаем руками, показывая расслоение, «невсеобщность» . , задействуя при этом обширные области коры и тем самым повышая вероятность воздействия, через *нон-эл* методы, на организм как целое. Дифференциал становится для нас особым, упрощенным, но при этом продвинутым интернациональным *структурным символизмом* (1933), который воздействует на обширные нервные области неграмотного или почти неграмотного человека или младенца. , которые в противном случае остались бы вне зоны влияния. Известно, что большой объем чтения и писания, а также говорения на множестве языков, оказывает весьма заметный культурный эффект и способствует визуализации и осознанности абстрагирования. Причина этого, возможно, обнаруживается в том факте, что ученый полиглот, или исследователь, использует множество нервных центров скоординированным образом. В прежние времена было крайне трудно достичь координации этих центров, если только не стать ради этого ученым того или иного сорта. С Дифференциалом мы можем сделать это обучение простым и сравнительно быстрым, работая со всеми нервными центрами и таким образом донося до детей и до практически неграмотных людей культурное наследие, равноценное длительному и трудному университетскому образованию, без каких-либо сложных техник. Последнее как раз всегда нужно рассматривать не как цель, но как средство.

По моему опыту работы с детьми и с людьми от самого низкого уровня «умственных» способностей до самого высокого, нетождественность различных порядков абстракций обычно воспринимается легко и просто. Всё это кажется столь простым и самоочевидным, что никто

не предполагает, что тут могут вмешаться серьезные бессознательные структурные семантические, лингвистические и нейробиологические механизмы бреда, которые недоступны для обработки без специально продуманного обучения нетождественности. Бредовое ощущение «всеобщности» и «тождественности» обладают той особенностью патологических состояний, что они склонны быть вездесущими. Самое трудное в повседневном, а также в медицинском опыте – это проделать брешь в этой вездесущей привычке, но как только это бредовое состояние хотя бы частично замещается проблесками *м.п.* реальности, дальнейшая проработка и преподавание адаптации к «реальности» становятся относительно простыми. Таким образом, на практике, если мы начинаем с обычных объектов, ощущений и слов, и преподаем невсеобщность и нетождественность, любой ребенок и взрослый, даже умственно отсталый, сможет легко это усвоить. Как только это ощущение было приобретено, а в большинстве случаев это просто вопрос методичности и настойчивости в отношении его приобретения, основная *семантическая* блокировка разрушается, и всё остальное становится относительно простым. У меня пока еще не было возможности это проверить, но я убежден в том, что даже идиота высшей степени можно научить различать описания и выводы, после того как он научился различать объективные уровни и слова. При таком обучении умственно отсталых можно прибегать к самым смелым упрощениям; например, если человек говорит, что он голоден, и сообщает, что он хочет «хлеба», то мы даем ему ярлык, прикрепленный к объективному хлебу, и тогда он быстро осознает, что символ – это не то, что он символизирует.

Нужно осознавать, что в таком обучении мы должны доносить тот очевидный факт, что слова или ярлыки удобны в использовании, но *не являются* самими объектами или ощущениями. Нам следует носить ярлыки в карманах, так сказать, точно так же, как мы носим в них деньги или чеки за покупки, и не отождествлять их «эмоционально» с тем, что они на самом деле олицетворяют, потому что курсы валют меняются, купленные вещи тоже можно обменять на другие, они могут потеряться или сгореть. Для того, чтобы этого достичь, нужно иметь *объективные ярлыки*, которые мы можем держать в руках и носить в карманах, а также объективное нечто, к которому эти ярлыки можно прикрепить. В представленной *A*-системе отказ от отождествляющего «есть» является полным и относится ко всем уровням. Так, событие *не является* объектом; объект *не является* ярлыком; описание *не является* выводом; а имя собственное *не является* именем нарицательным; характеристики, приписываемые событиям, объектам или ярлыкам, *не являются* тождественными, никакой объект, ситуация или чувство *не являются* тождественными с другим объектом, ситуацией или ощущением. , . , и всё это организуется в виде *структуры горизонтального и вертикального расслоения*. На раннем этапе данного обучения нам нужно начать с того, что представляется наиболее простым и наиболее очевидным для ребенка; а именно, с отсутствия тождественности между словом и объектом, или с того, что слово *не является* объектом. Это можно показать, сделав упор на то, что нельзя сесть на слово «стул», нельзя писать *словом* «карандаш» или выпить слово «молоко», . Эти простые факты нужно всегда переводить в *обобщенную форму*, указывая руками на два уровня Дифференциала, совместно с произнесением формулы «это *не есть* это». Мы должны всегда говорить ребенку о том, что данная формула является полностью обобщенной, однако на данный момент мы не будем углубляться в детали.

На этом этапе можно продвинуться еще на один шаг, продолжая использовать *только* обычные объекты для примеров, и объясняя несловесный характер каждого объекта; а именно, что всё, что мы можем видеть, пробовать на вкус, нюхать, трогать. , является абсолютным индивидуумом (что можно продемонстрировать на опыте) и *несловесным* объектом. Затем мы берем яблоко, откусываем от него (делаем это на самом деле), и объясняем, что несмотря на то, что объект *не есть слово*. , мы все же очень даже заинтересованы, традиционно, в этом несловесном уровне. Затем мы много раз, пространно и повторно, подчеркиваем тот важный принцип оценки, что в жизни мы должны иметь дело с объективным уровнем; тем не менее, до этого уровня невозможно добраться *одними только словами*. Как правило, уходит несколько недель или даже месяцев, прежде чем эта простая *с.р.* укореняется, поскольку прежнее отождествление психофизиологически очень сильно закреплено. Как только она укоренилась, мы акцентируем

тот факт, что для того, чтобы обнаружить себя на объективном уровне, требуется трогать, смотреть и слушать. , но никогда не требуется говорить, наоборот, нужно оставаться в молчании, внешне и внутренне. И здесь мы приходим к одному из самых трудных шагов во всем обучении. Это «безмолвие на объективном уровне» связано с непредвзятой и нейтральной инспекцией великого множества «эмоций», «предрассудков», . Данный шаг, между прочим, представляется первым, самым простым, наиболее очевидным и наиболее эффективным психофизиологическим «фактором реальности» для исключения бредовых отождествлений.

Как только ребенок обретает глубокое осознание отсутствия тождественности между словами и объектами, мы можем попытаться расширить понятие «объекта» до «объективных уровней». Подобное обучение требует настойчивости, несмотря на то, что оно кажется фундаментально простым. Мы демонстрируем и объясняем то, что действие, реальное телесное исполнение и все объективные происшествия – это *не слова*. На более поздней стадии мы объясняем, что зубная боль или реальная боль от укола иглой. , *не является* словами, и относится к *объективным несловесным уровням*. Далее по ходу работы мы распространяем это понятие на все обычные объекты; все действия, функции, поступки, процессы происходят вне нашей кожи, как и все непосредственные чувства, «эмоции», «настроения». , происходят внутри нашей кожи – также *не являются* словами. Мы расширяем это «безмолвие» до всех происшествий на объективных уровнях, и анималистическая «человечья натура» начинает «превращаться» в довольно отличающуюся от этого *человеческую* натуру.

По достижении этого все остальное становится гораздо проще, хотя и гораздо тоньше. Мы объясняем, как можно более простым образом, проблемы оценки и *с.р.*, подчеркивая и делая очевидным тот факт, что наша действительная жизнь проходит *полностью* на объективных, несловесных уровнях. Мы постоянно иллюстрируем это простыми примерами, такими как сон, еда, любая деятельность, боль, удовольствие, непосредственные чувства, «эмоции». , которые *не являются* словами. Если слова не переводятся в несловесные эффекты первого порядка, что приводит к невозможности что-либо сделать, или что-либо почувствовать, что-либо изучить или запомнить. , от слов нет *никакого толку* и они становятся бесполезным шумом.

Один факт следует особо подчеркнуть; а именно, что проблема *не является* вопросом «неадекватности слов». Всегда можно подобрать «адекватные слова», однако даже самый идеальный и структурно адекватный язык *не будет являться* самими вещами или чувствами. В этом отношении *не может быть никакого компромисса*. Многие люди до сих пор радостно выдают пессимистические высказывания касательно нынешнего *языка*, основанные на безмолвных предположениях, связанных с бессознательным бредовым отождествлением, и верят в то, что в «адекватном» языке слово, посредством некоей хорошей примитивной магии, будет тождественно самой вещи. Чем глубже человек осознает отвержение отождествляющего "есть", тем раньше оно станет частью его *с.р.*, и тем раньше он обретет «осознанность абстрагирования».

Мы теперь готовы к дальнейшему вниканию в теорию *естественной оценки*, основанную на естественном *порядке*. В качестве предварительного шага нужно повторно продемонстрировать различие между описаниями и выводами, используя простые примеры. Нужно подчеркивать тот факт, что слова как таковые должны делиться на две категории: первая – слова описательные, в основном, функциональные; и вторая – слова оценочные, которые связаны с предположениями и выводами. Скажем, «А не просыпается по утрам» можно рассматривать как описание. Если А открыто отказывается встать, утверждение «А *отказывается* вставать по утрам» также можно рассматривать как описательное. Если же А не делает открытого отказа, то это утверждение становится оценочным, потому что А может оказаться мертвым или парализованным. Если мы просто скажем «А ленив», то это утверждение представляет собой необоснованный вывод высшего порядка, основанный на невежестве, потому что в 1933 году известно, что «лень» представляет собой симптом физико-химического, коллоидального или семантического расстройства. Следует подчеркнуть, что это различие между описательными и оценочными словами, хотя и является крайне важным, не основано на каких-либо «абсолютных» различиях, но в большой степени зависит от контекста. Я не буду углубляться в анализ этой проблемы, по-

тому что любой учитель или родитель, который приобрел осознанность абстрагирования, может при необходимости самостоятельно найти другие примеры этого из окружения.

Здесь нужно отметить весьма важный, и при этом в общем игнорируемый структурный факт – что *человеческая* жизнь проходит в условиях, которые диктуются *естественным порядком* важности между различными порядками абстракций. Этот естественный порядок должен стать основой естественной адаптивной оценки, и, соответственно, выживательной *с.р.* Поскольку наши жизни проходят *полностью* на *несловесном уровне*, который включает в себя не только научные объекты и обычные объекты, но также действия, функции, процессы, поступки, чувства, «эмоции». , этот уровень, что очевидно, является первым по важности, а словесный уровень, который является лишь вспомогательным, по важности идет после него. Анализ относительной оценки между описаниями и выводами является крайне сложным и потребовал бы отдельного тома, и лежит вне рамок данной работы. Здесь мы можем только предложить общепринятое мнение о том, что надежность выводов зависит от надежности описательных предпосылок, и что описание более надежно, чем вывод. По важности и с точки зрения времени и нейрологии естественного *порядка*, описание идет первым; далее идут выводы. Если мы рассмотрим различные порядки выводов, или оценочных слов, то выводы или оценочные слова более низкого порядка более надежны и соответственно более важны, чем выводы более высокого порядка ('выводы' из 'выводов более низкого порядка').

Поскольку наука как *продукт рода* представляет собой структурные описания и выводы из гигантского количества постоянно пересматриваемых наблюдений и формулировок прошлых поколений, этот родовой продукт, «наука», в *принципе* более надежен и важен, особенно в отношении негативных результатов, чем индивидуальные абстракции индивидуумов. Когда некий индивидуум оказывается «гением» и становится причиной революции в родовых научных абстракциях, он попадает под микроскоп к другим ученым, которые, независимо от собственной предвзятости или медлительности, остаются судьями его продукта. В 1933 году мнение ученых является наиболее надежным из всех, которые имеются. Мы должны принять тот факт, что на данный момент абстракции человечества в целом, особенно негативные, являются более надежными, что устанавливает в оценке первичность события (научного объекта), и вторичность обычного объекта. Следует подчеркнуть, что «объект» из повседневного опыта в человеческой жизни гораздо менее надежен, чем в жизни животных, на которую не оказывается никакого воздействия со стороны человека. Скажем, провода под высоким напряжением, контактные рельсы и мощная взрывчатка в природе как таковые не встречаются, поэтому в природе не приходилось чего-то подобного опасаться. Эти созданные «объекты» обладают скрытыми характеристиками, неочевидными на объективном уровне, на уровне обычного наблюдения, то есть на уровне зрения, слуха или нюха; тем не менее, эти характеристики представляются совершенно «реальными» и опасными, как никогда. Соответственно, «научный объект», или событие, в противоположность обычному объекту, обладает большей важностью, чем повседневный объект, независимо от того, насколько важным является последний. Факт состоит в том, что единственная макроскопическая важность объектов, кроме их эстетической или символической ценности, обнаруживается как раз в тех самых неочевидных физико-химических, микроскопических и субмикроскопических характеристиках. Скажем, важность еды, воздуха или стула обнаруживается именно в плане этих физико-химических эффектов, которые порождаются приемом пищи, дыханием или сидением на стуле, так что, опять же, эти скрытые характеристики, обнаруживаемые только наукой, представляются более важными, чем явные характеристики, генерируемые нашей нервной системой в момент распознавания данного объекта.

Таким образом мы приходим к *естественной шкале* определенного *естественного порядка*, который также устанавливает *естественный порядок генетической важности* и становится *естественным* фундаментом для *выживательной семантической оценки*. Для наших целей этот относительный порядок можно представить так: научный объект, или событие – сначала, обычный объект потом; обычный объект сначала, ярлык потом; описание сначала, выводы потом, и далее вниз к описательным и оценочным словам.

Если мы используем отождествляющее «есть» и отождествим величину или важность различных абсолютно нетождественных уровней, то мы в принципе аннулируем естественный порядок оценки, что, согласно психофизиологической необходимости, проявится в виде обращения естественного порядка различной степени выраженности. У этого любопытного факта есть множество причин, но для наших целей будет достаточно предположить, что (1) слова проще, и с ними проще работать, чем с объектами; (2) выводы, будучи абстракциями высшего порядка в сравнении с описаниями, психо-логически ближе к нашим чувствам и более легко управляемы для любого индивидуума, чем беспристрастные описания, для создания которых требуется обширное лингвистическое образование, способность наблюдать, самообладание, и, в общем, осознанность абстрагирования. Обращение этого естественного порядка непременно приведет к дезадаптации и проявлению патологических симптомов различной степени тяжести. Естественный порядок представляет собой асимметричные отношения, выраженные в виде упорядоченной последовательности не только в пространстве-времени, но и в плане величины/ценности. Все наши переживания и знания определенно указывают на то, что обычные материалы («объекты») крайне редки, и на самом деле они представляют собой нечто спутанно-единое; что органический мир и «жизнь» также встречается крайне редко и представляет собой еще более сложный особый случай материального мира; и, наконец, что так называемая «мыслящая жизнь» представляет собой еще более редкое и еще более сложное проявление «жизни». Отождествляя членов этой последовательности, мы проигнорировали бы асимметричный характер этой последовательности и преобразовали бы ее в фиктивные, бредовые и противоречащие фактам симметричные отношения тождественности. Также становится очевидно, почему в *A*-системе, которая не позволяет асимметричных отношений, адекватная оценка, адаптация и психическое здоровье были в принципе невозможны.

Несмотря на то, что используемый в связи с этим язык не является привычным, он не является и совершенно произвольным. Экспериментально можно убедиться в том, что четырехмерный порядок обладает физиологической важностью, с одной стороны; с другой, что на психо-логических уровнях он связан с семантическими факторами оценки. Преподавая *физиологически естественный порядок*, мы тренируем *оценку*, или адекватные человеческие и взрослые *с.р* на *психо-логических уровнях*.

Различие между словесным «научным объектом» и обычным объектом, между объективным и словесным уровнем является тем критическим моментом, который радикально отличает нас от животных. Если мы пренебрежем этими различиями и сохраним отождествляющее «есть», то тогда мы будем так или иначе копировать животные реакции в наших нервных процессах. Из-за неверной оценки мы будем слишком полагаться на низшие центры и не сможем «мыслить» должным образом. Мы станем «сверх-эмоциональны»; будем легко впадать в замешательство, беспокойство, страх или отчаяние; или же станем догматиками, абсолютистами, . Результаты подобного копирования животных являются трагическими, как и можно было бы ожидать. Вследствие неверной оценки мы добавим нами же созданные семантические трудности к трудностям, которые обычно встречаются в природе. Живя в *бредовом* мире, мы будем умножать свои волнения, страхи и опасения, и наши высшие нервные центры, вместо того, чтобы защищать нас от сверхстимуляции, будут бесконечно умножать семантически вредоносные стимулы. В подобных обстоятельствах «психическое здоровье» невозможно.

Представляется, что здесь, в исключении отождествляющего «есть», мы затронули крайне мощный рефлекторный механизм образования, или переобучения, в области нашей «эмоциональной» жизни. Как уже ранее говорилось, подавление или препятствование нашим чувствам является опасным, и его следует избегать. Старые анималистические образовательные системы были построены на подавлении и препятствовании и приводили к печальным результатам. Но поскольку у нас не было других средств для образования, мы могли либо использовать эти прежние средства, либо вообще отказаться от получения образования. Теперь, с появлением нового *A* способа со Структурным Дифференциалом, это не так. Нам не нужно больше подавлять или строить барьеры. Мы преподаем безмолвие на объективном уровне *в общем*, и это является наиболее впечатляющим «эмоциональным» образованием, построенным на совершенно

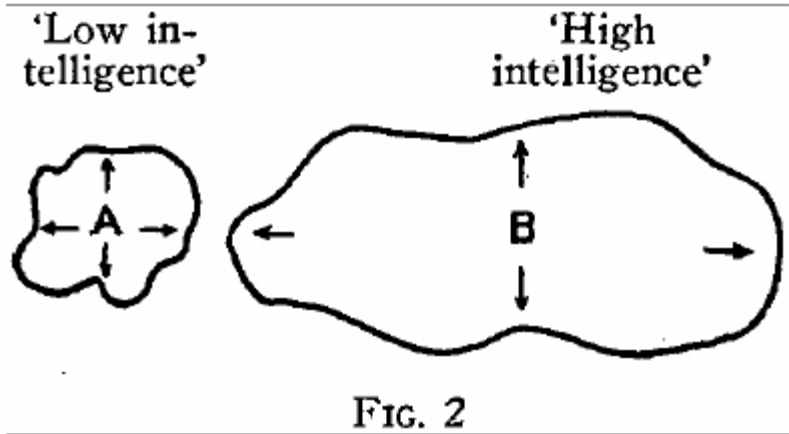
нейтральном основании, и являющимся одним из последствий исключения отождествляющего «есть». Никакие бурные речи при этом не подавляются; жест руки в сторону ярлыков напоминает нам о том, что *слова* не являются объектами, действиями, происшествиями или чувствами. Такая процедура обладает самым мощным семантическим эффектом. Это приводит к семантическому потрясению; однако это потрясение *не является подавлением*, это лишь осознание наиболее фундаментального, естественного структурного факта оценки, в отношении которого должен быть хорошо обучен каждый из нас. Наши потревоженные *с.р* успокаиваются, и никому при этом не наносится «вред». Для этого требуется пройти длительное и упорное обучение, но результаты это оправдывают.

Следует отметить важное отличие между утверждением, построенным на отождествляющем «есть» – «мы – животные», которое никоим образом не соответствует фактам, и утверждением, что мы «копируем животных» в наших нервных реакциях, ибо все мы (включая также и животных) *не являемся* словами, но представляем собой уникальных индивидуумов, все мы различны. В первом случае вообще ничего нельзя сделать. Во втором же случае, хотя результаты *не менее печальны*, мы можем прекратить «копировать животных» в тот момент, когда обнаруживается этот механизм, и начать осознавать то, что мы это делаем. Так прежняя безнадежность преобразуется в надежду.

Я уже ранее упоминал о том, что некоторые деятели образования могут предположить, что обучение осознанности абстрагирования в конце концов принесет вред – на том основании, что детей надо держать «как можно ближе к реальности». Ответ на подобный аргумент можно обнаружить в осознании того, что то, что в прежние времена считалось «реальностью», ныне, в свете новых знаний, должно рассматриваться как бред, а прежнее образование – как подготовка к приобретению психического нездоровья. Современные условия жизни человека представляются куда более сложными, чем условия жизни животных или примитивных людей в природе. Каждый год, а может быть даже каждый месяц, появляются новые человеческие «реальности»; возникают новые сложности, а наши образовательные системы не подготавливают детей семантически к столкновению с этими новыми условиями. Можете проделать самостоятельное исследование и убедиться в том, что прежние «всеобщности» и отождествления представляют собой факторы бреда, не обнаруживающиеся в эмпирическом мире, и отсюда следует, что если мы будем обучать детей подобному бреду, то адаптация в реальном мире будет для них крайне трудна, если вообще возможна. Действительно, некоторые благотворные результаты проявляются не сразу, а только после полного обретения осознанности абстрагирования. Скажем, на раннем этапе обучения, когда студент начинает осознавать бредовый характер, вводимый отождествляющим «есть», общая и хорошо известная тенденция может проявиться в виде сильного стремления *сохранить бред*. Его *первичной* реакцией может стать разочарование, со всей сопутствующей ему метафизикой, в зависимости от темперамента. ; но когда он приобретет свободу полной осознанности абстрагирования, все уровни будут адекватно выстроены, и он сможет адаптироваться к условиям *м.п* реальности, описанной в данной работе – и этого пути не может избежать никто. «Знание» или «интеллект» возможны только при абстрагировании и, следовательно, они фундаментальным образом связаны с «невсеобщностью». «Всезнание» включает в себя «знание» каждой точки-события. Это фундаментально разные вещи, и подобный мир был бы миром хаоса, в котором знание было бы невозможным. Жизнь, *м.п* абстрагирование и *м.п* интеллект начинаются одновременно, и далее *формируются м.п процессом абстрагирования*.

Среди многих семантически благотворных результатов такого обучения, кроме тренировки в области психического здоровья и, соответственно, в адаптации, следует упомянуть также и другие полезные моменты. Наша жизнь, наше *м.п* умонастроение, наш язык со всеми его силлогизмами, заблуждениями. , состоит по большей части из постоянного использования абстракций разного уровня. Это представляется неотъемлемой характеристикой «человеческого знания», и, следовательно, мы не можем отменить ее без отмены *м.п* интеллекта вообще. Для обладания интеллектом требуется обладать способностью переходить с уровня на уровень в обоих направлениях. Отсюда проистекает вся польза, которую мы получаем; но в этом же скрыто

множество семантических опасностей. Подобное замечание можно сделать в отношении автомобиля, . От использования автомобиля проистекает великое множество полезнейших результатов, , однако с ним также связано множество великих опасностей. Например, в настоящее время у нас имеются правила дорожного движения. Водитель должен пройти экзамен, продемонстрировать свои практические рефлекторные навыки вождения, , прежде чем ему позволят выехать на общественную дорогу. То же самое и с языком; в нем мы обнаруживаем великую пользу, и нам следует его использовать. Надлежащее обучение использованию языка должно научить нас тому, как избегать опасности. Очевидно, «осознанность абстрагирования» учит нас

тому, как можно избежать этих опасностей; подобным же образом, когда мы проходим обучение тому, как переходить на всё большие и большие порядки абстракций, мы обретаем способность практиковать то, что мы называем «высоким интеллектом». Разница между «высоким интеллектом» и «низким интеллектом» состоит в том факте, что «высокий интеллект» обладает более широким взглядом как назад, так и вперед; «низкий интеллект», как предполагается на Рис. 2, видит

лишь немного назад (невежество) и совсем мало предвидит. «Высокий интеллект» обладает более широким охватом, или полем; он больше знает о прошлом и дальше видит в будущем.

Не является тайной то, что если вы хотите заглянуть дальше в прошлое или будущее, для этого потребуются абстракции всё более и более высокого порядка. Тренируя этот переход ко все более и более высоким абстракциям, мы тренируем «ум» быть более эффективным; это «ментальное» расширение должно являться структурной и семантической целью любого образования.

Как только мы исключили отождествление, нам нужно принять *структуру* как единственно возможное содержание «знания», а также осознать, что никакое «знание» никогда не может быть свободно от неких структурных предпосылок. Иногда просто жалко смотреть на метафизические экскурсы некоторых во всех прочих отношениях вполне выдающихся ученых, которые совершенно не осознают, что они творят. Они часто делают попытки отделить метафизику от науки, и упускают из вида тот момент, что примитивная метафизика тоже олицетворяет «науку», или структурные предпосылки периода ее создания, в то время как современная наука олицетворяет структурные предпосылки, или метафизику, современного «времени», которая не может сосуществовать с прежней «наукой». Различие тут только в датах, но не в типах. Реальная проблема, которая стоит перед человечеством – это выбор структурной метафизики. Если мы выберем примитивные структурные предпосылки, рассчитывая при этом жить в современных условиях, то нам придется пережить раздвоение личности, потеряв способность адаптироваться. Если же мы примем современные структурные предпосылки, которые называются «наукой», то мы сумеем адаптироваться. Ни при каких условиях нам не удастся полностью освободиться от каких-либо структурных предпосылок вообще. Проблема становится проблемой *дат*, и проблемой психического нездоровья и психического здоровья. Эти проблемы, как представляется, необыкновенно важны, потому что трудный научный метод вообще не касается этой области, и некоторые структурные данные (1933) можно в простейшей форме дать детям и даже слабоумным. В прежние времена данную проблему понимали совершенно неверно. Мы пытались «популяризовать» науку в том смысле, что переводили структурно корректный язык на повседневный язык *примитивной структуры*; что приводило только к недоразумениям; мы не анализировали структуру языка и его роль в нашей жизни, и *начали* со структурного лингвистического пересмотра. По завершении данного пересмотра мы построили *А* язык, и подгото-

ли семантическое основание для естественного принятия современной *структурной* метафизики (науки) для каждой даты, и прежняя «популяризация» стала ненужной. Подобная процедура поможет интегрировать индивидуума, в то время как более старые методы только способствуют раздвоению его.

Давайте вспомним о том, что животное в какой-то момент останавливается в своем абстрагировании. Как только мы доходим до *остановки* и говорим, что это «окончательно», и что «теперь мы об этом всё знаем», мы начинаем копировать животных в своей нервной системе. Тренировка переходов от одного порядка к следующему по абстракциям как таковым особым образом нарабатывает *человеческие*, гибкие, незаблокированные *с.р.*, противодействует анималистической блокировке и в конце концов отменяет её. На языке с определенной структурой мы можем выражаться определенным образом; и если этот образ не является полным, то нам следует оставить эту область открытой, ибо в структурно другом языке рассматриваемые вопросы могут выглядеть совершенно иначе.

Фундаментально важно подчеркнуть то, что прежнее «непознаваемое» становится просто полностью отмененным. Это «непознаваемое» было порождением примитивного отождествления и элементаризма. Наши предки тоже не могли неопределенное долго не замечать того, что отождествление противоречит фактам; однако каким-то образом тот упор, который отцы-проповедники сделали (в своих целях) на важность *A-системы*, помешал им полностью отвергнуть отождествляющее «есть». Несловесные уровни назывались «непознаваемыми», весьма мрачный термин, на самом деле. Применение такого термина помешало им сделать давным-давно открытие о том, что единственное содержание «знания» проявляется в структурном виде, со всеми вытекающими из этого *нон-эл* последствиями. Ожидалось, что «знание» должно представлять нечто большее, чем «знание» – безмолвное противоречие в себе. На этом основании были выстроены целые системы бреда. С последними осознаниями мы поняли то, что единственно возможное содержание «знания» проявляется как *структурное*, так что мы можем знать всё, что относится к структурно законному полю «знаний». Всё, что не относится к полю «знаний», нужно рассматривать как бессмысленное, и создание каких-либо шумов по этому поводу, неважно каким образом, тут нам совершенно не поможет; как раз наоборот, это может привести к бредовым состояниям. Изучавшие историю «философии» могут осознать для данного случая в особенности, какие совершенно ненужные драмы и опасности могут быть связаны с игрой с такими *м.п* терминами, как «знание».

Посредством семантического механизма, который с нею связан, «осознанность абстрагирования» отменяет множество страхов, отчаяний и прочих расстройств, которые проистекают из-за смешивания порядков абстракций. Мы становимся интровертированными экстравертами; другими словами, мы становимся аффективно хорошо сбалансированными и готовыми взаимодействовать с эмпирическими первопорядковыми эффектами на их уровне, а со словесными проблемами – на их уровне. Мы также получаем способность *наблюдать*, как только мы научаемся «безмолвию» на «объективных уровнях». Осознавая, что мы абстрагируем на различные порядки, мы медленно приобретаем наиболее творческое структурное ощущение того, что человеческое знание неистощимо; мы становимся всё более и более заинтересованы в знании; повышается уровень нашего любопытства; стимулируется спортивный дух и поднимается уровень нашего *м.п* интеллекта.

Хорошо известно то, что высокий интеллект характеризуется критическим настроем. Этот критический настрой также развивается с помощью обучения на Структурном дифференциале до такого состояния, когда память об опущенных характеристиках и нетождественности становится постоянным семантическим приобретением. Тот, кто привычно ощущает то, что эти «характеристики опускаются» – «это *не есть* это» – никогда *не станет принимать слова или утверждения как данность*. Он будет исследовать, вникать; он будет всегда спрашивать «что вы имеете в виду», задавать этот вопрос, который автоматически ведет к дальнейшему исследованию, и в конце концов добирается до самого дна, до неопределяемых терминов, которые раскрывают наши безмолвные установки и нашу метафизику.

Не следует ошибочно предполагать, что среднестатистический человек или идиот «не думают». Их нервная система постоянно работает, так же, как и у гения. Разница состоит в том, что эта работа не является продуктивной или эффективной. Надлежащее обучение и понимание семантического механизма должно способствовать росту эффективности и продуктивности. Исключая семантические блокировки, такие как отождествление, мы высвобождаем творческие способности любого индивидуума. Мы освобождаем его от примитивных семантических зависимостей в повседневной жизни и постоянного использования мощного инструмента под названием язык – который полон как благотворных, так и опасных аспектов – структуры, которую он совершенно не понимает. Это непонимание может привести к неэффективности в применении, и к злоупотреблениям данной функцией. Вместо того, чтобы оставаться семантическим рабом структуры языка, он становится ее хозяином.

Когда мы станем более цивилизованными и более просвещенными, ни одному публичному оратору или писателю не будет позволено заниматься общественной деятельностью без предварительной демонстрации того, что он знает структурные и семантические функции лингвистической способности. Даже в настоящее время ни одному преподавателю, учителю, юристу, врачу или химику, не позволят работать в обществе, если он предварительно не прошел экзамена и не показал, что он владеет своим предметом. Написанное выше не означает введение контроля или цензуры. Совсем нет. Наш язык имеет дело с гораздо более сложным, благотворным и опасным семантическим механизмом, чем какой-либо автомобиль, который когда-либо был или будет изобретен. Мы не контролируем, куда каждый водитель держит путь. Он может катить куда угодно, однако ради *общественной безопасности* мы требуем, чтобы он овладел необходимыми для вождения рефлексивными навыками, тем самым исключая ненужные трагедии. То же самое и с языком, невежественное или патологическое использование которого может представлять собой опасность для общества весьма серьезного семантического характера. В данный момент общественные ораторы и писатели могут скрываться под покровом невежества (1933) в отношении словесного, семантического и нейрологического механизма. Они могут иметь «благие намерения»; однако, играя на патологических реакциях у самих себя и у толпы, они способны нагнетать весьма злокачественную пропаганду и приносить посредством нее весьма серьезные страдания всем, кого это касается. Но как только они будут обязаны пройти экзамен и получить лицензию на работу общественным оратором или писателем, они уже больше не смогут скрываться за этим невежеством. При обнаружении *злоупотреблений* лингвистическим механизмом, подобное преступление с их стороны явно будет представлять собой *преднамеренное действие*, и «благие намерения» перестанут обеспечивать тут алиби.

Мы должны принять те очевидные факты, которые делают прежнюю теоретическую «демократию» или прежний теоретический «социализм» научно невозможными. Если в 1933 году 99% населения мира представляют собой инфантильных или же «умственно» недоразвитых людей, как может кто-то ожидать, что большинство этой массы способно совершать надлежащую оценку или проявлять непатологические *с.р*? В настоящий момент вся история доказывает, и от этого доказательства *научно просвещенное общество* не может просто отмахнуться, что большинство всегда оказывается «неправо», и что то, что мы называем «прогрессом», «цивилизацией», «наукой», было достигнуто лишь очень небольшим меньшинством. Понимание этого должно сформировать наше поведение в будущем, если мы хотим добиться лучших результатов, чем мы видим на данный момент. В $\bar{A}$ условиях не государство и не какие-то разные частные общества, но профессиональные научные организации должны устанавливать стандарты и совершенствовать техники лингвистических структурных экзаменов. Они также должны избирать членов, которые будут заседать в этих экзаменационных комиссиях. Может показаться, что подобная $\bar{A}$ инновация не является важной или далеко идущей. Но это было бы ошибкой. Видимо, большинство этих общественных писателей и ораторов можно в частном порядке рассматривать как «искренних людей», не осознающих тот факт, что в A условиях они часто навязывают беззащитным массам бредовые состояния, которые слишком часто обретают уж слишком негативный характер. Как только подобный экзамен вынудит их разобраться со структурными, семантическими и лингвистическими проблемами, можно быть уверенным в том, что

большинство из них обретет способность должным образом оценить собственную деятельность и осознать тот вред, который они наносят. В результате весьма вероятно, что огромное число бесполезных, туманных и бредовых статей и речей вообще *не* появятся на свет, к большому благу всех вовлеченных в это дело сторон. Никто не будет никого цензурировать. Это будет достигнуто с помощью осознанности абстрагирования. Они станут собственными цензорами, и этому будет также способствовать заново нарабатанная осознанность абстрагирования со стороны части членов их аудитории или читателей.

Было бы желательно поэкспериментировать и ввести в школах на некоторое время параллельные классы, где одна группа будет продолжать заниматься по прежней *A*-системе, а другая будет получать обучение по *A'*-системе. Можно будет ожидать, что по завершении учебного года разница будет вполне ощутимой. Те, кто обретет «осознанность абстрагирования», должны проявить заметное улучшение характера, лучше себя вести, а также показывать лучшие результаты в занятиях наукой, не говоря уже, в дополнение ко всему, о *профилактических* семантических благах для их будущей жизни и адаптации. Желательно провести эксперименты при различных условиях, поскольку мы имеем дело с невероятно обширной и фундаментальной структурной проблемой, и на данный момент невозможно предвидеть что-либо в отношении нее, за исключением самых общих результатов и следствий.

В школе будет достаточно иметь один трехмерный Дифференциал, но в каждом классе должна висеть отпечатанная диаграмма большого формата, которая также опубликована, и она должна находиться в легко видимом месте на стене и постоянно применяться во всех процессах обучения. Это необходимо не только потому, что такое напоминание даст нам тщательную ознакомленность у детей с «опущенными характеристиками», «естественным порядком», но также потому, что дети будут обсуждать всё это и улаживать свои образовательные и личные трудности с помощью этого, и таким образом обучаться *A'* реакциям. В своей практике я обнаружил, что одно из основных затруднений у учащихся или в «мышлении» вообще состоит в том факте, что в любой словесной дискуссии мы вынуждены использовать различные порядки абстракций и *м.л* термины. Если мы этого не осознаем, проблема часто кажется очень запутанной; как только мы это осознаем, однако, она часто становится простой. Фактически, можно сказать, что эта особая гибкость, которая полностью отсутствует у животных и мало развита у примитивных людей, олицетворяет собой рабочий механизм «высокого интеллекта», и что эту особую гибкость можно обрести через соответствующее *A'* обучение.

Работа с рефлекторными реакциями и экспериментальными теориями в общем и целом имеет одну ободряющую характеристику; а именно, что независимо от того, насколько трудна теоретическая сторона, практическая всегда и неизменно оказывается крайне простой. Скажем, теоретический трактат по теории Эйнштейна, или по новой квантовой механике, или по автомобилю, радио, пианино, музыке или условным рефлексам Павлова, может представлять собой большую трудность, и на деле это так и происходит, потому что он формулировался бы на чисто словесном и аналитическом уровне. Но эти уровни являются наиболее важными, ибо мы на этих уровнях обнаруживаем *полную оценку*, и таким образом достигается полная оценка существующих или возможных *отношений и смыслов*. На этих словесных уровнях мы также обнаруживаем экономные и эффективные средства для анализа дальнейших разработок, от которых, в итоге, зависит возможный диапазон применений. Подобный трактат может создать один отдельный человек, сделав его доступным для всех остальных.

Описание применения, однако, очень просто; мы снабжаем ярлыками соответствующие части некоей структуры, описываем, в основном в терминах порядка, их взаимосвязь, и затем даем инструкции о том, как надо действовать, нажимать, тянуть или поворачивать соответствующую часть для того, чтобы добиться таких-то и таких-то результатов. Эти описания, хотя и являются словесными, относятся исключительно к некоей физической структуре, так что люди с очень низкими «умственными» способностями могут легко и просто ознакомиться с практической стороной вопроса. По достижении рефлекторного владения физической структурой, экспериментальные и поведенческие аспекты становятся по-детски простыми. Ребенок может видеть

экспериментальные результаты любой теории, или замечать легкость и простоту рефлекторной адаптации, которой владеет хороший водитель.

Но чего *не может* сделать младенец, дикарь или невежественный человек – так это *оценить смысл* данных событий и *оценить* их самостоятельно; другими словами, они не могут *соотнести* данные события с другими событиями, несмотря на то, что только это придает происшествиям *значимость*. Скажем, не только физик, но и совершенно обычный человек знает о равенстве гравитационной и инерционной массы; однако потребовался гений Эйнштейна, чтобы должным образом *оценить* это и построить соответствующую *семантическую реакцию* в отношении этого «общеизвестного факта». Данная работа ясно демонстрирует то, что все семантические расстройства связаны с недостатком надлежащей оценки; или в смешивании *смыслов, отношений* или *порядков* абстракций разного уровня. Только полное *теоретическое* понимание может снабдить нас этими смыслами и породить в нас надлежащую *с.р.* оценки – необходимый психофизиологический шаг для дальнейшего продвижения и для полного применения уже полученных завоеваний.

Поскольку данная работа целиком и полностью является экспериментальной и работает с проверяемыми вещами, такими как структура имеющихся языков, естественный порядок развития, патологическое обращение порядка, которое, при повторном обращении, снова восстанавливается в естественном порядке, и при применении даёт наиболее благоприятные экспериментальные результаты, то всё вышесказанное об экспериментальных теориях полностью относится и к нашему случаю.

Точно так же, как и в других дисциплинах, тут у нас есть простые инструкции: «нажмите вот это», «потяните вот это» или «поверните вот это»; так что, для нашего случая, это простое описательное правило в отношении объективного Дифференциала звучит так: «это *не есть* это». Как только рефлекторные навыки приобретены, мы можем, например, получать удовольствие от автомобильной прогулки, от музыки по радио или от семантического путешествия к психическому здоровью и гармонии с самим собой и другими, и это очень просто, вопреки сложностям лежащей в основе этого теории, которая всегда является лишь средством, и никогда не может быть самоцелью.

Но мы должны тут отметить одно явное отличие. Эмпирически легко продемонстрировать большинству из нас полезность и приятность автомобилей и радио, но очень трудно продемонстрировать блага осознанности абстрагирования тем, кто ею не обладает. Прежде чем начнут накапливаться экспериментальные данные и прежде чем они станут общеизвестным знанием, основную оценку придется делать на теоретических основах. Кроме того, прежде чем детей можно будет обучить простым и легким методам, описанным выше, сначала нужно сделать так, чтобы взрослые перетренировали и переформировали собственные *с.р.*, а это переобучение и переформирование не является легким и требует еще более трудоемких теоретических изысканий. По этой причине настоящую работу пришлось писать в виде учебника для родителей, учителей, врачей, работников в области «умственной» гигиены и для будущих студентов и исследователей в области психофизиологии и семантической гигиены.

В начале при применении этого метода обнаружится большое количество трудностей, которые нужно будет преодолеть. Как правило, обучение непатологическим *с.р.* оказывается наиболее простым и легким именно в работе с очень маленькими детьми. Большая его часть, или, по крайней мере, заложение семантического фундамента для таких реакций, должно происходить дома, с помощью специально обученных учителей, если родители не могут сделать это самостоятельно. В странах и сообществах, где национальные или местные правительства проявляют интерес к здоровью населения посредством предоставления, скажем, специалистов в области профилактической вакцинации, также, вероятно, должны быть доступны специалисты в области профилактики семантических расстройств.

В начальных школах учителя сначала должны обучиться сами так хорошо, как только они могут, с помощью специалистов; но в высших школах, колледжах и университетах нужно будет задействовать специальных инструкторов.

Первая задача, таким образом – начать образование и обучение учителей. С учетом этого данный труд был написан так, чтобы предоставить достаточно полный очерк проблемы в целом; тут дается библиография, с тем, чтобы каждый, кто решит специализироваться в определенном предмете, мог бы найти для себя подходящий учебник для начала работы. Что касается квалификации профессиональных *А* инструкторов – то на данный момент довольно трудно предвидеть все подробности, но можно сказать, что полная осознанность абстрагирования приводит к *с.р.*, которые возникают или должны возникать бессознательно в процессе изучения и приобретения *ощущения* исчисления – студенты-математики, возможно, были бы наилучшими кандидатами. Любой специалист, приступая к новой области работы, должен многому научиться, и этого никак не избежать; однако всё зависит от того, какого рода обучение получал человек в молодости. Скажем, студенту-математику изучить психиатрию или психо-логику проще, чем психиатру или психо-логику изучить математику. Однако для человека с университетским образованием это не так важно, как искренняя готовность овладеть данным предметом. Как только такой студент обрел осознанность абстрагирования, его семантические блокировки пропадают. У него с этого момента уже не будет трудностей с деталями, или даже с творческой работой в этой области.

При работе с очень маленькими детьми, поначалу нужно будет посвящать этому предмету по часу в день в течение нескольких месяцев. Когда они обретут осознанность абстрагирования, не следует надеяться на то, что результаты этого сохранятся надолго, однако, примерно раз в неделю им следует напоминать об этом. Сколько часов в неделю должно быть отведено под этот предмет в высших школах, колледжах и университетах, я бы не рискнул здесь утверждать, поскольку рабочее время в этих заведениях и так уже очень уплотнено. Тренировка по осознанности абстрагирования автоматически исключает гигантское число семантических блокировок, и будет способствовать приобретению знаний во всех областях, а также сэкономит «время» и силы – в еще большей степени, если соответствующие учителя сами будут осознающими абстрагирование.

Благотворные результаты, которые следует ожидать, обнаружатся в области более успешных занятий наукой, роста интереса к исследованиями, улучшения характера, более высокого *м.п* интеллекта и лучшей общей адаптации. Все это представляется дополнением к *профилактическому* характеру такого обучения, проявляющемуся в виде защиты от множества семантических расстройств в будущем. Но, когда учителя всех предметов сами приобретут осознанность абстрагирования, они, вероятно, откроют новые средства и методы для более простой и более эффективной передачи того, что они хотят донести до своих учеников. Я убежден в том, что часы, потраченные на семантическое обучение, на самом деле окупятся значительной *экономией усилий*. Более того, это определенно снабдит детей и студентов наивысшей степенью *культурного обучения*, которое в настоящее время случается только иногда и с трудностями, без сознательного сотрудничества со стороны наших преподавателей.

ГЛАВА XXX

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ, ИНФАНТИЛИЗМ И БЕЗУМИЕ ПРОТИВ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Здравый смысл, как бы то ни было, время от времени не может избежать определенных неприятных открытий. Целью науки является избавление его от подобного переживания и создание умственных привычек, которые должны находиться в настолько тесном соответствии с привычками нашего мира, чтобы гарантировать, что ничего неожиданного не произойдет. (457) BERTRAND RUSSELL

В наши дни медицина является искусством или призванием, практическому применению которой, без сомнения, способствуют определенные естественные науки; но ее собственные претензии на звание настоящей науки весьма сомнительны, *потому что* доктора и профессора медицины отказываются определить фундаментальные основы или сформулировать исходные термины, и отказываются рассмотреть в четких терминах отношения между вещами, мыслями и словами, которые используются в их общении с другими. (122) F.G. CROOKSHANK

Если в физиологии, как и в любой другой науке, являющейся основой для медицины, не начнут преподавать меньше фактов и больше методики, то ее можно будет исключить из каталога. Можно ли как-то исправить эту ситуацию? Я полагаю, без широкого видения – нет. Изучающему медицину требуется не просто внешняя, но большая внутренняя дисциплина. ^{1*} MARTIN H. FISCHER

Я задумываюсь над тем, когда же мы наконец достигнем такого уровня, чтобы врач задавался вопросом: Насколько это есть *структурное* явление, и если да, то в чем структура? какова тут *доля функционального, соматического и метаболического?* какова *доля конституционного, психогенетического и социального?* ^{2**} ADOLF MEYER

Раздел А. Общее.

Имя Фрейда обычно ассоциируется с термином «бессознательное». Этот термин появляется как общий *описательный* термин, которым обозначается огромное множество психологических семантических процессов. В 1933 году работа Фрейда получила общее признание как важная и очень перспективная, хотя дальнейшие эксперименты, проведенные множеством исследователей и практиков, показали, что фрейдовские формулировки не обладают той исключительностью, которая изначально предполагалась.

Бесполезно отрицать то, что термин «бессознательное» является необходимым и фундаментальным. Использование этого термина наилучшим образом демонстрируется в изучении явлений гипноза. Некоторые пациенты под влиянием гипноза делают определенные вещи, и затем, по всей видимости, теряют всю память, связанную с этими поступками, как только выходят из гипноза. Тщательные эксперименты показали, что после продолжительных усилий эти воспоминания можно сделать доступными для бодрствующего сознания пациента. Трудность при вспоминании при этом не похожа на обычное «забывание». То, что «забыто», можно точно так же спонтанно «вспомнить». Здесь же ситуация представлялась другой, в том смысле, что эта потерянная «память» для восстановления требовала значительного объема работы и усилий. Психологическое состояние в подобных случаях совершенного «забывания» получило название «бессознательного», что совершенно удовлетворительно как описательный термин.

Происхождение фрейдовской теории бессознательного было строго научным. Эта теория была новым обобщением на новом структурно адекватном языке, описывавшим *экспериментальные факты*. Впоследствии большое количество других экспериментальных фактов продемонстрировало тот факт, что работа Фрейда оставалась по мере ее развития

¹ * Teaching of Physiology. *Jour. Asso. Med. Colleges*. Apr. 1929.

² ** The «Complaint» as the Center of Genetic-Dynamic and Nosological Teaching In Psychiatry *New Eng. Jour. of Med.* Aug. 23, 1928.

вполне обоснованной. Другие исследователи, отталкиваясь от других наборов фактов, усилили и переформировали фрейдовы теории. В настоящее время существует несколько школ, которые сильно отличаются в терминологии, но при этом, однако, все они основываются на фундаментальной системофункции³ Фрейда.

Читая литературу по данному предмету, можно обнаружить самый разнообразный материал. По всей видимости, существуют факты, которые доказывают «вне всякого сомнения» любую без исключения теорию, независимо от того, насколько они расходятся между собой. Также легко обнаруживаются экспериментальные факты, которые можно объяснить несколькими различными теориями.

Подобная ситуация представляется неудовлетворительной. Это отсутствие общности скрывает очень важный и работающий семантический механизм, который, в условиях *A* отождествления, «всеобщности» и элементаризма, становится патологическим, приводя к симптомам застоя и деградации. Как только мы переходим к $\bar{A}$ системе, свободной от вышеуказанных вредоносных семантических факторов, подобных трудностей не возникает. Чем дальше продвигалось мое исследование, тем более очевидным становилось то, что механизм, лежащий в основе всего этого, для всех психоаналитических теорий представляется подобным. Представляется, что общую проблему можно сформулировать как потребность открытия методов для небредовой оценки, воздействующей на наши *c.p.*, с тем, чтобы получить способность делать «бессознательное» «сознательным».

Термин «бессознательное» является неполным символом, так как у него нет содержания. Когда мы используем термин «осознанность абстрагирования», то мы вводим в термин содержание, и таким образом получаем эмпирические средства для того, чтобы широкий спектр важных психо-логических процессов стал пригоден использования в области образования. *Негативный* термин «бессознательное» *не* подразумевает наличия какого-либо конкретного содержания, и главная трудность в его применении состоит в нахождении его содержания, или в приписывании ему содержания. Как только это достигается, «бессознательное» становится «сознательным». Пациент, чьи бессознательные семантические затруднения делаются сознательными, либо улучшает свое состояние, либо полностью освобождается от них. Для создания общей теории нам нужно найти общие структурные средства для назначения «бессознательному» содержания. Различные школы выработали различные средства для обнаружения этого желаемого содержания. Все школы сходятся в том, что трудности поведения происходят из переживаний, скрытых в «бессознательном», и что выведение их в «сознательное», похоже, является основной целью. При этом разные школы чрезмерно увлеклись ненужными спорами друг с другом, в ущерб попытке проанализировать стоящие перед ними проблемы с более общей и более действенной *нон-эл* структурной, семантической, системофункциональной и лингвистической точки зрения. Вопрос о том, имеется ли у термина «бессознательное» какое-либо другое содержание, кроме «осознанности абстрагирования», на данный момент можно отложить в сторону. В любом случае, термин «осознанность абстрагирования» дает нам в руки жизненно важное и действенное психофизиологическое средство анализа, обладающее непредвзятым, общеструктурным и семантическим характером. Исследования клинических случаев и литературы показывают, что патологические случаи, поддававшиеся лечению, получали улучшения благодаря подобному подходу в оценке; а именно, некоторого рода коррекции семантического расстройства, выражавшегося в отсутствии «осознанности абстрагирования».

«Умственные» заболевания (включая инфантилизм) представляются при этом семантически остановившимся развитием или регрессией на более низкие уровни, такие как примитивный человек, младенец, животное. Животное *не является* осознующим абстрагирование; человек потенциально к этому способен. Именно тут и обнаруживается точный механизм определенной

³ **Системофункция:** Новый термин, введен А.К. «...удобно назвать ... высшее сочетание взаимосвязанных доктринальных функций, которые в итоге порождают систему – *системофункцией*...». Доктринальная функция (термин Кейзера (Keyser)): Совокупность всех исходных постулатов (доктрины), плюс все следствия из них (теоремы), называют *доктринальной функцией*.

природы, который не только дает нам в распоряжение средства *профилактики*, но также средства, обладающие терапевтической ценностью.

Все формы жизни проявляют консервативные характеристики, приобретенные в течение долгих периодов их развития. У нас есть отличное доказательство этого в виде фактов из области наследственности и эмбриологии. Зародышевая клетка животного и человека в своем развитии повторяет в очень сокращенном виде структуры тех форм, от которых они произошли. Постоянно меняющиеся условия окружающей среды, несмотря на то, что они влияют на каждый организм в большой степени, производят крайне мало наследственных изменений, что опять же можно рассматривать как признак консервативности характеристик жизни.

Как мы уже объясняли, жизнь, абстрагирование и «разум» возникли одновременно, и стали следствием физико-химической коллоидальной структуры протоплазмы. В психиатрии также предполагается, что «бессознательное», «склонности» и «импульсы» возникли вместе с самой жизнью. С этой точки зрения, прошлое структурно выросло на прошлом, снова и снова, до тех пор, пока не появился организм высокой сложности под названием «Иванов». В этом процессе эволюции важную роль играли «инстинкты» и «импульсы», не только консервативные, но также и компенсаторные, и защитные. У человека *с.р.* должны строиться на основе надлежащей *оценки*, и играть как стимулирующую, так и *защитную* роль. В условиях А бредовой оценки, защитная роль представляется практически нулевой; в организме человека при современных условиях она становится сверх-стимулированной, часто приводя к патологическим состояниям. Осознанность абстрагирования, или исключение бредовой оценки, аннулирует созданные человеком, искусственные и вредоносные раздражители.

Я позаимствую у Желиффа (Jelliffe) отличную диаграмму для иллюстрации эволюции периодов роста, и буду четко следовать его раскладке.¹

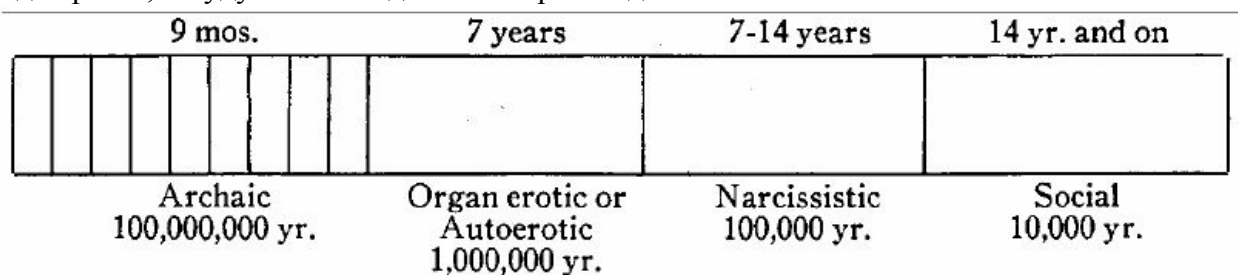

Fig. 1

Некоторые из подобных классификаций периодов роста были вынужденно выведены психиатрами из изучения «умственных» болезней, и обоснованы эмбриологией и бесконечным рядом эмпирических наблюдений.

Первый период представляет собой архаичный период и относится к самой глубокой древности. В нем прошлое приблизительно повторяется, скажем так, от начальной одноклеточной формы жизни до человекоподобной обезьяны. При оплодотворении яйца закладывается наследственная конституция, а в течение периода беременности закладываются все пренатальные влияния. Жизнь ребенка до рождения можно описать как вегетативное существование в состоянии полной праздности, с удовлетворением всех потребностей за счет тела матери.

В момент рождения начинается «борьба за существование», борьба за воздух, что символизируется первым криком. В эту эпоху младенец уже проявляется как самостоятельный организм с некоторыми *с.р.* Его вегетативная нервная система интегрирована, она функционирует. Он начинает «чувствовать». Удовольствие и боль становятся значимыми семантическими факторами. Данный период называется органическим эротическим, или автоэротическим, поскольку, как и в случае с животными, все основные интересы здесь направлены на «чувственное» удовлетворение. Многие миллионы «чувственных» рецепторов внезапно подвергаются воздействию со стороны окружения, в виде массы энергии, с которой организму надо как-то справиться. Поначалу между каналами «чувств» возникает соперничество. Позже возникает сотрудничество. Каждая группа рецепторов устанавливает для себя свои собственные семантические ценности, в зависимости от роста собственных клеток.

Этот период схематически можно отнести к периоду от рождения до возраста семи лет, и он примерно соответствует эволюции от высших животных до примитивного человека. Этот период крайне важен с точки зрения семантики и образования. На этой стадии нервная система человеческого ребенка не развита полностью; и различные воздействия со стороны окружения (язык, включая доктрины) могут исказить это развитие, и тем самым нанести непоправимый вред.

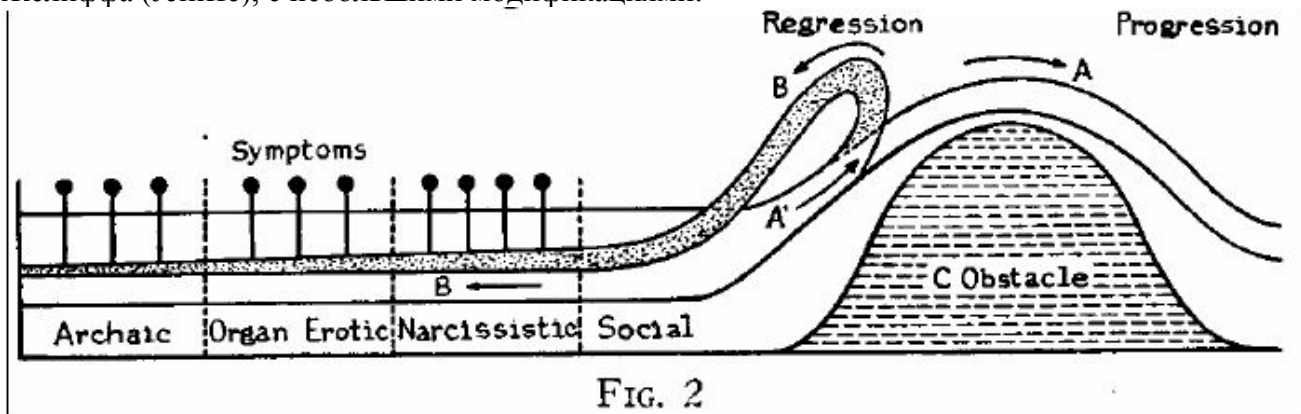
Нарциссический период назван по имени персонажа греческих мифов Нарцисса, который, увидев свое отражение в водоеме, настолько увлекся самопоклонением, что отверг симпатии Венеры, и был убит. В другой версии того же самого мифа наказанием для него стала потеря зрения. Этот период соответствует, более или менее, возрасту от семи до четырнадцати лет. Как и свидетельствует его название, он представляет собой семантический период самовлюбленности. Ребенок в это время еще не вышел на уровень социальной стадии развития. Он остается эгоистичным, эгоцентричным, сосредоточенным на себе и *асоциальным*.

Примерно в четырнадцать лет начинается социальный семантический период, который, при нормальном его прохождении, приводит к появлению взрослого социализированного индивида.

Следует осознавать, что эти семантические стадии являются «нормальными» в том случае, если они проживаются в тех возрастных рамках, которые были указаны выше. Даже если дети проявляют некоторые характеристики, которые не являются желательными (органические эротические, или автоэротические, нарциссические), это само по себе не представляет собой опасности, при условии, что ребенок перерастает эти нежелательные проявления. Серьезная опасность или даже трагедия могут случиться тогда, когда некоторые из инфантильных или нарциссических характеристик переходят в жизнь взрослого человека.

Не только «интеллектуальное», но и эмоциональное развитие может остановиться на некотором более низком уровне. В таких случаях идет речь об идиотизме, слабоумии и дебилизме на «умственных» уровнях и о моральном слабоумии, инфантилизме, нарциссизме и, в общем, об «умственных» заболеваниях на «эмоциональных» уровнях.

Кроме случаев остановившегося роста, или недоразвитости в том или ином отношении, часто встречаются также случаи так называемой *регрессии*. Регрессия следует общей схеме, показанной на Рис.1, но в обратном порядке. Следующая диаграмма, Рис.2, также взята у Желиффа (Jelliffe), с небольшими модификациями.

Такие процессы, как жизнь, развитие и регрессия, наилучшим образом можно показать в виде «векторных величин», у которых есть направление и значение. Один из типов регрессии представляет собой прогрессивную тенденцию или сильную энергию; однако препятствия на этом пути тоже очень велики, так что эти прогрессивные тенденции могут оказаться недостаточно сильными для того, чтобы преодолеть это препятствие или покорить его. Кроме того, прогрессивная тенденция или энергия может быть слабой, и тогда, даже если препятствие при этом соответственно невелико, тем не менее, оно может оказаться достаточным для того, чтобы положить начало регрессивному движению.

У здорового индивида прогрессивную тенденцию не так просто отклонить от направленного вперед курса движения. Он преодолевает стоящие перед ним препятствия (C) и движется вперед (стрелка A). Более слабые индивиды (A') могут преодолевать препятствия с большими

трудностями, или же начать регрессировать даже на более мелких препятствиях, как показано стрелками (В). В подобных случаях они могут регрессировать на разные уровни, развив невроз или психоз, в зависимости от степени регрессии. Изучение этих разных фаз регрессии крайне информативно, как и наблюдение того, каким образом данные симптомы самоупорядочиваются в виде совершенно четкой последовательности. В некоторых случаях регрессия доходит до того, что пациент опускается до уровня зародыша. Обычно такой пациент сидит в темном углу в позе зародыша, накрыв себе голову тряпкой. Его «умственные» и семантические реакции подобны реакциям зародыша, то есть практически отсутствуют.

Регрессия до архаического уровня обычно находится за пределами надежды на улучшение состояния, поэтому я не стану анализировать их в данной работе. Нас в основном интересует *недоразвитость* или регрессия не ниже автоэротического или нарциссического семантических уровней, на которых лечение во многих случаях приводит к значительным улучшениям.

Желифф среди прочих приводит весьма наглядную диаграмму, которая представляет собой метод демонстрации личного устройства индивида в виде графика (психограммы). Эти диаграммы позволяют получить отличное графическое средство для ориентации. Одну из них я воспроизвожу на соседней странице (Рис. 3).²

Круглая форма данной диаграммы особенно уместна, так как она ясно показывает то, каким образом горизонты, виды деятельности и интересы расширяются от архаичного (животного?) уровня через уровни ребенка и дикаря до уровня взрослого социализированного индивида. Провалы в области секторов глаза, желудка и мочевого пузыря соответствуют определенным симптомам. В секторе глаза провал доходит до нарциссического семантического уровня. Каждый раз, когда этот пациент едет за рулем автомобиля и видит, что приближается другой автомобиль, и столкновение кажется неизбежным, он переживает навязчивое желание закрыть глаза – типичный нарциссический семантический симптом, который символизирует отношение «то, что не видишь, не происходит». Этот пациент не регрессировал до уровня органического эротического, и не стал на самом деле слепым или глухим (заполучив психическую или скорее *семантическую* слепоту или глухоту); поэтому провалы на схеме не доведены до органического эротического уровня. В секторах мочевого пузыря и питания мы видим, что кривая ныряет вплоть до органического эротического уровня. Эти провалы соответствуют мощным семантическим симптомам. Когда пациент едет в машине и попадает в пробку на дороге, у него происходит непроизвольное мочеиспускание. Провал в секторе питания соответствует тому симптому, что после употребления в пищу определенных видов продуктов пациент может снова возвращать их в ротовую полость (избирательное отрывивание). Анализ доктора Желиффа обнаружил тот факт, что в случае мочеиспускания в пробке бессознательная органическая эротическая семантическая фантазия данного пациента одерживает верх над потребностью в самоконтроле, и пациент утверждает свое доминирование посредством демонстрации более раннего и необходимого доминирования в виде способности в отношении мочевого пузыря. Поскольку он не может доминировать в первой ситуации, с пробкой, его сила доминирования получает свое семантическое выражение в виде замещающего действия,

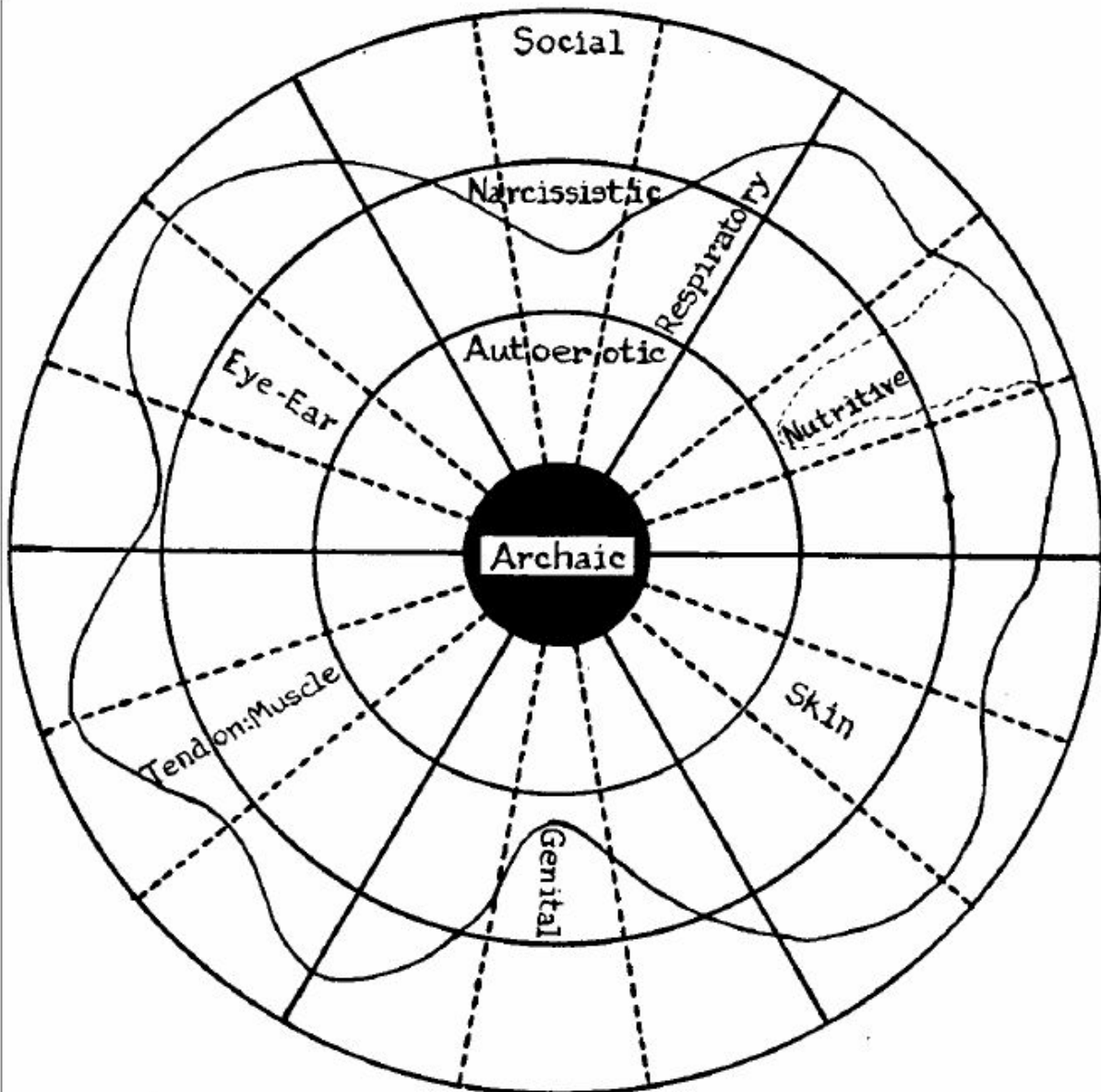

FIG. 3

Схематическое представление регрессий и фиксаций у одного пациента. Провал в секторе дыхания представляет собой психогенную астматическую защитную *c.p.*; в секторах глаза и уха – отказ видеть или слышать «истину» и «реальность»; в области гениталий – мочеиспускательный эротизм. Глубокий провал в довольно хорошо социализированном пищевом «либидо» представляет собой «эмоционально» контролируруемую *c.p.* выборочного отрывания отдельных ингредиентов из желудка. Пациент выглядит как крайне больной индивид на грани психотического срыва. В текущей классификации заболеваний это состояние было бы определено как тревожно-истерический синдром или маниакально-депрессивный психоз, в том случае, если семантическая компенсация бы потерпела крах и произошла бы дальнейшая регрессия. (По Желиффу).

которое нельзя предотвратить вмешательством извне. Симптом избирательного отрывания также отслеживается до семантического периода ясель. Будучи грудным ребенком, он обычно срыгивал всё только что полученное питание и требовал нового кормления, на что мать неразумно поддавалась. После этого срыгивание стало для него семантическим способом контроля над «реальностью». Он использовал это как оружие для реализации своих желаний в отношении своих родственников. Впоследствии эти методы семантического выражения данного старого навыка владения «реальностью» были усилены и отточены, и избирательное отрывание представляется одним из результатов этого.

Пациент также проявляет другие невротические семантические симптомы. Он проявляет большое нетерпение при чтении и не помнит только что прочитанное. Он не может оставаться в покое. Он постоянно ищет недостатки в других людях и очень остро воспринимает любую двусмысленность в словесных формулировках, и крайне чувствительно относится к вопросу чистоты в выделениях своего тела. Во всем этом ясно наблюдается семантический механизм инфантилизма и противоречие между сознательными действиями и бессознательными фантазиями.

Гипотетический здоровый индивид на данной диаграмме изображался бы в виде ровного круга на уровне социальной приспособленности. Он бы перерос промежуточные семантические стадии архаического, органическо-эротического и нарциссического периодов.

Неспособность к семантическому приспособлению к «реальности» может быть показана провалами в кривой до такого уровня, на который индивида низводит его фиксация или регрессия. С такими средствами у нас в руках оказывается отличный метод ясного указания на слабые места и демонстрации фокальных семантических точек конфликта в оценке, где энергия направляется на бесполезные или вредоносные фантазии.

Когда эти провалы или отклонения немногочисленны и слабы, мы называем их идиосинক্রазиями; например, такие привычки, как нарциссические тактильные фантазии, выражающиеся в игре с пуговицами, усами или бровями. Когда число провалов больше и семантические симптомы доходят до более низких уровней развития, мы говорим об истерии. Когда уровень регрессии еще ниже (органическо-эротического или архаического уровня), мы обычно можем говорить о психозе.³

Мы уже не раз снова и снова подчеркивали то, что организм работает только как целое, и что, следовательно, никакие эл расщепления не могут привести к удовлетворительным результатам. Словесное разделение «тела» и «ума» остается словесным, а также связано с языком, структуры которого не соответствуют структуре и функционированию организма. Язык подобен карте; он *не является* территорией, которую он изображает, но как карта он может быть хорош или плох. Если карта показывает структуру, которая отличается от представленной на ней территории – например, показывает города в неверном *расположении*, или восточные территории на западе. , – то такая карта не просто бесполезна, она вредоносна, так как она дает ложные данные и сбивает с верного пути. Если кто-то решит ее использовать, он не сможет быть уверенным в том, что достигнет места назначения. Использование эл языка для представления событий, которые работают только как целое, является, по меньшей мере, в той же степени вводящим в заблуждение и семантически опасным.

Помня обо всем этом, давайте кратко проанализируем «препятствие» на Рис.2. Поскольку мы имеем дело с «препятствиями» в смысле жизненном, мы можем обобщить эти препятствия до некоторых семантических факторов, связанных со значениями и оценками, которые останавливают развитие, а также приводят к регрессии.

С *нон-эл* точки зрения любое препятствие и трудность основаны на семантической оценке. Все без исключения реакции на абстракции низшего порядка связаны с циклическим прохождением цепочки абстракций высшего порядка, независимо от того, насколько несовершенно это происходит. Говоря обычным языком, физическое событие, с которым мы сталкиваемся посредством наших низших нервных центров, связано с нашими «умственными» *настройками*, доктринами. , в общем, с *с.р.*, которые подвержены влиянию деятельности высших центров. С этой *нон-эл* точки зрения, *удивление*, страх, испуг. , появляются и обычно приносят вред. Физическая боль редко приводит к семантическим расстройствам, если такое вообще бывает, но страх, испуг. , и удивление обычно дают их. Ожидание опасности, или ненадлежащая оценка ситуации, обладает *защитным* эффектом, поскольку обычно оно склонно уменьшать или блокировать страх, испуг. , или *удивление*. Внешний мир наполнен опустошительными энергиями, и организм можно назвать приспособленным к жизни только в том случае, когда он не только получает стимулы, но также и обладает защитными средствами от таких стимулов. А подобное предвосхищение или ожидание делает организм *подготовленным*, и разница между подготовленным и неподготовленным организмом, стоящим

перед лицом опасности или боли, может решительнейшим образом повлиять на то, в какую сторону склонятся чаши весов.

Раздел В. Осознанность абстрагирования.

Очевидно, что у человеческого организма область стимуляции гораздо шире, чем у животных. Мы подвержены не только всем внешним стимулам, но также и большому диапазону постоянно действующих *внутренних* семантических стимулов, против которых у нас на данный момент имеется весьма ограниченное число защитных психофизиологических средств. Такие структурно мощные семантические стимулы обнаруживаются в наших доктринах, метафизике, языке, установках, . Они не принадлежат к объективному внешнему миру, поэтому животные не обладают ими в такой же степени. Как показывает наше исследование, практически во всех «умственных» заболеваниях одним из факторов является смешивание порядков абстракций. Когда мы смешиваем порядки абстракций и приписываем объективную реальность терминам или символам, или смешиваем выводы и заключения с описаниями, , результатом становятся значительные семантические страдания.

Очевидно, что пребывание в таком бредовом мире, отличающемся от действительности, мы не можем быть готовыми к *действительности*, и тогда постоянно может случиться что-то неожиданное или «пугающее». Организм не может приспособиться к таким фикциям; он не готов воспринимать ∞ -значные *м.п* реальности и вынужден страдать от постоянных сюрпризов и болезненных семантических шоков, которые наносят вред.

Как мы уже видели, общая профилактическая психофизиологическая дисциплина для всех таких случаев смешивания порядков абстракций обнаруживается в «осознанности абстрагирования». Осознающий абстрагирование не может отождествить символ с вещью, . В только что описанном случае трудности пациента состояли именно в углубленной *неверной оценке* – в смешивании символа на инфантильном семантическом уровне с *м.п* реальностью – и это состояние не пропадало, несмотря на более поздние серьезные неудобства и трудности в тех случаях, когда данный символ уже больше не приводил к желаемому подчинению других и сам по себе становился неприятностью.

Мы могли бы проанализировать с этой семантической точки зрения всю психиатрию, и обнаружили бы, что углубленная неверная оценка и смешивание порядков абстракций всегда является очень заметным явлением в «умственных» заболеваниях. Данная характеристика является очень общей, и страдания, которые она порождает, весьма остры. Общее средство психофизиологической защиты, однако, очень простое; а именно: «осознанность абстрагирования».

Фундаментальное отличие между «человеком» и «животным» состоит в том факте, что человек может быть осознающим абстрагирование, а животное – нет. Это последнее утверждение можно переформулировать: «животные являются *неосознающими абстрагирование*». Кроме того, осознанность абстрагирования не является непременно врожденной, она представляет собой *с.р*, приобретаемую в результате образования или посредством очень долгого и обычно болезненного опыта оценки. Не осознавая абстрагирование, мы, очевидно, копируем животных в наших «умственных» процессах и установках, и не можем полностью приспособиться к структурно более сложному миру людей (с абстракциями высшего порядка), в результате чего процессы остановки развития и регресса становятся неизбежными. В таком более *сложном* мире мы нуждаемся в *защите* от семантических сверх-стимуляций, в которой животные в их более простом мире просто не нуждаются. Следовательно, раз мы копируем животных в наших «умственных» процессах, то мы могли бы, возможно, жить в их более простом мире, но мы не можем приспособиться к структурно более сложному миру человеческому.

И в этом виден общий семантический механизм человеческого приспособления (адаптации). Наш человеческий мир более сложен; количество стимулов в нем повышено в гигантской степени. Мы нуждаемся в защите от этой избыточной стимуляции, которая и обнаруживается в виде «осознанности абстрагирования». Приспособление происходит посредством расширения

поля «осознанности» и посредством наполнения его надлежащим образом оцененным содержанием, на фоне обширного «бессознательного», которое охватывает жизнь животных и наше собственное прошлое. В «умственных» заболеваниях мы обнаруживаем стадии блокировки или регрессии, с обширной и вредоносной бессознательностью. «Умственная» терапия всегда имеет семантическую цель и метод; а именно, она направлена на открытие бессознательного материала и делание его сознательным, с тем, чтобы обеспечить возможность надлежащей оценки.

Довольно красноречив тот факт, что «умственная» терапия, которая на самом деле является разновидностью семантического *нон-эл* переобучения, успешна только тогда, когда ей удастся не просто побудить пациента «рационализировать» (осмыслить) свои трудности, но также возрождает его «эмоционально» – заставляя его перепроживать, так сказать, и переоценивать – свои прошлые переживания. Этот процесс можно сравнить со стаканом воды, на дне которого лежит какой-то мелкообразный осадок. В семантических трудностях различные «напасти», можно сравнить с водой и этим осадком. «Рационализация» сама по себе подобна выливанию чистой воды, при том, что осадок остается. Никакого улучшения при этом не наступает; семантический осадок прежней оценки остается на месте и продолжает делать свою работу. Но если же мы взбаламутим воду и мел, то тогда нам удастся вылить и воду, и все, что в ней находится. *Нон-эл «перепроживание» прошлых событий эквивалентно этому семантическому взбаламучиванию смыслов перед устранением незрелых оценок.*

Этот семантический механизм хорошо распознается, но, тем не менее, озадачивает. Это показывает, что повлиять на аффективное гораздо труднее, чем на «рационализацию». «Рационализировать» можно просто замечательно; однако при этом низшие нервные центры не подвергаются достаточному воздействию. Возможно, что в основном в этом виновно именно смешивание порядков абстракций и отождествление. С применением Структурного дифференциала и обучением порядкам абстракций в условиях безмолвия на объективных уровнях, мы получаем крайне мощное психофизиологическое средство совершенно общего характера для воздействия непосредственно на аффективные реакции, в котором нам помогают все доступные нервные центры. Это также показывает еще раз, насколько устойчива работа организма-как-целого. Вред был нанесен методами, повлиявшими на организм-как-целое (на высшие и низшие его центры); защитные семантические средства должны применять подобные же методы.

В прежней «умственной» терапии мы пытались вывести бессознательный, скрытый материал в область осознанности, однако при этом каждый психиатр работал своим частным методом, в соответствии с какой-то отдельной теорией. Подобная процедура, очевидно, недостаточно обща для простого профилактического обучения в широких масштабах. Данная же система предлагает такое общее и эффективное семантическое психофизиологическое средство. Становясь осознающими абстрагирование, мы предотвращаем животноподобную бессознательность абстрагирования, и тем самым предотвращаем блокировку развития или регрессию. Мы выводим в область осознанности некоторые из наиболее фундаментальных человеческих характеристик, в отношении которых животные бессознательны, и тем самым предотвращаем остановку или регрессию до более низких уровней. Данный метод совершенно просто и универсален, он основан на устранении отождествления, введении естественной и, тем самым, адаптивной оценки, которая не будет порождать сопротивления со стороны ребенка.

Во фрейдистской теории знаменитый эдипов комплекс служил в качестве объяснения часто наблюдающейся бессознательной враждебности сына в отношении отца и его чрезмерной привязанности к матери. Исследования антрополога Малиновского показывают, что в примитивных матриархальных сообществах биологический отец как таковой не признается, и является для своего сына лишь своего рода приятелем и нянькой. Прочие функции, которые возлагаются на отца в патриархальных сообществах, выполняются братом матери. Табу, которые налагаются на мать в патриархальных сообществах, в подобных матриархальных сообществах переносятся на сестру.

Результаты всего этого довольно интересны. Малиновский обнаружил, что здесь работают представляющиеся подобными бессознательные семантические механизмы. Однако враждебность тут направлена на дядю, а излишняя привязанность направлена на сестру.

Малиновский делает вывод, что тем самым доказана реальность фрейдовских механизмов. В соответствии с данной теорией, эти факты являются очень важными и ясно показывают, что «пол» как таковой никак или очень мало связан с этими «комплексами», но что активные бессознательные факторы представляются при этом семантическими и *доктринальными*. Доктрины и их смысл для индивида, их применения, отождествления, делают в одном случае отца, а в другом – дядю тем членом семьи, который внушает страх. По причине отсутствия осознанности абстрагирования ребенок реагирует на подобное применение доктрин посредством некоторого «комплекса», или семантического состояния, основанного на отождествлении, незрелой оценке, связанной с незрелыми *нон-эл* смыслами, вопреки *эл* теориям и языкам.

Подобным же образом шлепание по попе или причинение другой боли в детстве может позже стать причиной невроза. Успешный анализ может обычно отследить неврозы до каких-то таких переживаний. Что же нанесло вред? Было ли это само жгучее *физическое* ощущение? Очевидно, нет; ибо у каждого ребенка в детстве было множество куда более болезненных переживаний, которые, тем не менее, не принесли никакого семантического вреда. Поэтому нам стоило бы посмотреть в другом направлении, и устранение отождествления или смешивания порядков абстракций немедленно предлагает нам возможное решение. «Шлепание по попе» содержит в себе множество факторов; некоторые из них являются «физическими», некоторые «умственными». Если в число «умственных» факторов мы включим объективфикацию «власти», «ада», «греха» и прочие термины оценки, то это приведет в результате к боязни и другим семантическим шокам, и, в конце концов, – к неврозу. Мы знаем из своего собственного опыта, насколько мало нас задевает какое-то случайное столкновение. Такое чисто физическое переживание, которое не дает никакого семантического шока, не может стать причиной невроза.

Нетрудно заметить, что исследование «травм», «эмоциональных шоков», «страхов», «боязней», «сюрпризов», должно привести нас к более общему исследованию структуры «человеческого знания», смыслов, оценок, *с.р.*, которое должно включать в себя структуру науки и математики.

В пренебрежении расслоением человеческого знания, или в смешивании порядков абстракций, мы находим извечный, изобильный и постоянный семантический источник человеческих страданий, который увеличивает внутреннюю стимуляцию и таким образом безо всякой необходимости приводит к расстройству эффективной работы организма-как-целого.

Психиатры, работающие в области чистой патологии, также обнаружили различные источники человеческих затруднений. Они обнаружили, что «бессознательное» представляет собой довольно опасный предмет, и что «умственные» заболевания проявляют симптомы заблокированного или регрессивного процесса.

Это текущее исследование, а также исследования психопатологии, на которые мы ссылались, хотя они и проводятся на совершенно других основаниях, все более и более общих, раскрыло очень похожие механизмы; а именно, полезность расширения поля «осознанности» посредством выведения в «осознанность» важных факторов «бессознательного», и, тем самым, противодействия семантической возможности возникновения остановки развития или регрессии.

При имеющемся расхождении, как в методах, так и в использованных материалах, подобие результатов убедительно свидетельствует в пользу обоснованности этих выводов. Общность также предлагает критерий практической простоты и действенности; и на этих основаниях более общая семантическая *А* дисциплина представляется совершенно обоснованной.

Благодаря этой общности, представленная теория обладает не только простым, но также и *беспристрастным* характером, который делает ее доступной в качестве профилактического средства в области начального образования. В более старых теориях мы на практике имели дело

с личными реакциями на смыслы; в нашем случае мы имеем дело с *с.р* в *общем*, и с психофизиологическим механизмом в частности.

Данное исследование началось с поиска четкого отличия между Дружком и Ивановым. Оно было найдено в том факте, что Иванов функционирует в роли «времясвязывателя», в то время как Дружок этого не делает. Дальнейшее исследование механизма функции времясвязывания обнаружило, что его наиболее важной характеристикой является его особенное расслоение на множество порядков абстракций. Осознание этого расслоения устраняет отождествление и приводит к «осознанности абстрагирования», приписывая постоянное, *строго человеческое* содержание «осознанности», и таким образом автоматически исключая животноподобную и, следовательно, блокирующую или регрессивную «бессознательность». Также обнаруживается, что в осознанности абстрагирования мы находим общий и простой психофизиологический семантический метод устранения большинства человеческих трудностей. Нарботка этой осознанности абстрагирования представляется нам действенным физиологическим инструментом для интеграции функционирования нервной системы человека. Мы применяем методы организма-как-целого и получаем результаты для организма-как-целого. В языке «семантических реакций», «нон-элементалистских смыслов», мы находим психофизиологические средства для интеграции «эмоционального» с «интеллектуальным», что, мягко говоря, было довольно затруднено в рамках прежних *эл* языков, методов и систем. Вследствие структурной необходимости организм действует как-целое, однако старый элементализм с его психофизиологическими эффектами лишь подготавливал семантическую основу для расщепления личности, которую *нон-эл* системы помогают ре-интегрировать. Мы обнаруживаем довольно поразительный результат; а именно, что структура достижений человека соответствует этому принципу расслоения, результатом чего является осознанность абстрагирования, обычно ограничивающаяся каким-то конкретным предметом. Обнаруживается, что большинство личных и групповых трудностей проистекают из-за широко распространенного пренебрежения этим принципом.

Согласно научным данным от 1933 года, тот факт, что расширение области «осознанности» является крайне желательным, представляется достаточно хорошо подтвержденным. С этой целью, возможно, было бы также довольно полезно произвести более общее исследование в отношении характера «бессознательного». Давайте исследуем структуру науки (1933) и посмотрим, можно ли там найти какие-либо бессознательные факторы. Мы обнаружим довольно любопытный факт: что математики, в дополнение к своим прочим занятиям, занимаются разгадкой скрытых бессознательных предпосылок. Их исследования привели к тщательному исследованию структуры их языка в двух направлениях: первое – исследование исходных положений; и другое – отслеживание скрытых коннотаций этого.

Давайте приведем простой структурный пример из этой области. Два положения называют эквивалентными, когда одно из них можно вывести из другого без привлечения каких-либо дополнительных новых положений. Например: (а) Пятый постулат Эвклида — «Если прямая, пересекающая две прямые, образует внутренние и по одну сторону углы, сумма которых меньше двух прямых, то, продолженные неограниченно, эти прямые пересекутся с той стороны, где сумма этих углов меньше двух прямых», (b) «Две прямые, параллельные третьей, параллельны между собой», (c) «В плоскости через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести одну, и только одну прямую, параллельную данной». Каждое из положений молчаливо, бессознательно предполагает другие, так что их можно вывести друг из друга. На самом деле они представляют собой различные формы одной и той же пропорциональной функции.

Другой случай – это эквивалентность *относительно* фундаментального множества посылок А, В, С, . . . М. Может произойти так, что при сокращении этого фундаментального множества две посылки, которые ранее были эквивалентными, перестанут быть таковыми. Например, нижеприведенные посылки взаимно эквивалентны, а также эквивалентны пятому постулату Эвклида. (а) «Внутренние углы с одной и той же стороны, полученные от пересечения двух параллельных прямых с третьей прямой, являются дополнительными». (Птолемей). (b) «Две

параллельных прямых линии являются эквидистантными». (с) «Если прямая линия пересекает одну из параллельных линий, то она также пересекает и другую». (Прокл). (d) «Для любого данного треугольника можно построить другой треугольник любого размера, который будет подобен данному». (Уоллис/Wallis). (e) «Через три точки, не лежащие на одной линии, всегда можно провести сферу». (W. Bolyai), .

Однако следующие две предпосылки эквивалентны пятому постулату *E* только в том случае, если мы сохраним постулат Архимеда^{4*}: (a) «Локусом точек, которые эквидистантны в отношении прямой линии, является прямая линия»; (b) «Сумма углов треугольника равна сумме двух прямых углов». (Saccheri).⁴

Критический момент данной дискуссии состоит в том, что все сказанное здесь *не является очевидным* даже для внимательного и умного читателя, а также для многих математиков. Понадобилось почти две тысячи лет и множество усилий со стороны лучших умов мира для того, чтобы открыть эти *взаимосвязи и выводы*. Приведенные выше примеры иллюстрируют *общую* базовую структуру всех наших языков. Они обладают внутренней взаимосвязанностью, базовыми предпосылками и выводами, анализ которых, за пределами области математики, редко проводится достаточно глубоко, если это вообще делается. Итак, эти структурные предпосылки и выводы находятся внутри нашей кожи, когда мы принимаем язык – *любой* язык. Если их распутать, они становятся осознанными; если нет, они остаются *бессознательными*. В данной работе у нас уже была возможность ознакомиться с бессознательными коннотациями, которые зашиты в структуру любого языка. Мы увидели, что нужно начинать работу с неопределенных терминов, которые представляют собой структурные предпосылки и постулаты, поскольку у нас нет средств для того, чтобы объяснить их или дать им определение на данный момент. Мы обнаружили, что эти *неопределенные* термины олицетворяют нашу бессознательную метафизику, и что способ сделать эту бессознательную метафизику осознанной состоит в том, чтобы начать в явном виде с неопределенных терминов и построить систему постулатов. , то есть провести процедуру, которая полностью соблюдается только в математике. Следует отметить (так как это очень важно), что неопределяемые термины, будучи неопределяемыми, перегружены «*эмоциональными*» значениями. Поскольку высшие нервные центры не могут обработать их, то низшие нервные центры работают с ними сверхурочно. Если мы не анализируем наши языки в отношении их неопределенных терминов и структурных постулатов, наши самые сильные «*эмоциональные*» и семантические компоненты, которые составляют эти языки, остаются скрытыми и бессознательными.

Здесь мы в первый «раз» сталкиваемся лицом к лицу с более широким, более общим и безличным «бессознательным», которое лежит в основе структуры любого языка, и поэтому работает в каждом, кто пользуется языком. Мы можем назвать эту общую форму научным, или общественным, или лингвистическим, или семантическим, или, по желанию, в качестве термина, *структурным бессознательным*. Оно воплощает в себе лежащие в основе *структурные* предпосылки и коннотации, которые безмолвно скрываются под нашими языками и их *структурами*. Эти предпосылки. , можно назвать «бессознательными», потому что они *совершенно неизвестны и не учтены*, если только не обнаруживаются после болезненного расследования.

Любая форма презентации имеет свои собственные предпосылки в качестве базиса, и когда мы принимаем язык, мы бессознательно принимаем множества безмолвных структурных предпосылок, семантическими жертвами которых мы становимся. В течение долгого времени белая раса была жертвой бессознательных предпосылок и метафизики, которые лежат в основе

---

⁴ * Постулат Архимеда формулируется Гилбертом (Gilbert) следующим образом: Пусть A_1 – это любая точка на прямой линии между произвольно выбранными точками A и B . Рассмотрим точки $A_2, A_3, \dots$ такие, что A_1 лежит между A и A_2 , A_2 между A_1 и A_3 . ; более того, пусть отрезки $AA_1, A_1A_2, A_2A_3 \dots$ будут все одинаковой длины. Тогда среди ряда этих точек всегда существует определенная точка A_n , такая, что B лежит между A и A_n . Эта гипотеза в интуитивной форме была использована Саккери (Saccheri); а именно, отрезок, который постепенно растет от длины a до достижения длины b , отличающейся от a , принимает по ходу этого действия все промежуточные величины между a и b .⁵

A , E , и N систем. Она нуждалась в структурном пересмотре этих систем, кульминацией которого стали $\bar{E}$, $\bar{N}$, и, наконец, $\bar{A}$ системы. Эти нон-системы характеризуются не введением новых предпосылок, а тем, что они делают старые необоснованные, примитивные, бессознательные структурные предпосылки осознанными, и таким образом помогают нам в устранении семантически нежелательных реакций. Мы уже видели, каким образом заблуждения и табу (1933) могут бессознательно порождаться и порождаются семантическими процессами; они начинаются с более общих, более естественных и более фундаментальных структурных ошибок, таких как примитивное «отождествление», например, которые проистекают из дочеловеческих способов «мышления», и которые приводят в результате к семантическим трудностям и регрессии даже в наши дни.

Давайте в качестве иллюстрации предположим, что пятый постулат Эвклида является ложной предпосылкой, которая серьезно вредит жизни человека и сравнима в этом плане с некоторыми ложными доктринами, которые лежат в основе мрачных симптомов, с которыми ежедневно сталкиваются психиатры. Далее давайте предположим, что врач, невежественный в отношении структуры «человеческого знания», *c.p* и эквивалентности предпосылок, после болезненных и трудоемких усилий преуспевает в том, чтобы удалить у пациента эту особо вредоносную предпосылку. Однако вследствие невнимательности он не обращает внимания на другую предпосылку, которая является эквивалентом первой, и он ее не устраняет. В этом случае рационализация по поводу первой ложной доктрины, вероятно, привело бы к провалу лечения, поскольку другая бессознательная и эквивалентная доктрина, вследствие исключительно формального одно- или двузначного характера бессознательного, выполняла бы свою задачу и делала бы лечение неэффективным. Эта связка эквивалентных структурных посылок в повседневной жизни все еще остается непроанализированной. Например, крайне трудно пытаться делать «надлежащую оценку», не устранив отождествление, .

Абстракции высшего и низшего порядка представляются структурно и нейрологически, а также функционально, взаимосвязанными в виде циклической цепочки, так что на самом деле их невозможно разделить ни при каких обстоятельствах. Язык – любой язык – связан с неопределяемыми терминами, которые, вместе со структурой данного языка, определяют безмолвную и бессознательную метафизику, лежащую в его основе. Язык, для максимальной пригодности к эксплуатации, должен, по меньшей мере, обладать структурой тех событий, которые он пытается описывать; поэтому наука должна в первую очередь раскрыть структуру событий, ибо только тогда мы сможем сформировать наши языки и придать им необходимую структуру. Любые продвижения в области нашего знания природы строго связаны с новыми языками подобной структуры, которые отразят структуру мира. Это новейшее «знание» на каждый момент опять же будет представлять собой «современную метафизику». Во всех подобных исследованиях нам приходится бороться с более старыми, в основном примитивными структурными метафизиками и бессознательными лингвистическими семантическими последствиями. Расследование этих тем должно пролить новый свет на бессознательные процессы, и таким образом сократить обширное поле бессознательного.

Структурное бессознательное представляется чем-то более общим, более фундаментальным, чем конкретное, или индивидуальное, психиатрическое, потому что анализ показывает, что последнее всегда следует из первого. Как читатель может вспомнить, жизнь, «интеллект» и абстрагирование на различных порядках возникло одновременно. Без абстрагирования, распознавание и, следовательно, отбор, были бы невозможны. Мир животного, также как и мир человека, представляет собой ничто иное, как структурные результаты абстрагирования, без которых жизнь как таковая вообще была бы невозможной. Только человек обладает способностью продлевать порядки абстрагирования до бесконечности. Когда Иванов произвел абстракцию некоторого порядка, допустим, сделав какое-то утверждение, у него есть потенциальная возможность проанализировать и посозерцать это утверждение, которое становится зарегистрированным фактом, и таким образом у него все еще есть возможность абстрагировать на более высокий порядок, без каких-либо известных пределов. Именно эта способность загромождает мир Иванова бесконечными «фактами», относящимися к самым

различными порядками абстракций. Способность животного к абстрагированию на каком-то уровне останавливается, и оно не продолжается, если только не происходит какое-то изменение в его нервной структуре. Поэтому мир животного сравнительно прост, структура мира существа человеческого в сравнении с ним неопределимо более сложна. Человеческие проблемы в плане адаптации, соответственно, становятся более сложными. Медицина человека гораздо более сложна, чем ветеринарная наука, несмотря на то, что высшие животные в своей анатомической структуре очень мало отличаются от людей. Структурные *м.п.* факты, которые были результатом абстрагирования на различные порядки, отличаются как числом, так и сложностью. Способность человека бесконечно продлевать порядки абстрагирования порождает это особое расслоение «человеческого знания».

Оно является продуктом эволюции и выглядит слоистым, наподобие древних скал. Это расслоение оказывается решающим структурным *м.п.* фактом, хотя им в общем пренебрегают, за исключением частичного его учета в математике и психиатрии. Его осознание делает необходимым устранение отождествляющего «есть» и приводит в результате к осознанности абстрагирования, которое столь фундаментально для психического здоровья.

Раздел С. Инфантилизм.

Как уже упоминалось, основные симптомы физических и «умственных» заболеваний немногочисленны и просты. Это предполагало бы возможность построить простые и более универсальные теории этих фундаментальных симптомов. Коллоидальная структура протоплазмы ответственна за эту особую простоту и за небольшое число этих фундаментальных симптомов. В «умственной» области эти фундаментальные симптомы объясняются простым структурным функциональным принципом «копирования животных» в наших нервных процессах, которое является вредоносным и характеризуется отсутствием осознанности абстрагирования, и подразумевает коллоидальные расстройства. Психогальванические эксперименты ясно демонстрируют, что любая «эмоция» или «мысль» всегда связана с некими электрическими токами, и что электричество представляется фундаментальным явлением для коллоидального поведения и, следовательно, для физических симптомов и поведения организма.

В коллоидальных процессах мы обнаруживаем мостик между «физическим» и «умственным», и этой взаимосвязью, похоже, в основном является электричество. То, что все заболевания, как «физические», так и «умственные», имеют лишь небольшое число фундаментальных симптомов – это не просто совпадение; и не стоит так уж удивляться тому факту, что физические заболевания часто приводят к «умственным» симптомам, а «умственные» заболевания часто связаны с «физическими» симптомами.

Если некий простой симптом полностью *универсален*, то это указывает на то, что он является структурно фундаментальным, и что если мы обратим на него особое внимание, то мы получим от этого определенную отдачу. Как правило, при «умственных» заболеваниях мы наблюдаем поразительное проявление симптомов, которые обладают убедительными параллелями с поведением младенцев. Заблокированное развитие или регрессия у взрослых также демонстрирует эти инфантильные характеристики. Другими словами, каждый раз, когда инфантильные характеристики проявляются у взрослых, это указывает на то, что этот «взрослый» не полностью повзрослел в некоторых семантических аспектах, или же начал двигаться по пути регрессии, которая подразумевает какое-то коллоидальное или *м.п.* структурное повреждение.

Когда мы говорим об «инфантилизме» у «взрослых», мы включаем в это понятие симптомы, которые относятся к периоду детства на органическо-эротической, автоэротической или нарциссической стадиях. Следует помнить о том, что для детей эти семантические фазы являются естественными; они становятся патологией только тогда, когда данный индивид не перерастает их и все еще проявляет их во взрослом возрасте. Сам термин «инфантилизм» является довольно негативным, и его никогда не применяют собственно к детям. Дети ведут себя как дети, и на этом обсуждение закрывается. Однако у детей гораздо меньше

ответственности, их сексуальные импульсы недоразвиты, и поэтому их поведение не может быть столь же опасным для них самих и для других людей. Со взрослыми это совсем не так. На них возложена ответственность, обязанности, они часто обладают мощными сексуальными импульсами, которые превращают инфантильного «взрослого» в индивида, опасного для самого себя и других. Такие термины, как «социальный» период, или «социализированный» индивид, иногда неверно истолковываются. Тот факт, что достижения и способности человека обладают накопительным характером, и зависят от достижений других людей, делает нас с необходимостью социально времясвязывающим классом жизни, который, в свою очередь, порождает более сложные виды адаптации. Независимо от того, одобряем ли мы или не одобряем существующие юридические и полицейские ограничения, существует тот факт, что в социальной форме жизни необходимо существование некоторых ограничений. Наша текущая коммерческая «цивилизация» может быть охарактеризована как цивилизация инфантильного типа, управляемая в основном структурно примитивными мифологиями и языком, очень часто связанным с примитивными *с.р.* Для того, чтобы полностью в этом убедиться, достаточно просто почитать речи различных деятелей бизнеса, президентов и королей. Правила и регуляции естественным образом устарели, и принадлежат к тому же периоду, к которому относятся и метафизика, и язык. «Взрослая», или научная семантическая стадия развития цивилизации совершенно точно бы соответствовала «социальной» стадии или полной оценке наших привилегий и *обязанностей*.

Рассуждая об инфантилизме, следует помнить о том, что ребенок имеет преимущество в сравнении со слабоумными, идиотами и «умственно» больными, которые остановились в своем развитии или регрессировали до возраста младенца или ребенка. «Нормальный» ребенок получает опыт от переживаний и перерастает семантические характеристики, которые естественны для данного возраста. В случае остановившегося развития или регрессии нежелательные инфантильные характеристики сохраняются у взрослого и являются источником бесконечного числа трудностей и страданий для него самого и для его симбиотов. Например, все мы в детстве имели переживания, подобные тем, что были у пациента доктора Желиффа, однако мы от этого отнюдь не находимся в том же плохом состоянии. Но если читатель вообразит себя на месте этого пациента с этими инфантильными характеристиками, то он осознает, какое гигантское количество страданий, страхов, стыда, смущения, возникает в результате у такого пациента. Самое худшее в таких случаях обнаруживается в том факте, что инфантильный тип обычно не может «перерасти» или изменить подобные характеристики самостоятельно, и он нуждается в очень мудром и терпеливом внешнем помощнике, который сможет провести переобучение или предоставить медпомощь, если тот вообще хочет преодолеть более ранние неадекватные *с.р.* Но если мы *начинаем* предоставлять образование младенцу с адекватными *с.р.*, подобная процедура должна сыграть важную профилактическую оценочную роль.

Мы должны помнить о том, что нервная система человеческого ребенка не является на момент рождения сформированной. Расширение, рост и умножение числа придатков нейронов, продолжается после рождения. Нервная система взрослого демонстрирует поразительные отличия в плане длины и сложности нервных клеток в сравнении с системой младенца. Исследования Хаммаберга (Hammarberg) продемонстрировали, что во всех исследованных им случаях идиотизма имела место остановка развития более или менее обширной части кортекса на стадии, соответствующей эмбриологическому периоду или периоду раннего младенчества. Лишь небольшое число клеток достигло полного развития во время роста кортекса. Эти психологические дефекты находились в прямой пропорции с дефектами развития клеток и были тем больше, чем на более раннем периоде произошла остановка развития.⁸ В крайних случаях врожденного слабоумия кортекс вообще плохо скоординирован, он тонкий и в нем мало нервных клеток. Второй слой Болтона (Bolton) пирамидальных нейронов коры большого мозга созревает в последнюю очередь; и его развитие у различных млекопитающих соответствует степени их «разумности». У людей степень его дефектности соответствует степени «умственной» недоразвитости или регрессии. При органических «умственных» заболеваниях

сильно рассеянные поражения кортекса, когда они есть, наносят вред «интеллекту». Эмоциональные расстройства возникают даже при еще более незначительных повреждениях мозга, особенно когда они захватывают области таламуса.⁷ В общем, повреждения в базальных ганглиях уменьшают энергию импульсивной жизни (сонная болезнь). Повреждения в области основания лобных долей и некоторые опухоли мозга приводят к эйфорическим состояниям, что придает лицу человека слабохарактерное, глупое выражение, которое выглядит смешно и провоцирует дразнение. Другие повреждения в базальных ганглиях приводят к переменчивости эмоций. Любые разрушения частей мозга обычно приводят к раздражительности и неустойчивости настроения. Различные локализации повреждений мозга приводят к злости и ярости.⁸

Среди прочих последствий органических заболеваний мозга обнаруживаются семантические расстройства, отсутствие способности к критике и обладанию собственным мнением; сложные ситуации становятся недоступными для понимания, становится ущербной *оценка отношений*, . В случаях с переменчивостью эмоций одна конкретная «эмоция» полностью доминирует над пациентом. Пустяки могут сделать его либо очень счастливым, либо ввести в отчаяние. По причине *понижения общительности* или дефективности процесса установления отношений, пациент часто выглядит безразличным, несмотря на то, что главные аспекты данного дефекта не находятся в эмоциональной области. Подобные же трудности в общении или в отношениях приводят к тому, что многие пациенты выглядят эгоцентричными в своих *с.р* и поведении. Поскольку такие пациенты потеряли осознание и оценку в отношении различных жизненных ситуаций, их действия кажутся неэтичными. Нежность, такт, рассудительность, ощущение эстетики, чувство долга, ощущение правоты, стыда, . – все это может в любой момент пропасть, хотя в естественном порядке все это обычно присутствует. Импульс любого рода может перейти в действие без ограничения.⁹ Кровоизлияния в области таламуса часто приводят к значительной эмоциональной неустойчивости. Рассеянная дистрофия кортекса обычно приводит к подобным же симптомам, сходным с проявлениями органических поражений мозга, .¹⁰

Следует помнить о том, что для человеческой нервной системы согласованная работа высших и низших центров является необходимостью для оптимальной работы целого. У кошек и собак, лишенных ассоциативных областей кортекса, это отличие не столь значительно. Они продолжают вести себя согласованным образом, при условии, что область таламуса не затронута. Даже у ребенка без кортекса мы обнаруживаем гримасы на лице, если даем ему что-то горькое, однако более высокоуровневая адаптация тут невозможна.¹¹ Общее «тормозящее» и регулирующее влияние высших центров повышается пропорционально дифференциации нервной системы; а у человека этот фактор обретает критическую важность. Это демонстрировалось экспериментально. Например, у человека и у собаки сильное негативное воздействие на поток желудочных соков может быть «психическим» по происхождению. Это негативное воздействие слабо проявлено у морской свинки, хотя оно обнаруживается и при удалении головного мозга. У черепахи также обнаруживается некоторое ускорение движений в желудке после удаления головного мозга, однако у лягушки мы вообще не обнаруживаем никакого негативного воздействия.¹²

Вышеприведенные факты были подтверждены посредством анатомических и физиологических структурных исследований. Если работающую нервную систему изучать с точки зрения коллоидальной химии, то крупные нехирургические повреждения можно истолковывать как результат изменений в коллоидальном поведении. Такие врачи как Wilder D. Bancroft, J. Holmes Richter, H. Beckett Lang, John A. Paterson, Walter Freeman и другие продемонстрировали, что возможно обнаружить соответствие между функциональными психозами и состоянием рассеяния в нервных коллоидах. Например, при *dementia praecox* [шизофрении – ОМ] в нервной системе наблюдается состояние коллоидального сверх-рассеяния; а при маниакально-депрессивных психозах – состояние пониженного рассеяния.¹³ Интересно отметить, что у младенцев коллоиды обычно более рассеяны, чем у взрослых, и, вероятно, подобные же условия можно обнаружить в случаях инфантилизма. Вышеупомянутые

ученые обнаружили также, что коллоидальное поведение нервной системы можно изменить с помощью особой химической обработки медицинскими препаратами, двуокисью азота, кислородом. , с конкретными реакциями на психо-логическом уровне. Поскольку *с.р* связаны с электрическими явлениями, являющимися основой коллоидального поведения, подобные симптомы на психо-логических уровнях могут подразумевать наличие соответствующих субмикроскопических коллоидальных состояний. Принимая в расчет структурные характеристики коллоидального поведения и утонченность технических средств, мы можем обнаружить, что семантическое пере-обучение должно порождать различия в электрических потенциалах. , и приводить к различию в коллоидальном поведении в различных областях нервной системы. Следует провести эксперименты с сочетаниями химических средств с небольшими сроками воздействия, которые могли бы способствовать семантическому подходу, с семантическим пере-обучением, которое, по его завершении, часто становится долговременным. Коллоидальные и психогальванические исследования конкретного пациента до и после семантического пере-обучения также следует проводить.

Разрешите мне еще раз подчеркнуть, что с коллоидальной точки зрения, свободной от отождествления, проблема «ума и тела» перестает быть загадкой, поскольку у нас появляется хорошо проработанное электродинамическое структурное коллоидальное основание, в рамках которого можно найти полное разъяснение экспериментальных фактов «ума». Тонкости этой субмикроскопической структуры связаны с бесконечным множеством вариантов. В настоящее время у нас отсутствует подробное знание об этой структуре; ибо коллоидальные разработки очень новы, и в этой конкретной области пока проводилось крайне мало экспериментов.

Если мы примем *нон-эл* точку зрения, а все имеющиеся данные, как представляется, к тому и ведут, то нужно сделать вывод, что если различные макроскопические, микроскопические и субмикроскопические повреждения нервной системы могут *в результате приводить к* совершенно определенным психо-логическим симптомам, которые на семантическом уровне проявляются как отсутствие *оценки отношений*; то, наоборот, использование лингвистических систем, которые систематически натаскивают незрелую нервную систему ребенка и взрослого в плане бредовой оценки, должно привести в результате *как минимум* к коллоидальным расстройствам нервной системы. Эти функциональные коллоидальные расстройства накладываются на врожденные возможные неполадки нервной системы, и в конечном результате могут оказаться диспропорционально большими в сравнении с едва заметными наведенными отклонениями. Реальное поведение, подстройка, психическое здоровье. , могут при этом значительно пострадать.

Можно считать, что до рождения ребенок находится в идеальных условиях. Он комфортно плавает в жидкости, температура которой равна его собственной. Все его потребности удовлетворены, так как все поставляется ему из материнского тела. При рождении ребенок должен начать дышать, а чуть позже – начать принимать пищу, переваривать ее, . На него обрушиваются внешние воздействия, и он должен приспособливаться. Довольно быстро среднестатистический младенец обнаруживает, что он может получить все, что хочет, в определенных пределах, совершая определенные движения или плача. Для младенца плач или слово становится семантическим волшебством. Говоря языком Павлова, слово управляет условным рефлексом. В психиатрии определенная последовательность таких условных *с.р* животного низкого порядка условности именуется «комплексом». В экспериментах Павлова собаке демонстрировали еду, и при этом одновременно звонил колокольчик. При виде еды начинала выделяться слюна и желудочный сок. Вскоре произошла ассоциация *связи* между звонком и едой, и, позже, простой звонок сам по себе порождал выделения. У другого животного некий другой сигнал, скажем, свисток, производил бы подобные эффекты. У разных людей посредством опыта, ассоциации, отношения, смыслы и *с.р* строятся в отношении некоего символа. Очевидно, у взрослого человека отождествление символа с самими предметом можно считать патологией. Но в младенчестве смешивание порядков абстракций нужно рассматривать как совершенно естественный семантический период. Младенец ничего не «знает» о науке и событиях. Объекты и «чувственные восприятия» «являются» единственной известной ему

«реальностью», которая его волнует; так что он не делает и не может делать различия между событиями и объектами. С необходимостью он неосознанно отождествляет два совершенно различных уровня. Поскольку его символ обычно означает удовлетворение всех его потребностей, естественно, что он отождествляет символы с объектами и событиями. Также на этой стадии он не может знать о том, что порядки его абстракций могут продолжаться бесконечно, или что его наиболее важные термины обладают свойством многопорядковости. Важно отметить, что эта объектификация, и, в общем, отождествление или смешивание порядков абстракций, являются для младенца семантически *естественными*. Чем плотнее контакт ребенка с «реальностью», тем больше он учится, и у «нормального» ребенка «принцип удовольствия», который выработался как метод приспособления на младенческом уровне, медленно замещается «принципом реальности», который далее становится семантическим методом приспособления завершеного взрослого. Только наука дает нам полное знание о текущей «реальности». Но наука представляет собой общественное достижение и, следовательно, завершённый взрослый, дорастая до социального уровня, должен обрести осознанность в отношении последних стадий *м.п* реальности. Все это можно найти среди современных научных методов и структурных понятий об этом мире, и это постепенно внедряется в структуру языка, которым мы пользуемся, при этом всегда сильно воздействуя на наши *с.р.*

Важно то, что в двадцатом веке нам следует осознать, что работа Эйнштейна и четырехмерный континуум пространства-времени порождает язык другой структуры, более близкой к фактам, которые нам известны в 1933 году, и что это дает нам новый семантический метод приспособления к новой «реальности» (смотрите Часть IX).

Семантические стадии развития ребенка должны естественным образом пройти через вышеописанные стадии. Когда он начинает отличать себя от окружения, он центрируется на себе и сосредотачивается на своих «ощущениях» (автоэротическая стадия). Позже он проецирует свои собственные ощущения на внешние события; он *персонифицирует*. Эта семантическая черта часто обнаруживается у незавершённых взрослых, когда они в гневе начинают бить тарелки или ломать мебель.

Ребенок в первую очередь заинтересован в себе самом (автоэротика); потом в других детях, вроде себя (гомосексуальность). Понемногу его интересы направляются на людей, менее похожих на него самого, на противоположный пол, и таким образом он входит в семантический период развития человека как вида.

Подобные семантические процессы можно наблюдать в развитии видов, в изложении антропологии, также они отражаются в структуре языков. В архаический период однозначного «пре-логического мышления», которое обнаруживается среди примитивных народов, «осознанность абстрагирования» практически равна нулю. Эффект, производимый чем-то на индивидуума внутри его кожи, проецируется наружу, вовне его кожи, и таким образом обретает демонический семантический характер. «Идея» о действии или объекте отождествляется с этим действием или самим объектом. Отождествление и смешивание порядков абстракций работают в полную силу.

Это паралогическое состояние является несколько более продвинутым. В нем отождествление основывается на *сходстве*, а различиями просто пренебрегают (неосознанно, само собой). Леви-Брюль (Levy-Bruhl) описывает этот примитивный семантический период с помощью формулировки «закона участия», в соответствии с которым все вещи, которые обладают *похожими* характеристиками, «являются одним и тем же».¹⁴ Примитивный силлогизм строится примерно следующим образом: «Некоторые индейцы быстро бегают, олени быстро бегают; следовательно, некоторые индейцы *есть* олени». Этот семантический процесс был совершенно естественным на ранней стадии, и он заложил основание для *построения языка* и абстракций высшего порядка. Далее мы рассматривали сходства, которые слишком часто принимались за *тождества*, что в результате приводит к тому, что различиями пренебрегают. Но в реальной жизни, без этой примитивной метафизики, мы не обнаруживаем тождеств, а различия становятся так же важны, как и сходства. Прежний примитивный акцент

на тождественности, позже расширенный до сходств, должен на какой-то стадии развития человека стать причиной семантической катастрофы, сделав невозможным оптимальное приспособление.

Строя *A*-систему, мы должны ставить акцент на *различия*, строя «нон-систему» на «невсеобщности» и отвергая тождественность. Более древние семантические привычки и инфантильные и примитивные склонности являлись необходимым шагом в развитии человека. Ради психического здоровья мы должны перерасти эти инфантильные семантические фиксации. Точно так же, как цивилизация, мы должны вырасти из примитивных структурных фиксаций, примитивной метафизики, табу и прочих примитивных *с.р.* Эти примитивные привычки, языки, структурная метафизика и реакции были крайне глубоко внедрены в наше сознание на протяжении веков, и для того, чтобы их преодолеть, требуются усилия и новое семантическое обучение.

У «умственно» больных мы обнаруживаем зловещие и очень близкие параллели с поведением примитивного человека и младенца, не только в плане «умственных» и «эмоциональных» реакций, но даже в физическом поведении, в позах, рисунках и прочих способах самовыражения. Эти параллели на сегодняшний день признаются практически всеми научными работниками и анализируются во множестве отличных книг.

Мы должны отметить, что в этом лабиринте наблюдений непременно сохраняется одно общее правило, а именно: «осознанность абстрагирования» является для всего этого *полным семантическим решением*. В нем мы находим не только завершенное основание для теории психического здоровья, но также и семантический, психофизиологический механизм перехода с уровня инфантильного, или примитивного, человека, на более высокий уровень завершенной взрослости и цивилизованного социального человека.

Приведенный далее рисунок взят из «Учебника психиатрии» Блейлера (Bleuler) (стр. 402), он был сделан очень больным пациентом (хроническая кататония), *который до того мог очень хорошо рисовать*; однако этот рисунок выглядит совершенно *по-детски*. В литературе по психиатрии имеется множество таких примеров, и они полностью подтверждают те процессы, что описаны в психиатрии.

Взрослый инфантилизм обычно становится причиной краха жизни конкретного человека, а если рассматривать его с социальной, национальной или международной точки зрения, то он также объясняет большинство наших семантических трудностей в социальной, экономической и политической сферах.

Несмотря на то, что мы рассматриваем инфантильные, застойные и регрессивные симптомы как нечто единое, важно понимать, что большинство этих характеристик являются *нормальными* для примитивного человека и младенца, при условии, что они рано или поздно их перерастают. Разница между застоєм в развитии и регрессией примерно такая же, как между бедняком и тем, кто потерял свое состояние. В первом случае функционирование нервной системы оказывается неудовлетворительным по причине некоего дефекта; во втором, потенциал эффективной ее работы есть, однако некое семантическое препятствие порождает регрессию, или же вступает в действие некий дегенеративный нервный процесс.

В области высших абстракций поток «идей» у умственно отсталых детей и идиотов ограничен. Все непривычные «идеи» игнорируются, и легко усваиваются только те, которые порождены непосредственным «чувственным восприятием». До недавнего времени даже в науке подобное отношение заметным образом проявляло себя, к примеру, в виде излишнего эмпиризма, или в случае с ранее уже упомянутым физиком, который был готов «бороться» за доказательство того, что он «видел» «электрон», . Он не осознавал, что понятия, построенные посредством умозаключений, являются такими же абстракциями, как и те, что он «видит». Отношение «человека практики», который небрежно относится к науке и считает ее «умствованием», также может тут послужить примером.

Дети, идиоты и умственно отсталые не могут улавливать сложные вещи; они видят некоторые элементы, но упускают относительно целое. Мы выработали видовой язык «ощущений» и элементаризма. Подобным же образом при шизофрении относительно целое отбрасывается, в то время как, с другой стороны, одной-единственной семантически значимой характеристики оказывается достаточно для того, чтобы соединить между собой совершенно гетерогенные абстракции в некое неестественное целое. Слова-отношения обладают приоритетом над действительностью (отождествление). Например, пациент с тревогой смотрит на движущуюся дверь и заявляет: 'Da fressen mich die Thuren'^{5*} и отказывается проходить через дверной проем. Тут мы видим доведенное до предела отождествление слов с объектами. В общем, с.р шизофреника выглядят так, будто он интенсивно отождествляет свои высшие абстракции с низшими.¹⁵

Много отличного материала по инфантилизму можно найти в книге доктора Джозефа Коллинза (Dr. Joseph Collins) «Врач смотрит на любовь и жизнь» («The Doctor Looks at Love and Life»), особенно в его главе про взрослый инфантилизм, из которого взята большая часть следующего далее материала, за который я искренне признателен.

Дети и идиоты живут только в настоящем и не волнуются по поводу прошлого или будущего, за пределами собственного непосредственного удовлетворения. Инфантильные типы также хотят получить все «чувственное» наслаждение данного момента, никогда не задаваясь вопросами о страданиях других или о последствиях для себя самих в будущем. В реальности, они часто довольно враждебно относятся к тем, кто принимает в расчет более широкие рамки. 'Après nous le déluge' (После нас хоть потоп) - вот их королевский лозунг. В области нации и коммерции, они опустошают свои природные ресурсы, поскольку заинтересованы только в

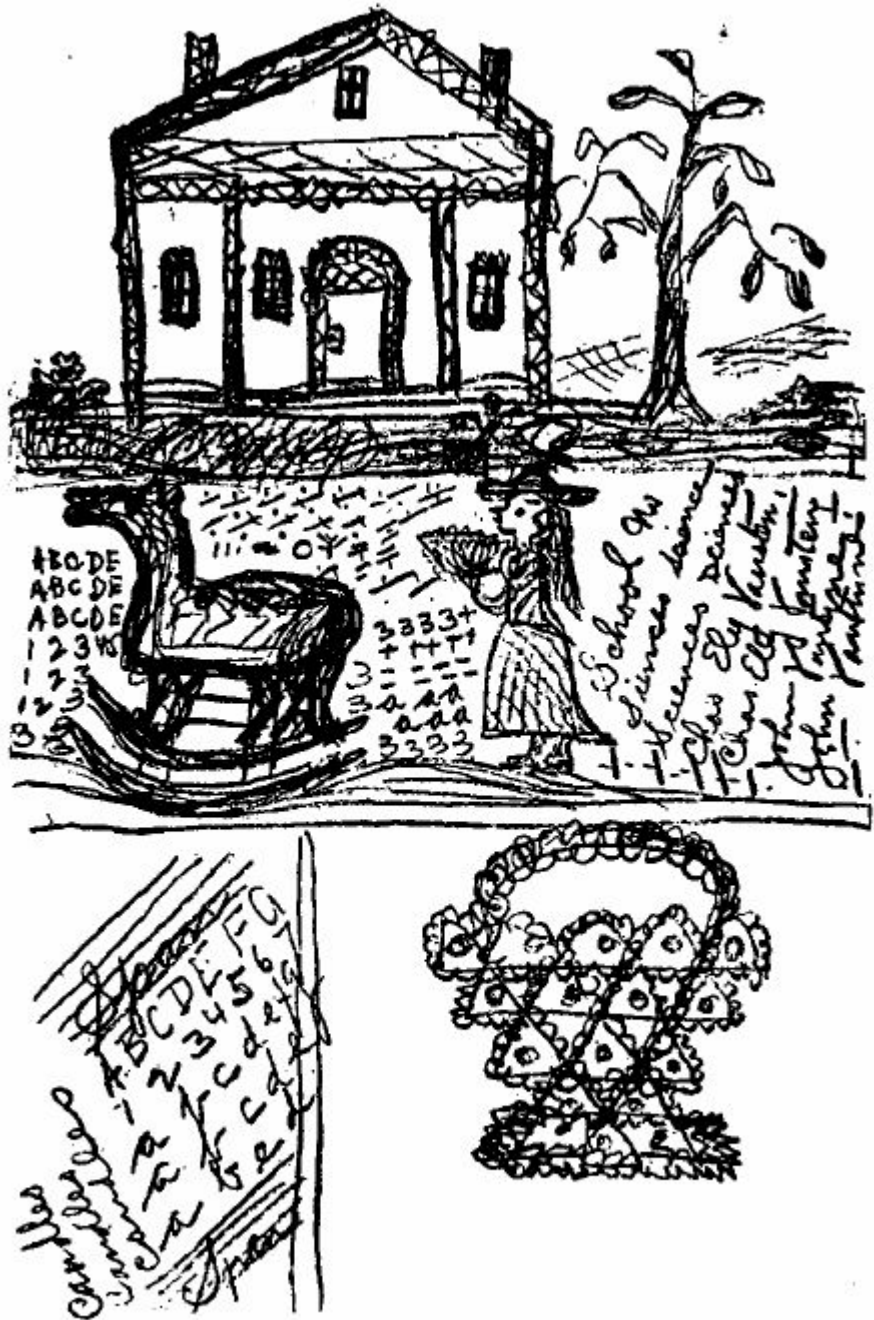

Fig. 4

⁵ * Животное = Thier, Дверь = Thur, и бессознательное посредством игры на словах дает значение: 'Двери меня пожирают', вместо 'Звери меня пожирают'.

непосредственной и эгоистичной выгоде. Они любят, когда их хвалят, терпеть не могут порицание и не осознают, что *критическое* отношение дает нам основу для надлежащей оценки и становится семантической характеристикой зрелости и что в общем и целом оно *более полезно* в *долговременной* перспективе. Их возбуждает и радует похвала и комплименты, а неодобрение заставляет дрожать и сжиматься. Подобные характеристики можно даже обнаружить у целых стран. Такие страны самодовольны, они считают себя выше прочих в международных вопросах и не осознают, что это невозможно, и что их выступления в конечном итоге принесут вред им же самим. В качестве оправдания они используют теорию о превосходстве своих учреждений, и «добродетельность» своего собственного поведения.

Дети и идиоты высшей степени с большей готовностью отмечают сходства, чем различия. Они могут делать простые обобщения, но при этом они часто делают это торопливо и ошибочно. Гордость и самоуважение ребенка страдают, если его считают отличающимся от других детей, или если он по-другому одет. Оригинальность и индивидуальность среди детей – это табу. Из-за семантической недоразвитости различия становятся для них фактором расстройства; они хотят, чтобы все было стандартизировано. В масштабе страны взрослые инфанты стандартизируют все, что могут, и даже проявляют своего рода враждебность ко всему, что обладает индивидуальными особенностями. Например, те, кто носит после определенной даты соломенные шляпы, подвергаются нападению на улицах. Не желая «мыслить» или волноваться о различиях, они воображают, что могут управлять жизнью посредством законодательства, и продолжают изобретать все больше и больше «законов», которые на поверку очень часто оказываются непрактичными и противоречащими сами себе. Когда ежегодно принимается несколько тысяч законов, они становятся головоломкой и насмешкой. Окончательным семантическим результатом такого сверхзаконодательства становится полное отсутствие правосудия или какого-либо уважения в отношении «закона». Не обладая способностью «мыслить» самостоятельно, они отдают эту раздражающую их функцию политикам, священникам, газетчикам, . При таких условиях жизнь невозможна в отсутствие дорогих юристов.

Не обладая этой критически важной способностью к надлежащей оценке, их симпатии и антипатии очень напряженны. Они не могут отличить существенное от неважного. Их непосредственное «чувственное» восприятие и «эмоции» чрезмерно влияют на их действия. Они подвержены импульсу копировать других. Очень часто они страдают от предрассудков. Это приводит к слабости мнений, излишней внушаемости, эмоциональным «срывам», преувеличенной чувствительности, неустойчивым аффективным состояниям, . и, наконец, к такому отношению к жизни, в котором нет места должной оценке. Их настроения изменчивы; их вниманием легко завладеть и им легко управлять. Их легко запугать и утратить, и они легко поддаются влиянию со стороны других.

Все вышеуказанные характеристики спонсируются коммерцией, и на их основании строятся те методы, рекламы и бизнес-процессы, которые мы наблюдаем вокруг себя. Это также вводит в человеческие отношения семантический фактор дезинтеграции, поскольку это порождает методы обмана, методы «как всучить что-то» другому человеку, и способствует потворству слабостям, . Когда подобная коммерция обретает масштаб страны, ее зловещий образовательный эффект становится явно выраженным. Дети, начиная с того возраста, когда они начинают читать, получают впечатление, что подобная практика – это *норма*, и принимают ее за семантический стандарт для своей собственной ориентации. К сожалению, даже психиатры пока еще не проанализировали семантическое влияние подобной рекламы на построение и сохранение инфантильных характеристик.

Детям недостает умеренности и семантического чувства надлежащей оценки. Терпимость не является одной из их характеристик. Для них люди и «идеи» оцениваются крайностями, они либо хорошие, «чудесные», либо плохие, «ужасные». Их *с.р* выглядят догматично и жестко, как и у всех неопытных людей. Они слишком много говорят или хранят молчание; они слишком много хвалят или слишком много обвиняют; они слишком много работают или слишком много играют, и не знают ничего промежуточного. Вся жизнь целой страны может быть окрашена

подобными семантическими настройми. Страны начинают хвастаться своими собственными приобретениями и достижениями, и радостно заимствовать и забывать достижения других. Они гордятся тем, что у них самые большие самолеты и города, самые высокие небоскребы, самые длинные мосты, . Им не знакома умеренность в еде или в питье; они либо слишком много едят и пьют, либо становятся сторонниками тотального «воздержания». Они быстро строят дружбу и быстро создают антипатию. В свои игры они играют серьезно, как дети, которые играют в дочки-матери, делая из этих игр событие национального масштаба. Детское удовольствие от поражения противника, отличающегося в национальном плане, в таких странных помешательствах, как гонки, бокс, футбол, бейсбол и прочие подобные виды спорта, часто заслоняет собой все действительно важные вопросы.

Дети и многие идиоты неспособны делать какой-либо выбор, когда это связано с какой-то значимостью и оценкой. Попадая в ситуацию, где нужно принять решение о выборе между двумя альтернативами, они сталкиваются с трудностями, и часто хотят получить и то, и другое. Подобное же происходит с «идеями»; они часто могут одновременно придерживаться полностью противоречащих друг другу наборов «идей». Даже ученые инфантильного типа так поступают, а затем публикуют «манифесты», в которых они пытаются оправдать подобное поведение и семантический настрой. Торговцы специально тренируют продавцов тому, каким образом внушать покупателям, страдающим от подобных инфантильных *с.р.*, приобрести то, что им не нужно. Это же отношение часто распространяется на брак. Любой мужчина и любая женщина может вступить в брак просто потому, что они натолкнулись друг на друга; а потом, встретив еще кого-то, они быстро меняют предмет своих чувств.

Слабоумные всех уровней и дети проявляют значительную доверчивость; им нравятся сказки и фантастические истории. Чистая выдумка посредством объективизации принимается за реальный опыт. Дети и шизофреники *играют словами и составляют из них каламбуры*. Они создают свои собственные языки. У них обнаруживается негибкость в подходах и стереотипная речь. Национальная коммерция использует этот принцип в рекламе и пытается управлять страной на основе словесных лозунгов и словесных каламбуров.

Многие дети и слабоумные проявляют заметную жадность. Подобно некоторым животным, у них проявляется склонность к коллекционированию предметов, при этом они высоко ценят свои коллекции. Хорошо известная детская игра состоит в том, чтобы заявить собственность на кусок какой-то еды, мотивируя это тем, что «я первый взял». Стяжательство превращается в национальный лозунг и провозглашается наивысшей целью, которая, конечно, становится семантическим источником бесконечных войн и несчастий. Инфантильный правовой принцип «я первый взял», попадая на бумагу в виде названия земли, или подобного же рода «притязания», становится источником ошеломительного богатства для немногих и невыносимых условий жизни для многих.

Дети любят быть с другими, и боятся оставаться в одиночестве. Подобные же тенденции продолжаются Ротари и прочими клубами и ложами. Инфантильные взрослые слишком явно ощущают пустоту в голове, чтобы желать быть в одиночестве. Дети редко сохраняют приверженность к чему-то надолго. Они охотятся за новыми эмоциями, и старые игрушки быстро забываются. Точно так же, взрослые инфанты охотятся за новыми эмоциями, новыми игрушками, будь то дома, автомобили, жены или любовницы.

У детей и слабоумных редко обнаруживаются такие чувства, как стыд, эстетические ощущения или способность ценить красоту. Они любят все странное, гротескное, блестящее и огромное, вещи, которые привлекают и удерживают их внимание. Подобные же характеристики обнаруживаются у незавершенных взрослых. Дети и слабоумные обычно неопрятны и шумны. Если вы пойдете в общественный парк или станете свидетелем «праздника», то это вам ясно продемонстрирует, как ведут себя инфантильные взрослые.

Дети любят доминировать над своими младшими братьями и сестрами и брать на себя ведущие роли в играх. Подобные же семантические характеристики переносятся и во взрослую жизнь, иногда принимая форму садизма. Мы часто наблюдаем инфантильное послушание или

обиды, выраженные в виде сентиментального одобрения или горького разочарования, без какого-либо основания для того или другого.

Самоуважение у идиота мало развито, однако оно играет важную семантическую роль в жизни слабоумных и детей. Инфантильный взрослый также проявляет преувеличенное самоуважение. Контролеры в автобусах и профессора в университетах присваивают себе титулы – даже если это просто «*мистер*». «Джон Смит», если его просто так и назвать, было бы для них оскорбительно. Взрослый оценивает человека по тому, что у него есть в голове или в характере, но инфантильный тип в большой степени судит о нем по *символам* (деньгам), которыми тот обладает, или по виду шляпы или одежды, которую тот носит. Поскольку коммерция не может предложить на продажу мозги, но может предложить брюки и платья, она устанавливает семантические стандарты, по которым человека оценивают по его одежде или по его шляпе.

Говоря о преувеличенном самоуважении, основанном на ненадлежащей самооценке, мы затрагиваем проблемы инфантильной самовлюбленности и чувства собственной важности. Инфантильные взрослые проносят эти свойства еще дальше, теряя способность создавать надежные связи с другими людьми. Любовь родителей к своему ребенку в большой степени основана на том, что это *их* ребенок; инфантильный А «любит» В просто потому, что В «восхищен» А и отказывается ради этого от своей индивидуальности. Как только в В что-то меняется, вся «любовь» А к нему немедленно пропадает. Невероятная озлобленность, которая наблюдается в делах по разводам, регулярно демонстрирует нам ценность такой инфантильной «любви». Такая «любовь» часто основана на чисто эгоистических причинах. Они «любят» то, что они сами для себя представляют, то, что они когда-то представляли, то, что они хотели бы представлять. Инфантильные родители видят в своих детях разного рода таланты, несмотря на то, что здравомыслящий человек со стороны не разделяет их мнения. Инфантильная мать обращается со своим ребенком, как с куклой, играет и веселится с ним, однако скоро устает от него, и ее начинает раздражать вся эта ответственность. Для инфантильного отца ребенок поначалу представляется игрушкой, а потом ненужной помехой.

Инфантильные взрослые мало уважают и плохо переносят жизненную ответственность. Они быстро устают, легко разочаровываются и пугаются. Таким образом, они безответственны, ненадежны и являются источником страданий для тех, кто с ними связан или зависит от них. Эта постоянная неуверенность в них со стороны других становится, возможно, одним из наиболее серьезных источников волнений и несчастий. Поскольку это постоянное состояние, оно производит болезненные нервные потрясения, накопительный эффект которых не может не быть вредным.

Инфантильный индивидуум при этом не может не замечать, что что-то с ним не так, ибо жизнь довольно быстро доносит до него эту идею. Однако в своей самовлюбленности, преувеличенной самооценке, он не замечает собственных недостатков и винит всех и всё, кроме самого себя. Сталкиваясь с «несправедливостью», он терпит разочарование, страх или горечь и впадает в пессимизм. Он не способен справиться со своей ответственностью, и становится разочарованием как отец, муж, друг и, в конечном счете, как человек и как гражданин. Горечь, разочарование и болезненные семантические шоки накапливаются при таких условиях со всех сторон.

Одной из важных характеристик инфантилизма всех степеней выражается в виде эксгибиционизма, побуждения демонстрировать себя, даже когда это выражается в грубом показе себя, своего тела, . Эта склонность весьма распространена, и она приводит к множеству последствий совершенно нежелательного общественного характера. Инфантильные мужчины и женщины в первую очередь влюблены *в самих себя* и волнуются только о том, насколько красиво они выглядят. Они тратят большую долю своего дохода и жизни на платья и макияж, что, конечно же, не имеет никакой общественной ценности. Подобные типы живут в инфантильном мире и общественно бесполезны, и часто просто паразитируют на теле общества. Часто те, кто поддерживает их, разрушает свою собственную жизнь ради удовлетворения этих инфантильных семантических характеристик.

Зачастую инфантильный эксгибиционизм также приводит к выбору карьеры. Большинство дипломатов, политиков, профессиональных военных, проповедников, актеров, боксеров, борцов, спортсменов, многие юристы и общественные ораторы, если перечислить только некоторых, выбрали такую профессию из-за этой инфантильной склонности. Следует обратить внимание на то, что в этом списке мы найдем наиболее важные профессии, которые на данный момент определяют наши судьбы. Королевские семьи, наследственные правители и многие плутократы живут в настолько сказочных условиях, что они просто не могут не страдать от семантических извращений.

Эта патологическая тенденция, вероятно, является причиной того, что наша так называемая цивилизация, находясь на инфантильном асоциальном уровне, основана, во всей своей эгоистичности, на «чувстве» удовольствия, власти, жестокого соперничества, жадности, . Следует также отметить, что целые «философии», такие как теизм, прежняя онтология, телеология, материализм, солипсизм, англо-саксонская философия эгоизма и разные прочие военные и коммерческие философии ясно проявляют эти инфантильные характеристики. Коммерция, «закон о спросе и предложении», в виде побочного продукта, часто следует из инфантильного мировоззрения. Тем, кто интересуется проблемами политики, экономики, социологии, войны и мира, , стоит исследовать эти проблемы с данной семантической точки зрения. Как хорошо сказал Бэрроу (Burgow), проблемы войны больше относятся к области психиатрии, чем к области дипломатии.¹⁶

Многие женщины на данный момент все еще инфантильны, весьма мало развиты как человеческие существа; они сами по себе являются эксгибиционистками, а также *поощряют эксгибиционизм*. Так что нам не следует удивляться тому, что эти характеристики, эта необыкновенная страсть к блестящим пуговицам и к полкам, марширующим к собственному уничтожению, способствуют ведению войн. Во время русской революции 1905 года царские солдаты были на улицах. Но женщины их тогда не «любили». Маленькие дети плевались на них из-за углов. В результате очень скоро эти солдаты *просто отказались нести столь неодобряемую службу*. Я знаю множество случаев, связанных с мировой войной, когда, вопреки всем связанным с нею ужасам, многие сожалели о том, что она закончилась, из-за того самого инфантильного одобрения, которое проявляли их женщины к их «славе», и инфантильного возбуждения, которое испытывали сами солдаты, глядя на блестящие пуговицы, слыша военную музыку и участвуя в парадах. В прежней системе милитаризм, религиозизм, легализм и коммерциализм жестко связаны друг с другом подобными *с.р.* Исключите хотя бы одно из них навсегда, и прочие мгновенно устареют или развалятся. Наши инфантильные женщины, без сомнения, в течение многих столетий поощряли эти инфантильные общественные заболевания.

Будущая война, возможно, автоматически выведет эти проблемы на передний план. Это будет крайне опустошительная (и куда менее красочная) воздушная война, в которой не будет пощады ни женщинам, ни детям. И тогда, может быть, некоторые из этих инфантильных женщин наконец *обнаружат м.п реальность*, и тем самым помогут положить начало новой эре человеческой зрелости. Мужчины всегда зависели в своих стандартах от желаний женщин.

У инфантильных стран мы также наблюдаем большую степень эксгибиционизма, маниакального увлечения спортом, одеждой, роскошью, шумным поведением, парадами, униформами, «военными академиями», военными маршами, . «Серьезные», хотя и инфантильные, «бизнесмены» любят расхаживать по улицам, облаченные в костюмы маленьких мальчиков или цирковых артистов, давать себе некие «торжественные» звучные и пустые титулы, играть с мечами, с которыми они не умеют обращаться, . В международных делах, конечно же, страны с наиболее выраженными инфантильными семантическими склонностями будут стараться держаться подальше от взрослых международных объединений. В связи с этим немедленно приходит на ум отношение Соединенных Штатов к Лиге Наций и отношение Великобритании к проекту европейской конфедерации.

Инфантилизм имеет еще одно серьезное и вредоносное влияние на проблемы вида; а именно, посредством половых желез, гонад, на «любовь» и другие виды деятельности. Следует осознавать и подчеркивать тот факт, что половые железы функционируют не только как

«половые» железы в обычном понимании этого слова, но больше как *железы внутренней секреции*, оказывая гигантское влияние на все жизненные и «мыслительные» процессы; *А*, *н*-*э*л ориентация никогда не должна упускать это из вида.

Различные последствия кастрации хорошо известны, повторять их тут нет необходимости. Однако взаимосвязь половых желез с вилочковой и щитовидной железами представляют для нас интерес. Сам термин «гонада» означает «репродуктивная железа», которая производит яйцеклетки или сперматозоиды. Вилочковой называют железу бледно-розового цвета, которая находится в верхней передней части грудной клетки. Она доходит до основания шеи и почти вплотную до щитовидной железы. Щитовидной называют темно-красную железистую массу, состоящую из двух долей, которые лежат по обе стороны от верхней части трахеи и нижней части глотки. У женщин и детей вилочковая железа относительно больше, чем у взрослых мужчин.

У людей вилочковая железа развивается до второго года жизни, а затем резко уменьшается, до такой степени, что к половозрелости от нее остаются еле заметные следы. В определенных случаях, связанных с *остановкой развития* или общей слабостью в отрочестве, вилочковая железа сохраняется. Кастрация в юном возрасте приводит к сохранению вилочковой железы. Обычно эта железа атрофируется до того, как созревают и начинают функционировать гонады. У некоторых низших животных эта железа пропадает не так рано, как у людей. Вилочковая железа телят обычно считается деликатесом и употребляется в пищу.¹⁷

Атрофия щитовидной железы у взрослого человека обычно приводит к ухудшению «умственных» способностей. Замедляется речь, затормаживается деятельность мозга. Если секретов этой железы не хватает в детстве, то получается то, что называют кретинизмом. Избыточная активность щитовидки производит состояние, известное как базедова болезнь. У многих женщин при каждой менструации заметно увеличивается щитовидка. Хирургическое удаление щитовидки до достижения половозрелости приводит, среди прочего, к симптомам кретинизма, недоразвитости яичников, так что половозрелость частично откладывается или вообще не происходит.¹⁸

Даже этих немногих фактов достаточно для того, чтобы дать нам понимание того, что когда мы имеем дело с «инфантилизмом», «остановившимся развитием» или «регрессией», или «взрослением», мы сталкиваемся с фундаментальными *н*-*э*л семантическими жизненными проблемами, которые структурно связаны с организмом-как-целым. Блейлер (Bleuler) так описывает расстройства эмоциональной сферы: «Так называемые психопаты на самом деле практически все без исключения или в основном *тимопаты*. [Вилочковая железа на латыни – тимус. ОМ.] Более того, поскольку эмоциональная сфера доминирует над всеми другими функциями, ей достается ведущая роль в психопатологии вообще, даже когда речь идет о мелких отклонениях, не только в плане нездоровых проявлений, но гораздо шире, в плане расстройств в любой сфере, именно эмоциональные механизмы изначально запускают все наблюдаемые нами проявления. То, что мы называем психогенным, по большей части является тимогенным. Влияние эмоций на ассоциации приводит к возникновению бреда, систематического расщепления личности и истерическим сумеречным состояниям; подавленная боль является источником большей части невротических симптомов, в то время как повреждения и облучение мозга дают начало навязчивым идеям, наваждениям и прочим подобным механизмам».¹⁹

Тимус не только является чисто детской железой, но взрослые гонады начинают функционировать только тогда, когда прекращается функция тимуса. Если же тимус продолжает существовать, то тут часто наблюдается остановившееся развитие и психопатологические расстройства, связанные с инфантилизмом. Следует помнить о том, что в организме не все «причинно-следственные» последовательности относятся к типу отношений *один к одному*, но большинство относятся к типу *множество к одному*. Следовательно, семантическому расстройству невозможно немедленно приписать конкретный механизм расстройства. Однако большинство расстройств имеют достаточно много структурных,

функциональных и коллоидальных механизмов, которыми их можно было бы объяснить, хотя точная их работа на данный момент, 1933 год, в большинстве случаев неизвестна.

Психопатология и опыт показывают, что «самовлюбленность», «самодостаточность», инфантилизма обычно сопровождаются значительными сексуальными расстройствами, которые, с точки зрения вида, являются не менее важными, чем расстройства семантические.

Инфантильные типы часто обладают «очаровательными» особенностями. Такие женщины «сладкие» и «милые»; такие мужчины «компанейские» и «популярные». Противоположному полу часто нравятся такие характеристики. У мужчин появляется сочувствие в отношении «беспомощной маленькой девочки», или проявляются прочие педофилические склонности. (Педофилией называют «умственное» расстройство или желание иметь отношения с детьми, и это часто обнаруживается у страдающих старческим слабоумием и имбецилов). У женщин чувство материнства приводит к тому, что им могут нравиться инфантильные мужчины. Очарование ребенка в большой степени связано с его нарциссизмом, его самодостаточностью и отстраненностью. Определенные животные, такие как кошки или более крупные хищники, восхищают нас, поскольку они не проявляют к нам никакого внимания и являются недоступными. Однако у этого «очарования» есть и другая, весьма трагическая сторона. Такие инфантильные типы не могут брать ответственности; их привязанности поверхностны и ненадежны; они знают, как брать, но не знают, как давать. В жизни, такие связи неизменно приводят к огромному несчастью и часто – к катастрофам. Дети, которые рождаются у таких инфантильных пар, обычно терпят в жизни полный крах вследствие отсутствия родительского понимания и заботы. Вместо того, чтобы симпатизировать таким типам, семантически зрелым мужчинам и женщинам следовало бы избегать их или предложить им психиатрическую консультацию.

Инфантильные типы неизменно проявляют то или иное сексуальное расстройство, которое также еще более усложняет их семейные и общественные трудности. Такие мужчины часто являются импотентами; а женщины – фригидными. Даже если такой взрослый инфант вступает в брак и имеет возможность вести нормальную жизнь, у него сохраняются привычки онаниста и гомосексуалиста. Следует отметить очень важный *А, нон-эл* факт. Поскольку организм работает как целое, «умственные» компоненты следует рассматривать в соединении с сексуальной жизнью. Инфантильный тип как бы все еще находится на органически-эротической стадии. Он жаждет только чувственного удовлетворения. С точки зрения теории психического здоровья, *проституция является замещением онанизма*. У взрослых инфантов мы очень часто обнаруживаем либо импотенцию, фригидность, онанизм и гомосексуализм как простые формы остановившегося развития или регрессии, либо более крайние формы, такие, как многие разновидности проституции. Инфанты не только впадают в разврат, но также выстраивают замысловатые рационализации и оправдывают собственные инфантильные склонности «теориями» о «нормальности» такого поведения. Многие преступники, профессиональные «вампы» и профессиональные «похитители сердец» относятся к этому типу. Интересно заметить, что многие «умственные» болезни связаны с различными онанистическими рационализациями. Часто это проявляется в виде преувеличенной склонности к чистоте, постоянном мытье рук. Когда у шизофреника-онаниста возникает меланхолический настрой, он рационализирует свои проблемы как то, что он «гниет за свои грехи». Когда у него проявляется маниакальный настрой, он ощущает, что он «спаситель человечества».²⁰

Во всех подобных случаях семейная жизнь оказывается очень несчастливой, и будущее детей, развивающихся в таких условиях, неизменно оказывается мрачным. Детям нужна здоровая семья и семантические условия для того, чтобы развиваться в здоровых индивидуумах.

Большинство профессиональных преступников и проституток имеют инфантильные черты. Независимо от своего интеллекта, обычно они не проявляют способности смотреть в будущее. Они проявляют эгоизм, хвастовство, эксгибиционизм. Бандиты любят помпу; их похороны, как правило, очень пышные, -- они даже после смерти хотят «покрасоваться». Преступники редко бывают хорошими отцами или матерями. Они жестоко относятся друг к другу и обычно являются развратниками. С этической точки зрения они ведут себя как обыкновенные

моральные имбецилы, не осознавая до конца то, что они делают. Я не являюсь сторонником запрещения смертной казни на сентиментальных основаниях, но я полагаю, что *просвещенное* общество должно запретить любое *наказание* в отношении больных индивидуумов. «Умственно» больной преступный тип должен либо получить лечение, либо быть исключен из общества с какой-то научной пользой, но *не* в виде *наказания*. Профессиональные преступники вряд ли когда-либо смогут «морально преобразоваться» или стать полезными членами общества, если только применение медицины не исправит их патологические *с.р.* В отсутствие научного внимания они практически всегда будут оставаться социально опасными индивидуумами. Если мы хотим вырасти из современного инфантилизма, следует поощрять эксперименты над людьми. Современные эксперименты над животными очень гуманны, в них исключено какое-либо страдание. Преступников, осужденных на смерть, следовало бы передать ученым для экспериментов. Они бы не страдали. В конце концов, возможно, они бы и умерли, но с пользой для всего остального человечества, благодаря важным научным открытиям, которые могли бы быть сделаны. В настоящее же время мы просто «мстим», «наказываем», по большей части больных индивидуумов, при этом всерьез ожесточая семантическое влияние этого на всех остальных людей. Нет ни малейшего сомнения в том, что если эксперименты будут ограничиваться исключительно животными, независимо от их полезности, они не смогут решить многие из проблем Иванова. Эксперименты над людьми – это важно, и их следует разрешить. Большинство известных преступников, которые отправляются на эшафот, по меньшей мере, представляются инфантильными. Было бы весьма поучительно провести эксперименты на таких индивидуумах касательно их тимуса, . Список экспериментов, которые следовало бы провести науке, довольно длинен, однако для них отсутствует материал. Позвольте мне повторить, что современная наука может проводить эксперименты без причинений страданий индивидууму, вопреки тому факты, что некоторые из этих экспериментов будут опасны и могут легко закончиться безболезненной смертью субъекта. Уничтожение преступников (больных индивидуумов) в виде «мести», «наказания» или «правосудия» на самом деле крайне устарело, выглядит варварством и *разбазариванием ресурсов* для просвещенного общества. Если общество хочет *уничтожить* их, общество может это сделать; но, по крайней мере, давайте делать это без ненужной жестокости и боли, а с великой пользой для знания, по возможности.

Уничтожение инфантилизма должно рассматриваться не только как личное дело индивидуума; оно становится *международной семантической проблемой*; и такое международное учреждение, как Лига Наций, могло бы породить новую эру, положив начало фундаментальным исследованиям данного предмета.

Инфантилизм в его национальных аспектах распределен неодинаково. Некоторые страны инфантильны более прочих. В некоторых странах даже студенты университетов проявляют заметную недоразвитость для своего возраста. Бэрроу (Burrow) пишет о том, что анкета, распространенная среди студентов известного университета в Соединенных Штатах Америки, показала наличие поразительно высокого процента онанизма и гомосексуализма.²¹

Следует также отметить, что даже не все ученые свободны от инфантилизма. Многие из них подобны детям в том плане, что они в реальности вовсе не заботятся о науке, цивилизации или обществе, они являются *асоциальными* и просто любят играть со своими игрушками. В качестве оправдания (рационализации тенденций и «эмоций»), они обычно проповедуют «науку ради науки», не осознавая, что заверченный взрослый должен стать *социализированным* индивидуумом и не может считать себя превыше общечеловеческих интересов, и что наука представляет собой *общественную* времясвязывающую деятельность и интерес, а не частное удовольствие или источник пользы для какого-то одного человека.

Раздел D. Конструктивные предложения.

Как мы уже видели, юное дитя не может быть «осознающим абстрагирование», но может постепенно приобрести такое свойство с опытом. Упорядоченный опыт вида называется наукой. У каждого из нас есть склонности и, в какой-то степени, способности развивать науку.

Главной целью подобного видового упорядоченного опыта является избавление от усилий и ненужных переживаний, с тем чтобы ребенок мог начать с того места, до которого добрался его отец (временная связь). Проблема осознанности абстрагирования должна быть сформулирована наукой и стать доступной для семантического обучения. И это должно соответствовать главному требованию к науке – избавлению от переживаний и усилий, предсказанию будущего, помощи в овладении внешней и внутренней «природой», для того чтобы привести к семантической и физической приспособленности.

Если мы обучаем и тренируем детей в осознанности абстрагирования, мы избавляем их от гигантского количества усилий, которые было бы необходимо предпринять для того, чтобы в конце концов приобрести его самостоятельно, а также убираем великое множество ненужных страданий и разочарований. Здесь нет никакой опасности «убить радость от жизни»; как раз наоборот. При осознанности абстрагирования радость от жизни заметно увеличивается. Мы избавляемся от страхов, шоков и подобных нежелательных семантических переживаний. Мы достигаем до полной взрослости; и когда тело созревает для того, чтобы бросить вызов жизни и взять на себя ответственность за нее, мы делаем это, и находим в ней радость, так как наш «ум» и наши «эмоции» также зрелы. Эта осознанность абстрагирования приводит к интегрированной, семантически сбалансированной и приспособленной взрослой личности. Радости, удовольствия и «эмоции» при этом не пропадают, так как этого и не может быть, с учетом структуры нашей нервной системы и «умственного» здоровья, однако все это «сублимируется» до более высоких взрослых человеческих семантических уровней. Жизнь становится более полной, и индивидуум прекращает быть фактором раздражения и опасностью для себя самого и для других.

С точки зрения рода, если развитие индивидуума становится нормальным, мы должны вырасти за пределы инфантильных органически-эротических фиксаций и эл языков и инфантильных систем во всех областях. $\bar{A}$ -система, в соответствии с наукой года 1933 ($\bar{E}$, $\bar{N}$ системы), станет человеческим звеном, применяющим научные стандарты оценки к делам Ивана.

С прежним инфантилизмом и практически общим отсутствием полной осознанности абстрагирования, страхами, фобиями, болезненными «эмоциональными» шоками, человечество не могло не страдать от значительных, продолжительных и злобных семантических и нейробиологических последствий в отношении всего вида. У такого вида никогда не было шанса развиваться до настоящей взрослости. Каковы будут результаты для вида от такого преобразования – на данный момент это предвидеть невозможно; но одно можно утверждать определенно, что результаты эти будут весьма далеко идущими.

Для того, чтобы лучше оценить то, чего можно добиться с помощью осознанности абстрагирования, следует разъяснить два момента. Большинство молодняка рыб не знает своих родителей, и с самого начала их жизнь проходит без какого-либо влияния со стороны родителей. Человеческое дитя беспомощно и в течение сравнительно долгого времени находится под родительской опекой. Его *с.р.*, следовательно, формируются «умственно», «эмоционально», доктринами, табу, структурой языка, , родителей, . Когда мы говорим о человеческом ребенке, мы ни при каких обстоятельствах не можем рассматривать его в искусственной изоляции, которая никак не связана с *м.п* реальностью. *Оба*, и родитель, и ребенок, должны быть «осознающими абстрагирование». Только при таких семантических условиях можно получить полную пользу. Если родители осознают абстрагирование, и осознают, что их ребенок представляет собой, кроме прочего, организм, способный к абстрагированию на высших порядках, который осознанно или неосознанно в той или иной форме регистрирует все, что происходит, то большинство современных несчастий, «комплексов», , просто не смогут появиться.

Еще одну важную, однако обычно упускаемую из вида характеристику, также следует здесь упомянуть. Известно, что *повторяющиеся* «эмоциональные шоки» в детстве наносят вред. Как показывают эксперименты Уотсона (Watson), ребенок обычно рождается безо всяких «страхов» и «фобий». Однако «страхи» и «фобии» не являются результатом *простого сложения*

(линейной функцией), а соответствуют другой более сложной функции высшей степени. Если обозначить органический потенциал ребенка через f , а данное событие через x , то результатом воздействия x на жизнь ребенка будет реакция $f(x)=F_1$. Эта F_1 обозначает тот вывод, или абстракцию, которая возникнет из x . Когда произойдет другое событие y , реакция ребенка уже не будет соответствовать $f(y)$, потому что это новое событие обычно воспринимается ребенком в свете предыдущего переживания $f(x)=F_1$. Следовательно, его воздействие на ребенка будет другим; а именно, $F_1(y)=F_2$. Если же произойдет новое событие z , ребенок в своих «чувствах», среагирует как $F_2(z)=F_3$. Соответственно, мы видим, что «страдания» и, в общем, *с.р* не являются *простой суммой*, но могут следовать некоей функции более высокого порядка. Данный процесс представляется общим, возможно даже необходимым, и при этом он все же связан со множеством опасностей, которые можно полностью устранить с помощью *одного только* приобретения осознанности абстрагирования.

На практике, когда мы тренируем у ребенка осознанность абстрагирования, мы начинаем ограничивать этот опустошительный семантический процесс накопления «страданий» на «страданиях». Давайте предположим, что мы начали тренировать ребенка, у которого уже были болезненные переживания. Его воспоминания все еще свежи, все еще живы; ему довольно легко снова переживать их. Обладая осознанностью абстрагирования, и, соответственно, надлежащей оценкой, которые его проясняют, дальнейшие «страдания» будут заставлять его «страдать» все меньше и меньше, до достижения момента, когда сам этот процесс не остановится полностью. В том случае, когда ребенку был нанесен некий семантический ущерб до того, как он стал осознующим абстрагирование, воспоминания все еще будут оставаться свежими, а он сможет применить свой новообретенный семантический иммунитет в отношении вредных «страданий». Новые «страдания» на практике обычно связаны друг с другом или похожи на предыдущие; они будут «оживлять» более ранние страдания. Соответственно, он может не только «пережить» свои более ранние переживания, но и немедленно пересмотреть их, и после переоценки исключить любые вредные последствия.

Семантические «эмоциональные боли» накапливают нервную энергию и блокируют полное развитие наших способностей. Напрямую приобретается осознанность абстрагирования, огромное поле «бессознательного» сокращается, и нервная энергия, которая была задействована в борьбе с семантическими фантомами, высвобождается. Мы можем ожидать проявлений более сфокусированного и продолжительного внимания, роста интереса и других творческих проявлений. Осознанность абстрагирования, приводя к надлежащей оценке, не только устраняет множество ненужных страданий и семантических расстройств, но также вместе с этим действительно высвобождает запасы энергии для полезных и творческих целей.

Мозг человека обладает широкими областями, функции которых на данный момент не определены сколь-либо точно. Возможно, с прежде имевшим место *отсутствием* осознанности абстрагирования поток нервной энергии был направлен неверным образом или поглощался прежними каналами «чувств» и «мышления» в нижних центрах. Вследствие чего оставшейся доступной энергии было недостаточно для того, чтобы задействовать высшие центры в полную силу.

Личные семантические трудности всегда представляются очень личными, и никакой посторонний не может никогда полностью понять ситуацию. Одно из преимуществ предлагаемого тут метода обучения психическому здоровью состоит в том факте, что мы *не* влезаем в личные дела индивидуума, вместо этого мы даем общий структурный семантический *метод*, с помощью которого каждый может решить свои проблемы *самостоятельно*.

Мы установили четкие отличия между «человеком» и «животным». Эти отличия следует рассматривать как отличия высшего порядка, так как термины «человек» и «животное» применяются к абстракциям высшего порядка. Мы обнаруживаем, что «человек» посредством невежества и неадекватных *с.р* может копировать животных в своих нервных реакциях. Подобное копирование проявляется либо в виде остановившегося развития, либо в виде регрессии. Работая с терминами «сознание» и «бессознательность», мы открыли общее и человеческое содержание для *человеческого* «сознания»; а именно, «осознанность

абстрагирования». Это приписывание *общего содержания* упраздняет широкую область «бессознательного», и тем самым дает возможность противодействовать остановившемуся развитию, инфантилизму, регрессии. , везде, где это возможно. Вводится проблема создания *структуры* языка, подобного на текущий момент той структуре событий, который он отображает. Завоевания науки внедряются в повседневную жизнь через применение этого *нового языка*. Эта *структура* является общей как для науки, так и для языка, и представляется тесной связью между наукой и *человеческой* жизнью. Массы получают простое структурное и семантическое средство адаптации.

Теория психического здоровья должна обратиться к проблемам «истины», «лжи», «подавления», . Поскольку основной пользой от этой теории является способствование достижению наиболее эффективной работы нервной системы путем устранения расстраивающих ее семантических факторов, «настроений», доктрин. , нужно исследовать то, какой эффект могут оказать ложные (или подавленные) утверждения на работу нервной системы.

Например, если мы *видим* что А, В и С приводятся в порядке А, В, С, подобные абстракции низшего уровня запускают циклы нервной системы, соответствующие *увиденному* порядку. Если мы *видим* порядок А, В, С, а *утверждаем ложно*, что порядок выглядит как С, В, А, это утверждение также приводит к неким циклическим нервным потокам. Очевидно, что при этом *в работе данной системы возникнет некий конфликт и расстройство*. Если мы допускаем ошибку, тут ситуация другая. Скажем, множество наблюдателей определенно установило, что данный порядок выглядит как А, В, С. Новый наблюдатель *по ошибке* выдает порядок как С, В, А. Его нервные потоки соответствуют этой ошибке, и когда он делает *истинное утверждение* о том, что он видел С, В, А, это утверждение также связано с соответствующими нервными потоками, и *никакого* конфликта или расстройства между соответствующими нервными потоками не возникает. Увиденное и доложенное соответствуют друг другу.

Легко сделать вывод, что ошибки и намеренная ложь имеют разные механизмы. Ошибка, которая приводит к субъективно истинному, но объективно ложному утверждению, не порождает нервно-расстраивающих факторов. Намеренно ложные утверждения о фактах связаны с семантическими конфликтами и расстройствами в функционировании нервной системы. Подобным образом «подавленный» материал приводит к постоянному наличию конфликтующих нервных потоков. Нервная энергия тратится на конфликты и борьбу, в то время как она требуется для конструктивных целей.

В научной работе имеются подобные же проблемы. Мы собираем различные абстракции низшего порядка и потом делаем о них абстракции высшего порядка. Когда эти два различных порядка абстракций структурно отлично соответствуют друг другу, мы удовлетворены и наслаждаемся полученной гармонией. Если они конфликтуют, мы ощущаем тревогу. Часто ученые тратят годы или даже жизни на то, чтобы сформулировать абстракции высшего порядка, которые не имеют структурного конфликта с низшими абстракциями. Тогда они чувствуют удовлетворение. Ученым хорошо известно ощущение «умственной» боли и дискомфорта. Творческая работа происходит благодаря такому дискомфорту. *Нетворческие* люди не переживают ничего подобного, но также и не создают ничего важного.

Проблемы структуры, корректного символизма, оценки, построения абстракций высшего порядка, которые структурно были бы подобные абстракциям низшего порядка. , должны обрести нейрологическую важность и исследоваться с этой точки зрения. Ученые должны постараться исключить эти ненужные конфликты. Те, кто не ощущает конфликтов, могут, тем не менее, оказаться настолько вовлеченными в них, что у них просто не остается свободной нервной энергии на то, чтобы преодолеть это. Некоторые такие попытки делаются эмпирически в семантической терапии. Психиатр старается обнаружить и устранить семантический конфликт, тем самым высвобождая нервную энергию, которую можно направить на полезную работу.

На уровне вида и страны, политические и экономические системы. , *основанные на лжи и подавлении истины*, должны приводить к дисбалансу работы нервной системы у людей.

Поскольку они являются результатом инфантильных *с.р* вида, они распространяют остановившееся или регрессивное развитие среди той части вида, на чьи *с.р* они могут воздействовать. Как обычно, тут тоже работает замкнутый порочный круг. $\bar{A}$ -система проливает совершенно новый свет на значение науки в жизни человека. Радио, с характерной для него возможностью постоянно слушать джаз или бредовые призывы к «возрождению», как и изобретение больших и лучших средств для уничтожения людей не являются основным *практическим* предназначением науки. *Обобщенная* наука представляет собой научный метод и обнаружение структуры событий, к которой должна быть подстроена структура нашего языка, если мы не хотим, чтобы этот повседневно и всеми используемый инструмент стал источником опасных семантических трюков.

«Наука о человеке» должна следовать за наукой (1933) в плане структуры и метода. *Психическое здоровье возможно* только при условии принятия современной «научной метафизики» в том виде, как она дается наукой в данный момент. Переход от инфантильной «цивилизации» ко *взрослой цивилизации* с более полной человеческой жизнью и счастьем придет вместе с развитием научной цивилизации, обладающей научными стандартами оценки. Но переход этот не будет легким. Как мы уже видели, наука связана с эмоциональными аспектами, и многие ученые все еще представляются инфантильными. Для того, чтобы войти в эру *взрослой цивилизации*, нам для начала нужны неинфантильные лидеры, которых нужно создавать посредством соответствующего образования. Для этого требуется много исследовательской работы в тех направлениях, которые были описаны в данной работе, и основание кафедр общей семантики и психофизиологии в университетах. Образовательные методы должны быть радикально пересмотрены, и экспериментирование должно поощряться в самых широких рамках.

В 1933 мы уверенно знаем, что в физико-химических и коллоидальных структурах мы находим состояния с практически бесконечными возможностями, соответствующими очень большим числам семантических состояний и реакций. Медицинская практика показывает экспериментально, что великое множество физических симптомов связано с некоторыми коллоидальными состояниями, производимыми семантическими расстройствами; поскольку при устранении этих расстройств физические симптомы пропадают. Гигантское количество наблюдаемых и возможных разнообразных *с.р* нельзя объяснить прежними, все еще доминирующими, *эл*, *A*, двух- или трехзначными взглядами и тягостными и крайне ограниченными теориями о химическом «прохождении различных веществ» через нервную систему – ибо процесс этот с необходимостью будет медленным.

Действительно, каждый студент-медик знаком с коллоидальным поведением, однако это знание не получило ни должного веса, ни постоянного применения, поскольку коллоидальное поведение олицетворяет собой физико-химические процессы, связанные с электромагнитными процессами, процессами высокого давления, и прочими проявлениями, которые вообще невозможно рассматривать посредством *эл*, *A* методов. Таким образом, врач, не обученный $\bar{A}$ общей семантике, не сможет «мыслить» в коллоидных и физико-химических терминах, которые в 1933 являются единственными современными способами работы с организмом-как-целым. Все это куда более серьезное дело, чем это может представляться обывателю или даже врачу, и это объясняет тот факт, что вопреки разнообразным достижениям и открытиям, медицина на практике становится все более и более неудовлетворительной. Это также объясняет то, почему средний врач не может понять важность психиатрии для общей медицины, и почему некоторые психиатры увлекаются ненаучной и сомнительной метафизикой. Так, врач общей практики, который «мыслит» исключительно серьезно устаревшими химическими и физиологическими терминами, работает с несуществующим, искусственно изолированным *A* и *эл* «телом», и не может усвоить необходимость *нон-эл*, $\bar{A}$, физико-химического, коллоидального взгляда, который соединяет понятия «тела» и «ума». Большинство психиатров, в свою очередь, и по подобным же причинам, часто обладают слишком завышенными метафизическими взглядами, неприемлемыми для врача общей практики. Похоже, они не осознают, что у них в распоряжении имеются коллоидальные и физиологические механизмы, а также физико-

математические формулировки, основанные на четырехмерном порядке, и что они, следовательно, не нуждаются ни в какой сомнительной метафизике. С современной $\bar{A}$ семантикой единственно допустимым научным взглядом (1933) должен быть взгляд коллоидальный, физико-химический и физико-математический, в котором будет найдено давно искомое *нон-эл* решение проблемы «телоума». Трудности, с которыми я сталкиваюсь, носят общий характер и зависят от фундаментальных принципов, пренебрежение которыми приводит к возникновению семантических блокирующих факторов, в настоящее время влияющих на студентов-медиков, из числа которых лишь немногие исключения являются научно подкованными индивидуумами, способными вырваться из этого круга. С данной точки зрения прежняя рефлексология также неудовлетворительна и требует $\bar{A}$ переформулировки.

Данная система, хотя она далека от полного завершения, уже предлагает *эмпирическое подтверждение* множества наиболее важных структурных вопросов. *Только* эксперименты могут решить, какие словесные структуры являются подобными эмпирическим структурам, и эти эксперименты должны поощряться в самых широких рамках. Также требуется проделать некоторую дальнейшую теоретическую работу. В клинической литературе описывается множество новых и неожиданных фактов. Эти факты следует описать заново на новом языке, чтобы убедиться в том, какие соотношения выживут при преобразовании форм представления. Так, если обнаружится, что *все* «умственные» заболевания во *всех* различных формулировках будут указывать на *ненадлежащую оценку*, то мы можем обоснованно сделать вывод, что *оценка* представляет собой инвариантную общую характеристику деятельности человеческого организма как целого и, следовательно, она должна обладать необыкновенной важностью для приспособления и психического здоровья. Когда мы придем к этому выводу, нужно будет провести исследование *механизма оценки*, начиная с самых простых вопросов; а именно, с исследования тех факторов, которые делают *надлежащую оценку невозможной*. Мы должны обнаружить, что отождествление во *всех случаях* делает *надлежащую оценку невозможной*, и затем сделать вывод о том, что отождествление должно быть полностью исключено до того, как мы сможем сделать дальнейшие шаги. На самом деле, как только мы достигнем этих довольно очевидных результатов, вся остальная часть $\bar{A}$ -системы оттуда последует. Но этого будет недостаточно; мы должны подтвердить эти выводы *эмпирически*, а это напрямую предполагает необходимость проведения конкретной серии экспериментов.

В больницах для «умственно» больных следует выбрать две группы пациентов одинаковой численности, проявляющих похожие клинические симптомы, и изолировать их друг от друга. Врач, сам прошедший $\bar{A}$ обучение, должен постараться перетренировать *с.р* одной группы. Другая же группа не должна проходить переобучения, но получать лечение обычным пассивным и стандартным образом – это будет контрольная группа. Один врач должен начальствовать над обеими палатами и вести подробные записи истории болезни и лечения. Ожидается, что к концу года в палате, которая проходила обучение по $\bar{A}$ стандартам оценки, произойдет большее число неожиданных и спонтанных выздоровлений, чем в необучаемой группе. Было бы крайне показательно также сделать больше двух групп и попытаться применять различные групповые методы, следуя какой-нибудь другой медицинской школе, основанной на другой системофункции. Пассивное отношение к пациентам не должно меняться, так как при прежних методах врачи в «умственных» больницах скорее являлись священными хранителями, чем медиками. Это то, что предполагает теория. Только эксперименты могут показать правильность этих выводов. В отдельных особых случаях данная теория уже была подтверждена, однако ее следует испытать именно как групповой метод, и, при достижении успеха, только тогда больницы для «умственно» больных станут больницами, а не местами содержания под стражей.

Не помешает к этому всему также добавить пару слов о психотерапии. Во времясвязывающем классе жизни мы должны принимать в расчет исторические четырехмерные переживания вида, которые, даже в индивидуальных случаях, имеют здоровые нейрологические основания, поскольку известно, что нервные реакции подвержены влиянию прошлых переживаний. История учит нас тому, что работа некоторых людей повлияла на большие массы

человечества на многие годы, а работы других оказали лишь малозаметный в общем масштабе и непродолжительный эффект. Соображения о доктринальных функциях и системофункциях дают этому факту довольно простое объяснение. Чем больше возраст индивидуума или вида, тем больше структурных наблюдений они накапливают, и тем больше они замечают структурное несходство собственных форм представления с фактами первого порядка, с которыми они сталкиваются. Так как подстройка в общем полезна, индивидуумы, а также группы, и особенно ученые, всегда стараются обнаружить больше структурных данных о мире и о самих себе. Этот процесс, среди прочего, требует сравнения структуры форм представления со структурой мира и самих себя. Так называемые «прогресс», «цивилизация» и наука зависят от этого.

В этой конкретной области достижения могут быть двойными:

1) Некие индивидуумы создают *новую* системофункцию, с новой структурой, более подобной нашему миру. (смотрите Главу XI). В подавляющем большинстве случаев эта новая системофункция *не* сформулирована в *явном виде*, она присутствует скрыто в некоторых явных частных и отдельных толкованиях или особенностях системы того, кто ее открыл. Рождение новой системофункции обычно является самым важным событием, и не зависит от конкретных значений, придаваемых ее создателем переменным в этой функции. В подобных случаях, данный создатель получает множество последователей, и появляется возможность возникновения множества доктрин и систем, обладающих одной и той же доктринальной функцией или системофункцией. Содержание этих доктрин может меняться, но все они будут обладать *одной структурой*. Важность этой новой доктрины или системы содержалась не в частном ее толковании и не в назначении конкретных значений ее переменным, но в лежащей в ее основе доктринальной функции или системофункции, ибо *только она одна обладает явной структурой*, которая излагается постулатами, формулирующими данную функцию.

2) Некоторые индивидуумы *не* создают никакой явной или неявной новой доктринальной функции или системофункции с новой структурой, а просто приписывают новое частное значение переменным в некоей *одной* доктринальной функции или системофункции, созданной другими. Эти работники довольно часто горячо защищают то частное конкретное значение, которое они решили приписать некоей переменной, и часто пребывают в полном неведении касательно серьезного долга, который у них есть в отношении создателя новой функции, которой они воспользовались. Однако такие работы никогда не становятся вехами в прогрессе человечества и обычно довольно скоро забываются.

Из-за пренебрежения изложенными тут соображениями, должная оценка различных доктрин и систем крайне затруднена, и даже в научных кругах наблюдается поразительное отсутствие ориентации в этой области. Видимо, недостаточно просто создать «новую теорию» для того, чтобы внести важный вклад в знание; существенно создать новую доктринальную функцию или системофункцию, потому что только они имеют структурную значимость. Эта точка зрения, возможно, разрешает те гигантские и на данный момент нерешенные трудности, с которыми мы сталкиваемся при сведении доктрин к наборам постулатов, что, понятное дело, желательно, но весьма трудновыполнимо. Так, для выявления доктринальной функции или системофункции, которая лежит в основе некоей теории, *нам нужно избавиться ее от всех случайных значений, частным образом приписанных переменным, и сформулировать только инвариантные отношения, которые вводятся между этими переменными*. Обнаружение этой функции также эквивалентно обнаружению *структуры* данной теории.

Можно считать, что психоаналитическое и психотерапевтическое движение было порождено работой Фрейда. Эпохальная значимость его работы отражается в том факте, что в основе его специальной теории можно выделить новую системофункцию. Все прочие школы просто приписывают разные значения этим переменным, но не создают, со структурной точки зрения, новых системофункций; они представляют собой различные системы, которые построены на одной фрейдовской системофункции.

Здесь было бы невозможно проанализировать данную проблему систематически или сколько-либо подробно, но некоторые структурные соображения было бы полезно изложить.

Во-первых, мы должны постоянно различать фрейдовскую частную систему, которая представляет собой частное толкование фрейдовской *системофункции* (без конкретных значений переменных): скажем, «комплекс x » на семантических уровнях, который соответствует, скажем, «кластеру X » на уровнях коллоидальных. Во-вторых, нужно понимать, что фрейдовская *системофункция* (не система) была научна на момент ее создания, однако для научного подхода от 1933 года ее нужно пересмотреть и переформулировать, приняв в расчет более поздние физико-математические, физико-химические, коллоидальные, $\bar{A}$ точки зрения. Война из-за частного «комплекса A » или из-за изобретения нового «комплекса B » бессмысленна, ибо в 1933 коллоидальный структурный «кластер X », который лежит в основе семантического «комплекса x », может единственно законным образом рассматриваться в *системофункции*, включает в себя все «комплексы» в буквальном существовании, и численных пределов этому количеству нет. Если мы проводим анализ в подобных ∞ -значных терминах, как, например, «кластер X », то мы избавляемся от огромного количества ненужной и путаной метафизики, и выходим на уровень науки 1933 года. С точки зрения современной $\bar{A}$ *системофункции*, а это означает, что когда мы распознаем необходимость ∞ -значной семантики, структуры, возникает необходимость сокращения системы до базовых постулатов, и мы сразу видим, что фрейдовская *системофункция* (не система) является необходимостью и естественным продолжением эволюции между A и $\bar{A}$ системами.

Постулаты, которые обнаруживаются в фрейдовской *системофункции*, можно разделить на две главных группы:

1) Наблюдения за поведением человека и, говоря на моем языке, за его *c.p.*, должны были формулироваться на особом языке, для того чтобы соответствовать более структурно фундаментальным частям данной системы.

2) Фундаментальные и революционно новые постулаты были на момент их введения довольно научными. В 1933 году эти постулаты требуется переформулировать и пересмотреть, приведя их в соответствие с современными физико-математическими, физико-химическими и общесемантическими $\bar{A}$ стандартами.

Удовлетворительный анализ вышеперечисленных проблем потребовал бы отдельного тома; поэтому я полностью отброшу номер 1, а в отношении номера 2 предложу только несколько наиболее важных и новых постулатов. Примерным образом их можно выразить так: (a) Постулирование *активного* «динамического» бессознательного. Этот постулат выходит далеко за рамки прежних понятий, хотя слово «динамический» в данном контексте используется не в строго научном, а в разговорном его значении. Методы перевода динамики в статику и обратно не рассматриваются, вследствие неведения современной науки и общего убеждения врачей в постоянной действительности A принципов. (b) Как только *активное* бессознательное запостулировано, отсюда должен следовать соответствующий времени детерминизм. Фрейд на тот момент (что уже устарело для 1933 года) принял детерминизм двузначный. К несчастью, великое большинство врачей и преподавателей медицины все еще следуют этим устаревшим понятиям. (c) Поскольку в расчет принимается прошлое, и человек рассматривается как процесс, в котором прошлые переживания играют важную роль, можно сказать, что этот взгляд четырехмерен, однако данное утверждение не вполне обоснованно, поскольку понятие последовательной четырехмерной ориентации выводит нас гораздо дальше того предела, который доступен для врачей, игнорирующих физико-математические аспекты.

В $\bar{A}$ -системе фундаментальные постулаты данной *системофункции*, лежащие в основе всех психотерапий, были приняты, хотя они были значительно расширены для приведения их в соответствие с известными фактами и требованиями 1933 года. Важно провести независимое систематическое подробное исследование соответствующих *системофункций* и выяснить, до какой степени они взаимопереводимы, однако подобное исследование невозможно провести с успехом, если мы будем путать, вследствие речевых привычек, две разные терминологии.

Похоже, прежние психотерапевтические школы были сформулированы как системы, и что *системофункция*, которая лежит в их основе, не была сформулирована в явном виде, что значительно помешало будущей творческой работе.

Особая польза обобщенной теории состоит в ее фундаментальной простоте и полной общей лингвистической применимости, которая играет решающую роль в профилактике. Заодно мы приобретем психофизиологическое средство для воздействия на так называемые трудные «нарциссические» случаи.

Автор данной работы постарался указать наиболее важные структурные и семантические факторы, которые способствовали бы будущим работникам в предстоящей им работе, необходимом пересмотре и координации.

ГЛАВА XXXI

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Безжалостен путь Времени, Творческой мысли и Логики; они не проявляют уважения к чьему-либо покою и комфорту, для них нет ничего святого; их путь сопровождается муками. Однако их труд – растущая слава мира – порождение психического света – рост знаний – продвижение понимания – расширение рамок жизни человека – и освобождение его. (264) CASSIUS J. KEYSER

Тем не менее, варвары, которые не имеют других традиций, продолжают непрекращающуюся борьбу за пропитание и пространство. Народы не могут любить друг друга, если они не любят одни и те же идеи. (461) G. SANTAYANA

Индивидуум, чье животное желание личной выгоды не ограничивается нуждами и правами его товарищей, скатывается в варварство. Если это бандит, то он оказывается вне закона; если это политик, то его обычно переизбирают, что приводит к полной ретрогрессии всей организации общества. (221) C. JUDSON HERRICK

. . . «Лига здоровой логики» – это самая лучшая «Лига наций», потому что она работает даже при столь неизбежных законах, как законы Логической судьбы – Объединенные доктрины объединят человечество. (280) А. К.

Стоит поменьше волноваться о ребенке и побольше волноваться о том мире, который мы подготавливаем ему для жизни; включение ребенка в жизнь, целью которой не является только зарабатывание денег для того, чтобы обрести независимость от работы; больше любви в отношении действительно любимой творческой работы и прогресса, которые дадут нам то, во что каждый из нас сможет внести свой вклад; при этих условиях, взрослый и молодой получат лучший шанс.¹ ADOLF MEYER

Данные заметки были изначально написаны как последняя глава для всей книги, однако критический пересмотр материала привел к идее заново упорядочить последовательность данных трех основных томов. В книге I дается общее подготовительное введение, которое поможет читателю сделать различие между A и $\bar{A}$ системами и должным образом оценить эти различия. В книге II формулируются основные $\bar{A}$ принципы, которые составляют органически связанное целое, к которому и относятся представленные тут заключительные заметки. Книга III дает некоторые дополнительные структурные данные о математике и физике, которые обычно не рассматриваются с данной точки зрения, но при этом предоставляют существенный и необходимый структурный материал.

Написание Книги I, и особенно Книги III, было крайне трудоемким и тяжелым. Часто у меня появлялось желание вообще исключить Книгу III целиком и отослать читателя к другим авторам. Однако после многомесячных поисков я обнаружил, к собственному сожалению, что, вопреки наличию множества томов отличной литературы, среди них нет ни одной книги, написанной с точки зрения структуры и семантики. Для того, чтобы отправить читателя к другим авторам, мне пришлось бы заставить его прочитать довольно объемистую библиотеку, потому что очень часто из целой книги ему понадобились бы лишь несколько разрозненных абзацев. Это было бы связано с очень дорогостоящим и трудоемким процессом охоты, на который решились бы далеко не многие; кроме того, это все равно не дало бы единой структурной и семантической картины. Я пытался убедить некоторых специалистов написать книгу о структуре и семантических аспектах математики и другую подобную книгу по физике. Мне сказали, что это было бы очень трудоемко и тяжело, если вообще возможно, так что у меня не осталось другого выбора, кроме как попробовать написать эту книгу самому.

Я настоятельно рекомендую прочитать Книгу III, с тем, чтобы читатель мог по крайней мере ознакомиться с существованием этих проблем. Я надеюсь, что даже специалисты найдут некоторые предположения полезными, поскольку структурными и семантическими аспектами науки и математики обычно пренебрегают, и это пренебрежение приводит к ненужным

¹ * Какой вклад может внести психиатр в становление характера? *Rel. Educ.* May, 1930.

трудностям в преподавании. Устранение отождествления способствует решению множества научных парадоксов, не говоря уже об устранении семантических блокировок и тем самым – о содействии творческой деятельности.

Мировые дела, похоже, застряли в тупике, и, вероятно, без помощи ученых, математиков и психиатров в том числе, мы не сможем справиться с нашими насущными проблемами достаточно быстро для того, чтобы предотвратить полный коллапс. Итак, те, кто профессионально занимается вопросами человека – экономисты, социологи, политики, банкиры, священники разных конфессий, преподаватели, работники «душевной» гигиены, включая психиатров, даже не подозревают, что материалы и методы с великой общей семантической важностью можно обнаружить в математике и в точных науках. Если привлечь их внимание к этому факту, независимо от того, насколько неуклюже это будет изначально сделано, это уже будет стимулировать дальнейшие исследования, даст нам улучшенные формулировки и понимание, и, в конце концов, приведет к созданию условий, при которых психическое здоровье будет возможно.

Некоторые из тех, кто видел мою рукопись или с кем я обсуждал эти проблемы, кажется, имели что-то против термина «копирование животных в наших нервных реакциях», а также против явного введения «Дружка»... Поскольку отождествление обнаруживается среди животных, примитивов, младенцев и «умственно» больных, то, можно сказать, введение «Дружка» не было необходимостью. Я серьезно взвешивал вопрос о желательности полного исключения «Дружка» из моей работы и замены его на термин «примитив». ; однако по зрелом размышлении, я решил, что было бы полезно сделать акцент на различии между реакциями животного и человека. Основные обоснования для данного решения таковы:

1) Вся моя работа и формулировка $\bar{A}$ -системы началась с попытки создания науки о человеке, для которой потребовалось современное, научное, *функциональное, неэлементалистское, четкое* определение человека. Такое определение было дано в книге *Manhood of Humanity* (Зрелость человечества), и касалось оно того, что человек отличается от животных способностью каждого нового поколения людей начинать с того места, которого достигло предыдущее. Эту способность я назвал «времясвязывающей функцией». Это определение неопровержимо, и оно соответствует современным требованиям.

2) Данное исследование родилось в процессе разбора механизма времясвязывания, и представляет собой дальнейший анализ четких различий между реакциями животных и людей, что делает это психофизиологическим основанием для $\bar{A}$ -системы и теории психического здоровья.

3) Чем дальше продвигалось исследование, тем более очевидным становилось то, что связанные с этим вопросы крайне сложны, и что в этой области, со структурной и *неэлементалистской* точки зрения, практически ничего не было сделано. В общем, все существующие «логики» и «психологии» структурно сбивают с толку, поскольку они все еще остаются в русле *элементализма*, пре- A или A ; эти условия предполагают необходимость исключения как их самих, так и прочих зависимых дисциплин, для того, чтобы их не воспринимали как структурно-фундаментальные. Для моего изначального расследования было бы желательно сохранить более простой и очевидный контраст между «Дружком», которого мы почти все довольно хорошо знаем и обычно даже любим, и «Ивановым», которого, как представляется, никто толком не знает. Этот метод оказался очень полезным для автора, и я убежден, что многие читатели найдут его не менее полезным. Я искренне признаюсь, что, если бы я не придерживался этого упрощенного подхода, то я не смог бы основать $\bar{A}$ -систему и выявить в психо-логическом лабиринте блокировки, введенные в наши *c.p* отождествлениями, элементализмом, отсутствием осознанности абстрагирования, ненадлежащей оценкой, и, в общем, инфантилизмом. По этим трем главным причинам представилось необходимым сохранить «Дружка» как наиболее полезный фактор в моем анализе, со всеми подобающими извинениями в адрес «Дружка».

Я также признаю, что я не осознавал меру трудностей, связанных с данной задачей и величиной данного мероприятия. Один только последний пересмотр рукописи занял больше

года. Я очень хорошо осознаю, до какой степени данная презентация не достигает сформулированных мной же самим ожиданий, и насколько качественнее могло бы выглядеть изложение, написанное кем-то более одаренным, однако моя смелость черпала силу в следующих довольно неожиданных наблюдениях.

1) Довольно интересно то, что выраженные тут принципы зачастую по-детски просты, часто они «общеизвестны», до такой степени, что в нескольких случаях некие более старые ученые посчитали «оскорбительным», что такие «очевидные» принципы удостоились такого внимания. Однако мой опыт, безо всякого исключения, состоит в том, что, независимо от того, насколько эти простые принципы одобряются всеми на словах, *ни при каких обстоятельствах* они не получают полного применения на практике. Со временем я понял, что мы не можем обучать человека отождествлению всеми доступными средствами, блокируя тем самым адаптацию, и потом ожидать, что он будет жить, не отождествляя. Так, когда я указываю на нетождественность, то тут даже дебил «согласится» или даже станет удивляться глупости автора, который поднимает по этому поводу такой шум; тем не менее, поскольку все мы обучались в лингвистической и семантической системе, основанной на отождествлении, это инфантильное отождествление будет бессознательно творить хаос во всех наших *с.р* во всех прочих областях нашей жизни, если эту семантическую блокировку не устранить. Естественно, чем более «простым» кажется принцип, одобряемый нами на словах, но никогда полностью не применяемый, тем больше я становился убежден в том, что открытие новых методов применения этого простого, но тем не менее забываемого принципа должно считаться очень важным. Любой читатель может самостоятельно проверить, до какой степени отождествление создает трудности в его собственной жизни. Факт состоит в том, что основные трудности, с которыми мы сталкиваемся, всегда можно отследить до отождествления в том или ином месте.

2) Экспериментальные данные доктора Филипа Гравена (Philip S. Graven) в отношении «умственно» больных и тех случаев семантических расстройств, которые, с ортодоксальной точки зрения, не рассматривались как нездоровые, показали, что переход от A стандартов оценки, связанных с отождествлением, к $\bar{A}$ стандартам без отождествления, часто либо приводили к полной семантической реконструкции индивидуума, либо к быстрым и продолжительным семантическим «выздоровлениям». Этот факт опять же впечатлил меня реальной действенностью и важностью такой $\bar{A}$ системы для человека. Если прежнюю «невозможность изменить» «природу человека» можно «заменить» новыми простыми психофизиологическими методами, то это опять же предполагает, что данная новая система, независимо от того, насколько несовершенной она окажется, может быть полезной.

3) Я был также весьма впечатлен значительной мощностью $\bar{A}$ методов. Как правило, только математики и эпистемологи могут полностью оценить, что значит «мощь» метода. Например, были изобретены дифференциальные методы, и позже обнаружилось, что эти методы структурно применимы ко всем процессам. Было изобретено тензорное исчисление, и обнаружилось, что оно дает нам абсолютные, инвариантные формулировки, применимые ко всей физике. Можно сослаться на множество других методологических инноваций, и всегда обобщенность применений придает этим новым формулировкам ценность. Данная $\bar{A}$ -система была сформулирована в каком-то смысле независимо от других дисциплин, поскольку она стала прямым результатом структурных семантических исследований, *свободных от отождествления*. Это привело к формулировке фундаментальных *общих* принципов, которые лежат в основе всего человеческого «знания», таких как нетождественность, требующая распознавания структуры как единственно возможного содержания «знания» и таким образом приводящая к формулировке о «структурном подобии»; неэлементализма как общего принципа; общего принципа неопределенности; ∞ -значной общей семантики, . Естественно, это очень ободряет – обнаружить, что новейшие наиболее важные достижения науки неосознанно соответствуют этим важным принципам, и они применялись в них *еще до того*, как они были сформулированы в явном виде.

С другой точки зрения, $\bar{A}$ -система, которая могла бы претендовать на звание «современной», должна сформулировать общие принципы, которых могли бы придерживаться ученые в любой

области. Практически, именно так и произошло с *A*-системой Френсиса Бэкона. С данной системой дело обстоит точно так же, за исключением того факта, что различные ученые применяли эти новые принципы, не имея их *общей формулировки*. Тот факт, что эти принципы не имели общей формулировки, являлся сдерживающим даже для науки, и сделал невозможным применение науки к проблеме человека. В нижеприведенных примерах различные аспекты $\bar{A}$ будут накладываться друг на друга, и я выделю только наиболее значимые моменты. Так, пространство-время Эйнштейна-Минковского, новая единая теория поля Эйнштейна-Майера, новейшая квантовая механика, новая физика высоких давлений, пьезохимия, теория тропизма ныне покойного Жака Лёба (Jacques Loeb), физиологические градиенты Чайлда (C. M. Child), четко демонстрируют применение неэлементализма. Ограниченный принцип неопределенности Гейзенберга (Heisenberg) также является результатом применения неэлементализма, основанного на наблюдении того, что «наблюдателя» и «наблюдаемое» невозможно четко разделить. Этот принцип становится частным случаем в общем $\bar{A}$ принципе неопределенности, который, опять же, основан на том наблюдении, что мы на самом деле имеем дело с абсолютными индивидуумами и говорим в более или менее обобщенных терминах, с тем результатом, что все утверждения лишь являются вероятными в разной степени.

Абсолютная индивидуальность четырехмерных событий, объектов, ситуаций, *s.p.*, делает необходимой неопределенно гибкую оценку, требующую ∞ -значной $\bar{A}$ семантики. За рамками повседневной жизни наилучшими примерами из науки были бы последние разработки в области витаминов, влияние лучистой энергии на наследственность, но особенно поразительны возможности, открывающиеся благодаря разработкам в области физики, физики высоких давлений, пьезохимии и применению коллоидальных знаний² в области психиатрии. Польская школа математиков создала расширение традиционной двузначной *A* «логики» до трех- и многозначной «логики»; Чвистек (Chwistek) построил новое основание для математики и новую теорию множеств на своих семантических методах; однако даже эти авторы пренебрегли *общими* проблемами неэлементализма, нетождественности и необходимости развернутой $\bar{A}$ -системы, для того, чтобы их формулировки были полностью избавлены от парадоксов, стали действительными и применимыми к жизни.

Все эти вопросы в целом представляют собой особый интерес для человечества в общем и для медиков в частности, потому что, очевидно, если человечество стремится перейти с инфантильной стадии своего развития в эру общего психического здоровья, для этого требуется серьезное сотрудничество со стороны медицинской науки. К сожалению, медицинская наука является одной из наиболее трудоемких и тяжелых дисциплин, и, в последнее время, несмотря на некоторые частные прорывы, она быстро теряет право называться современной наукой. Любой, кто посещал медицинские конгрессы, научные собрания или следил за медицинской литературой, часто недоумевает в отношении того, что перед ним: то ли научные споры, то ли религиозные диспуты шестнадцатого века. Доктор Крукшанк (F.G. Crookshank) в своей главе о *Важности теории знаков и критике языка в изучении медицины* (*The Importance of a Theory of Signs and a Critique of Language in the Study of Medicine*) в Огдене и Ричард (Richard) в *Смысле смысла* (*The Meaning of Meaning*) дают нам отличное представление о нынешнем печальном состоянии дел; однако $\bar{A}$ анализ открывает более глубокие основания, на которых зиждутся трудности в медицине, которые можно было бы уладить пересмотром медицинского образования. В связи с этим $\bar{A}$ вопросы обретают большую важность. Организмы вообще и люди в частности представляют собой коллоидальные процессы, которые связаны с гигантскими давлениями, которые возникают из-за коллоидального притяжения к воде. Доктор Неда Маринеско (Neda Marinesco)¹ недавно предположила, что лед-VI является важным фактором в человеческом организме. Лед-VI представляет собой новую разновидность льда, открытую Бриджманом (P.W. Bridgman)², который обнаружил, что большие массы воды при температуре тела могут кристаллизоваться при наличии высокого давления. Доктор Маринеско

² Коллоиды и коллоидальные свойства подробно рассмотрены в Книге I. –ОМ.

предположила, что силы адсорбции могут быть настолько высоки, что это будет соответствовать давлению, использованному Бриджманом, в результате чего в тонких пленках размещение молекул воды будет подобно тому, что обнаруживается во льду-IV. Читателю может быть интересно узнать, что, среди прочего, профессор Бриджман обнаружил, что при высоком давлении ацетон твердеет, белок свертывается, при комнатной температуре.

Несмотря на то, что врачи в период обучения в университете получают неплохое знакомство с коллоидальной химией, каким-то образом на практике они сталкиваются с огромными трудностями в «мышлении» в коллоидальных терминах. С новейшими открытиями в физике высоких давлений и пьезохимии, с их поразительным разнообразием физических явлений, которые при различном давлении меняются у каждого отдельного материала, современный врач просто обязан «мыслить» не только в терминах коллоидов, но в терминах сочетания коллоидов с данными из физики высокого давления и пьезохимии. Но подобное «мышление» для человека невозможно в рамках традиционных двух- или трехзначных A дисциплин, и оно становится возможным только с ∞ -значной $\bar{A}$ общей семантикой. Один из непосредственных результатов использования $\bar{A}$ дисциплин – это исключение элементаризма «тела» и «ума», «интеллекта» и «эмоций», и введение *нон-эл* точки зрения, представленной в данной работе. Для этого требуется, чтобы каждый врач был знаком с психиатрией, потому что это исключило бы множество вредных культов. Следует полностью осознавать, что прежняя химия, которая имела дело с различными «веществами», обладающими различными «свойствами», вполне подчинялась инструментам A субъекта-предиката и двух- или трехзначных средств. Но в 1933 году это уже не так; прежняя химия умерла, и сегодня мы имеем дело только с особой отраслью физики, основанной на структуре; новейшая физика высоких давлений ясно показывает, что многие прежние характеристики «веществ» являются лишь случайными функциями давления, температуры и так далее, которые могут меняться поразительным образом, что требует наличия новых семантических принципов и новых эпистемологий. ; короче, новой *нон-эл* и ∞ -значной $\bar{A}$ -системы. Другими словами, тот, кто продолжает придерживаться A *с.р.*, совершенно неспособен «мыслить» научно в современном понимании. Если мы хотим иметь науку о человеке, или науку о медицине для 1933 года, первым шагом должен стать тщательный пересмотр A -системы.

На самом деле, можно продемонстрировать великое множество взаимосвязей и взаимоотношений, которые сделают еще более очевидным то, каким образом $\bar{A}$ -система является результатом и сама приводит к современным научным результатам, которые можно расширить и *применить ко всем человеческим проблемам* только после *обобщенной формулировки ее как системы*.

4) Если различие между животным и человеком состоит в способности последнего стартовать с того места, до которого дошло предыдущее поколение, то становится очевидно, что люди, для того чтобы быть людьми, должны практиковать эту способность в полной мере. Если мы не сможем этого сделать, то мы будем опять «копировать животных в наших нервных реакциях», то есть делать то самое, с чем следовало бы бороться. Это «место, до которого дошло предыдущее поколение», включает в себя не только всю науку, но также и эпистемологию, и ту «мудрость», которую приобрело каждое прежнее поколение через болезненный опыт, и которая, в принципе, должна быть передана каждому ребенку. В A условиях нашего текущего образования, систем и систем оценки, это совершенно невозможно и может показаться фантазией. Так, для того, чтобы приобрести научные знания во всех областях, придется посвятить всю свою жизнь науке, совершенно освободиться от каких-либо финансовых проблем, и даже при этом все равно удастся приобрести лишь небольшую долю этих знаний. Прежде чем какая-либо прежняя эпистемологическая система может быть донесена до студента, он должен не только оказаться особо одаренным, заинтересованным, но также обладать огромными знаниями еще до того, как будет сделана попытка провести такое образование. То же самое можно сказать и о «мудрости». Более старые и более молодые поколения, вследствие коллоидальной необходимости, не могут полностью понять друг друга

и, в большой степени, между ними возникает взаимное недоверие, которое на данный момент представляет собой совершенно обычную *A c.p.*

В *нон-эл*, *A*-системе ситуация в целом становится радикально другой. Невозможное становится возможным; могу даже сказать больше, дело это простое и легкое, и оно становится необходимым и неизбежным фактором в жизни любого ребенка. *Нон-эл*, *A*-система основана на полном исключении отождествления, откуда непосредственно следует, что единственная связь между несловесными объективными уровнями и словесными уровнями обнаруживается в *структуре*. Структура, соответственно, становится единственным возможным содержанием знания. , и все научные технические тонкости, как бы тяжелы и трудоемки они не были, становятся просто необходимыми инструментами для поиска структуры, и инструменты эти сами по себе не обладают никакой особой ценностью и не являются необходимыми для «знания», как только для конкретного случая обнаруживается структура. Эта структура всегда проста и может быть донесена до ребенка.

Было бы бессмысленно и совершенно бесполезно спорить о том, «прост» или нет окружающий нас мир; поскольку мир *не есть* наше понимание его; однако наше понимание является структурным, наша нервная система, через свою способность к абстрагированию, делает его простым, как только открывается его структурное содержание. Поскольку поиск структуры связан с подобием лингвистической и эмпирической *структур*, мы немедленно осознаем, что любой язык, а мы не можем не преподавать какой-то язык нашим детям, обладает структурой и связан со структурными предпосылками. Через *структурный пересмотр* нашего языка и обучение новым структурно адекватным терминам, полный отказ от некоторых из них, вводящих в структурное заблуждение, мы напрямую передадим все современное фундаментальное знание любому ребенку. Мы автоматически обучим его адекватной языковой структуре, которая построит его адекватные *c.p.* Человечеству в целом не требуется никаких научных технических тонкостей для того, чтобы усвоить и тем самым получить семантическую пользу от структурных результатов науки. Эти, и только эти, результаты – вот что на самом деле важно, и их можно донести крайне простым способом, автоматически исключая примитивную метафизику, структурные послышки и инфантильные *c.p.*

Запретив структурно противоречащее фактам однозначное отождествление, мы автоматически проводим тренировку в ∞ -значном различии, приводящем к осознанности абстрагирования, дающем в результате всю мудрость, которую эпистемология и собственный опыт могут нам предоставить, структурно представляя собой итог опыта вида в целом. Поскольку структура основана на отношениях и *порядке*, структурное обучение, при осознанном его проведении, становится физиологическим методом, работающим просто и автоматически.

В *A*-системе эти семантические механизмы не были осознанно выявлены, хотя они фатальным образом на нас воздействовали. Мы передавали наши примитивные психофизиологические реакции своим детям, которым потом нужно было потратить всю жизнь на обучение посредством очень болезненного опыта тому, что что-то где-то тут было не так. Теперь мы понимаем, что источник этой трудности лежал в отсутствии научных исследований, в которых бы неэлементалистским способом проанализировали структурные аспекты языка и связанные с этим *c.p.* Все это, позвольте мне повториться, работает автоматически, как достаточно ясно показывает как опыт, так и эксперименты. Так, анализ механизма времясвязывания зависит от обнаружения четкого *нон-эл* различия между «Дружком» и «Ивановым», и формулировки средств для полного задействования времясвязывающих характеристик человека со всеми прочими индивидуумами, кроме случаев с тяжелой патологией.

Устраняя отождествление, мы обобщаем различие, и таким образом вводим осознанность абстрагирования, обязательный фактор *надлежащей оценки* и неперемное условие для адаптивного и выживательного поведения. Так, *A*-система становится общей теорией психического здоровья и общей теорией времясвязывания, из которой следует общая семантика.

5) Одна из наиболее важных черт представленной $\bar{A}$ -системы состоит в ее *нон-эл* структурном характере. Мы можем анализировать проблемы научным «интеллектуальным» образом; однако этот анализ, являясь *нон-эл* структурным и семантическим, воздействует и вовлекает наши «чувства», «интуицию», включая психофизиологические факторы, основанные на порядке. Так, структурно необходимый перевод с одного уровня абстракций на другие и обратно, в огромной степени улучшается, в то время как в *эл* системах этот перевод был затруднен вследствие неизбежных семантических блокировок. Соответственно, «интеллект», «эмоции», «тело» и «ум», не разделяются. Организм подвергается воздействию как целое, поскольку используются структурно корректные *нон-эл* средства, что делает многие полезные свойства данной системы доступными для детей, дебилов и, возможно, даже для идиотов высокой степени. Последние результаты можно предвидеть, хотя на данный момент они еще не были подвергнуты эмпирической проверке.

6) Однако наиболее действенная черта данной системы состоит в том факте, что, будучи основанной на таких фундаментальных принципах, как нетождественность, неэлементализм, она обладает органической цельностью. Все основные вопросы в ней строго взаимосвязаны и применимы к «телу», «уму», «эмоциям», *нон-эл* способом, и все это работает *автоматически*, независимо от того, под каким углом мы рассматриваем обучение.

Так, если начать с порядка, то мы приходим к отношениям и структуре; они устанавливают различие и расслоение, исключают отождествление и «всеобщность», что дает нам осознанность абстрагирования, делая необходимой ∞ -значную общую семантику, обязательную для надлежащей оценки и приспособления. Если мы начнем с нетождественности, то придем к порядку, отношениям, структуре, различению, расслоению, невсеобщности, осознанности абстрагирования, ∞ -значной семантике, надлежащей оценке и приспособлению. Если начать с различения или расслоения, то мы придем к порядку, отношениям, структуре, нетождественности, невсеобщности, осознанности абстрагирования и надлежащей оценке.

Следует отметить, что осознанность абстрагирования и надлежащая оценка – это сложные конечные результаты, которые нельзя передать непосредственно, но они становятся автоматически постоянно поддерживаемыми семантическими состояниями только после того, как мы устраним однозначное отождествление или введем порядок, ∞ -значное различие, расслоение, . *Нон-эл* польза данной системы состоит в задействовании организма-как-целого. Так, четырехмерный *порядок* играет роль мощного физиологического фактора в данном процессе, и становится основанием для психофизиологии. Нетождественность – это термин, применяемый на словесных уровнях, который, на уровне зрения и слуха, связан с различением, упорядочиванием и расслоением. Данная система, таким образом, задействует все необходимые нервные центры и действует *нон-эл* способом, поскольку реакции на одном уровне легко и органично переводятся в термины других уровней, делая возможной психофизиологию.

7) Наконец, показательно то, что во множестве публикаций за последние десять лет были проявлены усилия в подобном же направлении, которые получили научное и общественное одобрение. Поскольку я больше заинтересован в работе творческой, чем в критике, я не буду анализировать эти попытки, только сделаю одно общее замечание о том, что, поскольку все они не были основаны на порядке, структуре, *нон-эл с.р.*, полном исключении отождествления, они ценны и полезны для избранного меньшинства, но ни при каких условиях никакая психофизиология или теория психического здоровья не может основываться на этих работах, если мы собираемся применить ее в общем элементарном языковом и семантическом образовании. Если я не ошибаюсь, в этом отношении представленная работа радикально отличается от прочих, которые мне известны.

С *нон-эл* точки зрения мы никогда не можем пренебрегать эффектом, оказываемым «телом» или «эмоциями» на «ум», и наоборот, эффектом, которым обладает «ум» в отношении «эмоций», «тела», . Отождествление и все его последствия связаны с серьезно расстраивающими семантическими факторами, с соответствующими коллоидальными расстройствами, и похоже, что до текущего момента человек как вид, за редкими исключениями, еще никогда не был свободен от этих расстройств. На данном этапе невозможно

предсказать, какой эффект исключение подобных расстройств окажет на человека как вид, кроме выраженных ожиданий того, что последствия эти будут весьма полезными.

Мы уже познакомились с терминами «условный» и «безусловный» в отношении реакции. В примере с пациентом и бумажными розами, мы видели, что патологические симптомы были «безусловными». Они были навязчивыми, как в случае с собакой, упомянутом в Части VI. Здоровый индивидуум обладал бы полностью условными реакциями, находящимися под семантическим контролем. Вышеприведенную терминологию можно расширить, с тем чтобы применить ее ко всем «умственным» заболеваниям, ибо здесь то, что у «нормального» человека является полностью условным, становится безусловным, то есть *реакцией более низкого порядка условности* (навязчивостью), находящейся вне сознательного контроля. Этим мы отличаемся от животных и от больных. Когда наши условные реакции не полностью управляются соответствующими *с.р* и становятся безусловными, мы копируем животных, и таким образом попадаем в состояние остановившегося развития или регрессии.

Общие терапевтические и *профилактические* меры напрямую следуют из данных соображений. Условные реакции человека должны стать *полностью* условными (а не фиксированными, как безусловные), в том числе и в отношении низших порядков³. Другими словами, вместо «фиксации» у нас должны быть средства и методы для сохранения и воспитания *семантической гибкости*. *Последнее достигается приобретением семантических реакций, связанных с осознанностью абстрагирования*. Я рекомендую специалистам обратить внимание на этот последний момент, так как в данном труде невозможно подробно разобрать все детали. Гибкость – это важная семантическая характеристика здоровой юности. Фиксация – это семантическая характеристика старости. С учетом коллоидального контекста, передача постоянной семантической гибкости, которую обретает каждый, кто становится осознующим абстрагирование, может оказаться критическим нейро-физико-химическим коллоидальным фактором для нераскрытой на данный момент силы. Коллоидальное поведение наших «тел» зависит от электромагнитных, проявлений, которые, в свою очередь, связаны с «умственными» состояниями самого разного вида. Если коллоидальное старение, которое приводит к старости, «физическим» и «умственным» симптомам, и, в конце концов, к смерти, связано с подобной «умственной» фиксацией, можно ожидать довольно волнующих результатов в случае достижения перманентной семантической гибкости. «Старение» связано с электрическими зарядами в коллоидальной массе, которые должны быть связаны с прежними семантическими состояниями. Новые текущие семантические состояния должны обладать другими электрическими влияниями, которые, в свою очередь, породили бы отличия в коллоидальном поведении, от которого зависят наши «физические» состояния.

С *А* точки зрения представляется возможной новая эра развития человека, в которой посредством простого структурного анализа и лингвистического пересмотра мы раскроем не принимавшиеся в расчет семантические механизмы, работавшие в каждом из нас, которые можно легко изменить и поставить под контроль; а также мы откроем, что тут возможно довольно многое решить профилактикой.

Также вероятно, что мы больше узнаем о зависимости «человеческой природы» от структуры наших языков, доктрин, учреждений, и сделаем выводы, что для приспособления, стабильности, мы должны приспособить эти созданные и изобретенные человеком семантические и прочие состояния, приведя их в соответствие с этой заново открытой «природой человека». Это, конечно же, потребовало бы на уровне 1933 тщательного научного физико-математического, эпистемологического, структурного и семантического пересмотра всех существующих человеческих интересов, склонностей, учреждений, который должны провести те, кто специализируется в «науке о человеке». Если такой пересмотр будет сделан достаточно быстро, то он, возможно, поможет мирным образом адаптировать стандарты оценки и предотвратить повторение кровавых протестов непросвещенных слепых сил против *таких же слепых* сил современной власти и реакций.

³ Другими словами, нужно научиться управлять своими низшими абстракциями, например, эмоциями и ощущениями, так же легко, как логикой. –ОМ

Силы жизни, человечности и времясвязывания не согласованы; говоря современным сленгом, «развязка» неминуема; она *произойдет*, и никто не сможет ее предотвратить. Для *А* понимания единственной важной проблемой является то, будет ли эта «развязка» научной, просвещенной, упорядоченной и мирной, с минимумом страданий; или же она станет слепым, хаотичным, глупым, кровавым и опустошительным переворотом с максимумом страданий.

Проблемы структуры, языка и «осознанности абстрагирования» играют критическую семантическую роль. Для того, чтобы быть современным, нужно принять современную метафизику и структурно пересмотренный современный язык. На данный же момент эти семантические проблемы удостаивались *полнейшего* пренебрежения в плане общего образования. Вероятно, это произошло благодаря тому факту, что инфантильная и коммерциализированная цивилизация поощряет инженерные и прикладные области естественных наук, медицину, биологию, ради увеличения личных прибылей, и сохранения и увеличения числа потребителей. Она не поощряет в равной степени такие отрасли науки, как математика, математическая философия, лингвистика, структурные и семантические исследования, которые не оказывают прямого влияния на рост числа потребителей, но которые, тем не менее, могли бы способствовать открытию структурных методов для большего счастья для всех.

Кстати сказать – и я рекомендую экономистам обратить на это внимание – классический закон «спроса и предложения» структурно и семантически является законом *животноподобного* типа, который во взрослой человеческой цивилизации должен быть переформулирован. На самом деле, взрослая человеческая цивилизация вообще не может возникнуть, если мы будем сохранять подобные фундаментальные животные «законы». В мире животных число индивидуумов не может превысить то, что задано определенными условиями существования. Животные не имеют искусственного производства.

У нас, у людей, все не так. Мы можем искусственно производить, потому что мы являемся времясвязывателями, и все мы стоим на плечах других и на трудах ныне умерших людей. Мы можем устроить перенаселение на этой планете, что уже и произошло. Наша численность не контролируется природой в том виде, как она есть, и она может еще значительно возрасти. В мире животных численность контролируется наличием пищи, а не условиями, наложенными другими животными в связи с наличием данной пищи. Животный закон «спроса и предложения» строг. У человеческого класса жизни, который обладает искусственным производством, оно должно удовлетворять потребности всех, иначе их численность будет ограничена до тех пор, пока эти потребности не будут удовлетворены. Применение животных законов к себе сильно усложняет условия жизни, и это вредит большинству, если не каждому из нас. Также легко понять, почему это должно быть так. Невежественное и *А* обращение с мощными символами оказалось опасным, когда имеешь дело с ошеломительной семантической ролью и важностью символов для символического класса жизни.

Другое интересное применение осознанности абстрагирования касается нашего отношения к деньгам, акциям, бумагам о собственности. Деньги представляют собой символ для всех человеческих времясвязывающих характеристик. У животных нет денег. Без сомнения, пчела может производить мед, но ее продукты не являются источником богатства, до тех пор пока они не попадут в руки человека. Деньги нельзя съесть, в них нельзя жить. Они ни к чему, если другой человек отказывается их принимать. *М.п реальность* в основе символов обнаруживается в человеческих *соглашениях*. *Ценность* символа является характеристикой *доктринальной*. Дружок не различает разных порядков абстрагирования. Когда мы его копируем, мы поклоняемся самому символу. «Мы верим в золото»⁴ становится нашим девизом, со всеми его отождествлениями и разрушительными последствиями. Иванов не должен отождествлять *м.п* реальность, скрытую за символом, с самим символом. Удивительно и даже печально наблюдать, как так называемый «человек дела» работает в основном с надуманными ценностями, ради которых он готов идти на смерть. А когда в его руках сосредоточена власть и

⁴ In gold we trust. Намек на надпись на долларах США: In God We Trust. –ОМ.

он начинает невежественно играть с символами, пренебрегая *м.п* реальностью в их основе, то, конечно, он вводит цивилизацию в катастрофы. И история полна примерами этого.

Мы видим совершенно глупое стремление накопить символы, которые сами по себе ничего не стоят, при разрушении «умственных» и «моральных» ценностей, которые скрыты за этими символами. Ибо бесполезно быть «владельцем» семантически несбалансированного мира. Такое обладание – это иллюзия, как бы стабильно она не выглядела на бумаге. Коммерциализм, как система убеждений – это глупость того же порядка. Однажды даже экономисты, банкиры и торговцы поймут, что такие «непрактичные» работы, как, например, данная, по структуре и *с.р.*, приведут к пересмотру стандартов оценки и будут напрямую способствовать стабилизации экономической системы. Тем временем, в своем невежестве, они делают все возможное для того, чтобы экономическая система оставалась ненаучной и, вследствие этого, несбалансированной. История ясно демонстрирует, как правители в общем делали жизнь невыносимой для всего остального человечества, и к каким кровавым результатам это все привело. С момента завершения Мировой войны определенные условия становятся все более и более тяжелыми, и инфантильные и животноподобные системы фантастическим образом вгоняют нас во все новые и новые катастрофы. Произойдут ли эти катастрофы в реальности, неизвестное будущее решит; один аспект этой неизвестности, один факт остается определенным; а именно, что это будет зависеть от того, сможет или нет наука овладеть областью самого человека; я надеюсь, что сможет, однако слепые силы отождествления настолько сильны и могущественны, что, возможно, надежда на это слишком преждевременна. Возможно, этого уровня сможет достичь новая раса, после того, как вымерем мы, за исключением немногих экземпляров, которых будут показывать в музеях.

Проблемы детерминизма⁵ и индетерминизма⁶ не являются чисто «академическими», они влияют в огромной степени на наши теории и наше поведение, и по этой причине являются фундаментальными для нашего приспособления. Исторически наука использовала детерминизм двух- или трехзначной разновидности, который лишь недавно, в случае новейшей квантовой механики, оказался недостаточным. Отсутствие формулировки ∞ -значной семантики, необходимой для ∞ -значного детерминизма, похоже, говорит о том, что даже наука склонна дрейфовать в направлении индетерминизма – и эта тенденция множеству ученых представляется загадочной и неблагоприятной.

Различные «этики» и «морали» воевали с детерминизмом на протяжении всего нашего прошлого на том основании, что в детерминированном мире все «морали» и «этики» были бы невозможны. Если человек обязан поступать так или иначе, то, говорят нам, он не несет за это никакой ответственности. Они говорят о том, что результатом были бы нежелательные вольности, забывая о том, что детерминизм подразумевает полную противоположность вольностей.

Мы уже ознакомились с такими явлениями, как инфантильная самовлюбленность и уверенность в собственной важности. Эти инфантильные характеристики не только сформировали наши семантические настроения, но также и наши «научные» теории. Иванов и эта крохотная планета во многих отношениях постулировались как центр данной вселенной. Научные открытия показали, что подобные утверждения не соответствуют наблюдаемым фактам, и Иванов был смещен из этого примитивного, продиктованного инфантильным самолюбованием положения. Польский астроном Коперник был первым, кто стал автором этого грубого шока. Эта крохотная планета перестала быть «центром всей вселенной». Следующим пришел Дарвин, с еще одним шоком для такой вот инфантильной гордости.

⁵ **Детерминизм**, филос. учение о воле как целиком определяемой внутренними психологическими причинами и внешними обстоятельствами, причем нет места так наз. свободе воли. (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) –ОМ.

⁶ **Индетерминизм**, учение о свободе воли в выборе решения. Абсолютный И. учит о полной независимости воли от всяких мотивов; психологический И. объявляет свободу фактом сознания, воля зависит от внутренних мотивов, имеющих свое обоснование в самом хотящем субъекте. (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона) –ОМ.

Иванов оказался вовсе не каким-то «особым существом», он оказался членом общего ряда живых форм, среди которых никто не был «особым творением». И наконец, Фрейд разработал понятие о том, что даже в семантических процессах превалирует детерминизм. Все наши действия, психо-логические и семантические состояния, имеют совершенно определенные сознательные и бессознательные психофизиологические «причины», которые нас активируют.

Инфантильное общество с большим трудом отказывается от своих приятных иллюзий, и эти три человека, соответственно, страдали от преследований, критики и грубых нападков и ненависти со стороны слишком многих.

Текущая ситуация может казаться чрезвычайно сложной, поскольку наука открывает факты, которые вроде бы ведут к «нежелательному» индетерминизму в науке, и к детерминизму в «умственных» процессах. Читатель на данный момент, я надеюсь, осознает, что оба эти «нежелательных» результата являются нежелательными только из-за отождествления и смешивания порядков абстракций, которые приводят к присвоению *ненадлежащей общности и уникальности А* двух- и трехзначной «логике». Но как только мы осознаем, что в $\bar{A}$ ∞ -значной более общей системе двух и трехзначные аспекты являются лишь частными случаями, которые относятся к некоторым случаям, но не ко всем, все наши трудности пропадают. С $\bar{A}$ структурной точки зрения мы также понимаем, что ∞ -значный детерминизм становится необходимостью для наших *с.р* в поиске и сопоставлении структур.

В результате представляется, что проблема детерминизма и индетерминизма является главным образом не проблемой внешнего мира, а просто одной из наших *с.р*, противопоставлением невежества и «знания». Отказываясь от элементаризма и отождествления, мы прекращаем спорить на тему «является ли мир предопределенным или нет». ; но если посредством анализа мы обнаруживаем, какая семантика подходит лучше, структурно соответствуя фактам и нашим способностям к абстракции. Результаты, которых мы достигли, не являются принципиально новыми, однако при этом исключается семантический конфликт.

Наука ставит акцент на детерминизм вследствие структуры и функции нашей нервной системы. Мы не можем не сохранить ∞ -значный детерминизм, шаг за шагом восстанавливая отсутствующие звенья в структурной приспособленности нашего языка к структуре данных, получаемых на опыте.

Еще раз повторимся, что прежние проблемы «детерминизма» в *общем* являлись следствием элементаризма и отождествления, а также полного непонимания роли структуры. Как только эти нежелательные недостатки устранены, созданные ими искусственные проблемы также улаживаются сами собой. Структурные соображения ясно показывают, что детерминизм является нейрологической необходимостью. Если эмпирические факты приводят к лингвистическому индетерминизму, это является несомненным признаком того, что использованный при этом язык не является структурно подобным структуре мира вокруг нас, и что нам требуется просто создать язык с другой структурой. *Подобный детерминизм является существенным условием для поиска структуры, и от него невозможно отказаться.*

Следует ли нам, соответственно, сохранять установку на детерминизм в наших «умственных» процессах? Достаточно ли серьезны возражения «морально-этического» характера для того, чтобы вынудить нас восстановить в наших семантических установках прежний структурно некорректный «индетерминизм»?

Во-первых, давайте вспомним факты. В наших прежних *эл* и инфантильных установках с отождествлением мы анализировали ребенка и взрослого как нечто *изолированное* одно от другого. Детерминизм применялся к подобному выдуманному *несуществующему* индивидууму, и далее следовали прежние объектифицированные и *эл* рассуждения. Если кто-либо имеет желание оспорить вышеприведенное утверждение, пусть попробует выполнить эксперимент, и сразу же после рождения «полностью» изолирует ребенка. Обнаружится, что с человеческим ребенком это сделать невозможно, не уничтожив его. Соответственно, прежние рассуждения относились к структурно *выдуманным* условиям. Факты состоят в том, что младенец с самого начала подвержен отношениям, построенным на семантике, на структуре

языка, доктринах, понимании, знании, установках, метафизике. , своих родителей или опекунов, которые и *формируют его семантические реакции.*

Если мы отбросим проблему двухзначного «детерминизма» в отношении подобного выдуманного изолированного индивидуума, и применим ∞ -значный детерминизм в отношении действительного неизолированного индивидуума, то мы немедленно увидим, что вся ситуация окажется иной. Если родители и общество примут ∞ -значный детерминизм, то они осознают свою собственную *ответственность* в отношении этого индивидуума, и поймут, что действия родителей, общества. , в огромной степени ответственны за будущее развитие ребенка на вполне детерминированных психофизиологических основаниях. Когда индивидуум ведет себя таким образом, что это наносит вред другим и ему самому, и просвещенное общество решает сделать с ним то или это, это совершенно другое дело. Главный момент состоит в том, что если бы мы приняли индетерминированную установку, огромное количество вреда было бы нанесено родителями, преподавателями, проповедниками и обществом в целом; вреда, который вполне можно было бы предотвратить. Однако все это в огромной степени не осознается, и в прежних понятиях никто не обязан был *нести ответственность* за это, кроме несчастной жертвы «свободной воли». При таких *A* условиях, мы становимся создателями огорчений, жестокостей. , под ярлыками «греха», «справедливости», «отмщения», «наказания» и всего прочего из той же категории. На детерминистических основаниях, когда общество и деятели образования полностью осознают свою собственную ответственность, мы должны начать меньше винить индивидуума, и больше сил посвятить исследованию структуры, языка, наших систем, метафизики, образования, условий жизни, . Вместо того, чтобы упиваться священным негодованием и требовать «правосудия», «наказания», «отмщения». , мы бы постарались улучшить условия жизни и образования, с тем чтобы новорожденный индивидуум не сталкивался с препятствиями с самого рождения.

Поскольку организм работает как целое, и *никто* не свободен от абстракций высшего порядка и структурных предпосылок, мы видим, что *сохранение созданной дикарями метафизики* с необходимостью приводит нас к личной и коллективной остановке в развитии или к регрессии. С точки зрения организма-как-целого, структурное невежество должно привести в результате к семантической ущербности.

Возражение, состоящее в том, что есть случаи великого «умственного» совершенства, сопровождавшегося весьма злокачественными склонностями, легко отвергается тем фактом, что данная проблема сформулирована *эл* способом. «Умственное» совершенство не является полным описанием организма-как-целого. Можно быть «умственно» совершенным, но при этом инфантильным или «моральным имбецилом». В жизни мы имеем дело с целостным неизолированным индивидуумом, который может проявлять патологии великим множеством способов. Если возникает возражение, что эта наука настолько сложна, что такое знание было бы невозможно передать массам, то ответом было бы то, что, как показывает данное исследование, наука связана с определенной структурной метафизикой и семантическими компонентами, которые, как только они открываются, становятся по-детски простыми, и их можно преподавать в рамках элементарного образования.

Наука представляет собой наивысшие структурные абстракции, которые были произведены на данный момент. Это высшая абстракция из всего опыта бесчисленных индивидуумов и поколений. Поскольку низшие центры производят сырой материал, из которого создаются высшие абстракции, и эти высшие абстракции, в свою очередь, влияют на работу низших центров, очевидно, что *можно разработать какие-то средства для того, чтобы вернуть в нервные контура полезные эффекты этих высших абстракций.*

Вышеприведенное утверждение может показаться фантастическим, и многие, скорее всего, скажут: «Этого сделать невозможно». Однако главная отстаиваемая точка зрения представленной здесь теории, проверяемая эмпирически, состоит в том, что это *можно* сделать крайне простым способом, при условии, что мы изучим забытые *нон-эл* аспекты математики и науки; а именно, аспекты структурные и семантические. Подобное исследование помогло нам открыть в рамках *A*-системы средства воздействия на низшие центры через результаты работы

высших центров лучших представителей нашего вида. Мы уже открыли тот факт, что все продвижения в науке и математике предоставляют нам невероятное количество чисто психологических и семантических данных, обладающих крайней простотой, которые можно безо всяких технических сложностей передать массам в рамках элементарного структурного образования. Подобное образование позволяет нам очень простым образом донести до детей «культурные результаты», то есть передать им *с.р.*, которые являются целью университетского образования, за относительно короткий период и без каких-либо технических сложностей. Эти преимущества в рамках *A* образования крайне редко приобретаются даже выпускниками вузов, и их невозможно передать массам, которые оказываются беспомощными со своими архаичными, бредовыми структурными установками.

С одной точки зрения, *A* аспекты представляются по-детски простыми и очевидными, но с другой точки зрения, они крайне сложны для усвоения, вследствие мощи прежних затверженных привычек и *с.р.* взрослого человека. Представляется очевидным, что младенец не может не находиться под воздействием стандартов оценки тех, кто его опекает, автоматически увязываясь со структурой языка, которому его учат. При таких неизбежных условиях становится очевидно, что для получения всех преимуществ *A*-системы в обучении детей, родители и учителя должны сами полностью усвоить эти новые стандарты.

A цивилизация потребует слияния всех существующих человеческих дисциплин на основе точных наук. Это слияние потребует того, чтобы все ученые, математики, физики и психиатры в том числе, изучили и начали в полном объеме практиковать *A* стандарты оценки. *A* пересмотр не может состояться без международного и межрасового применения, он требует очень тщательного пересмотра всех доктрин, лучшей ознакомленности специалистов в одной области с достижениями других областей, и современной эпистемологии. Если мы попытаемся осознанно игнорировать эпистемологию, то мы будем обманывать самих себя, поскольку мы не можем исключить некоторую эпистемологию, как основание для наших методов оценки, и, следовательно, бессознательно сохраним некоторую примитивную эпистемологию, которая посредством неадекватных стандартов оценки введет семантические блокировки.

Мах довольно давно сказал: «Не каждый физик является эпистемологом, и не каждый обязан или может им быть. Особое исследование требует целого человека, и то же самое касается и теории о знании». Влияние Маха на современную науку хорошо известно; такие люди, как ныне покойный Жак Лёб (Jacques Loeb), Эйнштейн, ранние квантовые первопроходцы, были под большим влиянием работ Маха, поскольку Мах очень глубоко занимался изучением эпистемологии. Однако в *A* обществе его высказывание следует слегка переформулировать; а именно: «Не каждый индивидуум знает или осознает важность эпистемологии или же осознанно задумывается о ней; однако каждый бессознательно имеет ее и действует и живет в соответствии с ней. У каждого индивидуума есть свои собственные особые проблемы, решение которых всегда требует всего человека целиком, и человек не может быть цельным, если он не понимает осознанно постоянное присутствие в его жизни неких стандартов оценки. Таким образом, у каждого есть некая эпистемология. Она как вода и воздух, и без нее просто невозможно жить. Единственная проблема состоит в том, что его стандарты оценки могут быть засорены примитивными остатками прежних времен, в самых разных вариантах; или же оздоровлены наукой и современной эпистемологией».

Данная работа показывает, как любая система связана с особой эпистемологией, которую мы принимаем бессознательно, как только принимаем саму систему. Оценить систему – это на практике эквивалентно тому, чтобы сформулировать ее эпистемологию. Это строго связано с лингвистическими и структурными исследованиями.

Для того, чтобы централизовать и координировать *A* усилия, была основана *Международная неаристотелева библиотека*, которая включает в себя, в идеале, все известные доктрины и интересы человека, и первой ее публикацией будет данное руководство. Для того, чтобы способствовать применению *A* дисциплин и стимулировать дальнейшие исследования, *Международная неаристотелева библиотека* была объединена со штаб-квартирой в Нью-Йорке и филиалами, которые должны быть основаны во всех городах мира, в которых имеются

образовательные учреждения. Главные цели Общества – научно-образовательные, преподавание посредством статей и лекций, за которыми будут организовываться дискуссии, А аспектов, необходимых для пересмотра и, следовательно, координации всех существующих наук и интересов человека. Поскольку интерес Общества будет направлен на *структурные* и *семантические* аспекты науки, с точки зрения *общей теории значимостей*, лекции будут носить общий и нетехнический характер, на уровне образованного неспециалиста. Науку нужно не «популяризовать», а анализировать с фундаментальной А эпистемологической точки зрения, призывая ораторов и авторов статей анализировать более глубокие *нон-эл*, структурные и семантические основания опыта, а также теорий. Неспециалист получит пользу от этого, потому что ему будет предоставлено готовое для понимания структурированное образование, без какой-либо прежней ложной А «популяризации» науки. Позже, если это представится экономически оправданным, есть планы издавать ежемесячный *Международный неаристотелев обзор*, а также организовать *Международные неаристотелевы конгрессы*.

А-система стала результатом с.р белой расы более чем две тысячи лет назад; она построена на доктринах, учреждениях, , адекватных в отношении этой системы. В те дни знание было очень скудным; взаимосвязи между разными народами непрочными; средства коммуникации очень примитивными, . Можно считать, что наука, в особенности математика, положила начало А революции своим открытым поиском структуры и адаптацией структуры научных языков, которые мы обычно именуем «терминологиями», «теориями», . Современные условия жизни в огромной степени подвержены А науке, однако при этом эксплуатируются совершенно А доктринами коммерсантов, милитаристов, политиков, священников, юристов, , что приводит к поразительному хаосу, приводящему к ненужным обширным и вынужденным страданиям для огромных масс человечества, как демонстрируют нам такие катаклизмы, как войны, революции, безработица, различные экономические кризисы, .

А дисциплины, или наука как таковая, крайне полезны для человечества в целом; однако А эксплуатация и использование этих А продуктов является, и не может не являться, источником бесконечных страданий для гигантского большинства людей, что автоматически приводит ко всевозможным провалам. Дать более полный анализ этой сложной взаимосвязи невозможно, так как это потребовало бы отдельного тома; соответственно, я приведу далее таблицу, собрав в нее лишь некоторые пересекающиеся друг с другом предложения.

НЕАРИСТОТЕЛЕВЫ, НАУЧНЫЕ, ВЗРОСЛЫЕ СТАНДАРТЫ ОЦЕНКИ	АРИСТОТЕЛЕВЫ, ИНФАНТИЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ОЦЕНКИ – КОММЕРЦИЯ, МИЛИТАРИЗМ, .
<p><i>Биологические науки</i> В частности, медицина открыла средства для поддержания и восстановления здоровья, устранения страданий и продления жизни. ; но медицина также дает нам средства, с помощью которых мы можем избежать перенаселения этой планеты и таким образом учит нас тому, как избежать великих страданий из-за скученности, что приведет к жестокой борьбе за пищу, кров, работу. , что, в свою очередь, приведет к войнам, революциями, безработице, .</p>	<p>Коммерческая медицина недоступна для больших масс бедных людей. Коммерциализм, милитаризм, инфантильные фантазии о «мировых империях» способствуют росту численности умственно недоразвитых, что гонит вверх цены на землю и дома, снижает цену труда и поставяет пушечное мясо, . Умственно зрелый контроль над численностью населения невозможен вследствие тюремного заключения и преследования научных сотрудников, причем последствия этого коснутся только бедных и необразованных.</p>
<p><i>Химия.</i> Антисептики, основа для медицины и контроля над ростом или падением населенности.</p>	<p>Способствование перенаселенности через насильственное утаивание знаний от населения.</p>

<p>Лекарства, основа для медицины.</p> <p>Мощная взрывчатка, необходимая для сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых, .</p> <p>Производство пищевых продуктов. Алкоголь, вино, пиво, .</p> <p>Ядовитый газ для уничтожения насекомых.</p>	<p>Использование лекарств на войне для того, чтобы заставлять солдат страдать вдвойне. Коммерциализированная и жульническая торговля лекарствами.</p> <p>Мощная взрывчатка, для уничтожения в военных действиях в напрасных попытках построить «мировую империю».</p> <p>Пища уничтожается для того, чтобы поднять цены. Коммерциализация питания. Пивнухи, преступность, «запреты», финансирование бандитов, коррупция правительства и правосудия, .</p> <p>Ядовитый газ как боевое средство.</p>
<p><i>Лингвистика.</i> Закон, как выражение неких стандартов оценки.</p> <p>Газеты, журналы, , используемые в основном как мощные средства для образования.</p> <p>Другие общественные печатные издания, предоставляющие необходимую и полезную информацию.</p> <p>Религии, представляющие собой примитивные структурные рационализации, или примитивную «науку»; а также предназначенные быть руководством по поведению и приспособлению, в соответствии со структурными установками той примитивной эпохи, когда они были порождены.</p>	<p>Толкование законов коммерческими юристами, которые помогают обойти закон, и влияние формулировок закона на варианты этих обходов. Лоббисты.</p> <p>Коммерциализированные газеты, , контролируемые прибылями и рекламой, поставляющие отупляющие, контролируемые материалы, стимулирующие низкие наклонности толпы ради повышения своих тиражей, .</p> <p>Коммерциализированная реклама. Шизофреническая игра слов, реклама инфантилизма, .</p> <p>Коммерциализированные религии. Религии, которые давно изжили все свои полезные свойства, часто просто ставшие для священничества источником дохода и власти. Способствование примитивным и бредовым стандартам оценки, часто ради личных выгод. Навязывание примитивных стандартов оценки связано с патологическими факторами.</p>
<p><i>Физика и родственные ей науки.</i> Самолеты, как средство коммуникации и научных исследований.</p> <p>Автомобили, как средство для перемещения и удовольствия.</p> <p>Станки и инструменты, как средство для исключения ненужных усилий и получения полной пользы от природных ресурсов; для</p>	<p>Военные самолеты как средство разрушения и убийства.</p> <p>Военные автомобили как средство разрушения и убийства.</p> <p>Коммерциализированные машины как средство достижения больших личных прибылей и страданий для растущего числа</p>

достижения большего комфорта и санитарных условий; для получения большего свободного времени для культурного времяпровождения, .	безработных и голодающих масс. Массовое производство винтовок, боеприпасов. , для массового уничтожения и разрушения и достижения прибылей для производителей и инвесторов.
Кино как мощное образовательное средство.	Коммерциализированные кинокартины, стимулирующие и удовлетворяющие эротические и низкие потребности толпы, и используемые для частной пропаганды.
Радио как мощное средство общения и образования.	Коммерциализированные радио, реклама, частная пропаганда, часто стимулирующая низкие наклонности толпы.
Железные дороги как общественное транспортное средство.	Коммерциализированные железные дороги, как средство получения частной прибыли и власти над обширными областями и множеством людей.
Тягачи как транспортное средство и источник мощности для сельского хозяйства.	Тягачи как танки и средства разрушения и убийства в войнах.
<i>Общественные служащие.</i> Судьи как хранители неких стандартов оценки.	Коммерциализированные политики в роли судей, коррупция, отсутствие правосудия, .
Юристы как помощники в отправлении правосудия.	Коммерциализация и коррупция профессии юриста. Средства для избегания или извращения правосудия.
Полиция как исполнительная власть, регулирующая сила для безопасности.	Коммерциализация полиции политиками, коррупция, сделки с преступным миром, .
<i>Спорт</i> как средство сохранения и построения здоровья, скоординированной ориентации, честной игры и, в меньшей степени, проведения досуга.	Коммерциализация спорта, потеря его полезности. Азартные игры. Падение стандартов образования, .

С $\bar{A}$ точки зрения, которая исключает примитивные *с.р.*, становится очевидным, что человечество представляет собой взаимозависимый времясвязывающий класс жизни, и что любая группа людей, которая обладает физическими средствами для разрушения и при этом продолжает придерживаться инфантильных стандартов оценки, становится угрозой для культуры всего вида в целом. При таких условиях у нас должны быть организации для международного обмена и оценки наших стандартов, а также методы, которые помогли бы нам подстроить эти стандарты.

В настоящий момент мы должны признать, что при современном, быстром и международном продвижении науки у нас имеются довольно неплохо закрепленные международные $\bar{A}$ стандарты научных ценностей. Международные научные конгрессы нужны не только для продвижения науки, но и для того, чтобы явным образом продемонстрировать реальную ее международность.

И последнее, наиболее важное $\bar{A}$ учреждение воплощено в Лиге Наций, которая охватывает практически весь цивилизованный мир, за исключением очень немногих наций,

демонстрирующих инфантильную и A высокомерность, используя различные отговорки для самообмана, и, в большой степени, препятствуя силе и полезности этой Лиги.

Как мы недавно осознали, не только достижения человека, но также и человеческие катастрофы, по большей части, взаимосвязаны и международны, и все больше и больше становятся таковыми с каждым годом. Очевидно, что в условиях A торжества в человеке ограниченности, эгоистичности, близорукости, инфантилизма, коммерции, милитаризма, национализма. , человечество, для предотвращения дальнейших глобальных A несчастий, должно основать специальный международный орган, который бы координировал различные структурные достижения, устремления. , сформулировал бы современные научные $\bar{A}$ взрослые стандарты оценки и донес бы их до широких масс населения.

В настоящий момент у нас уже есть все необходимые учреждения; однако до сих пор они остаются неэффективными и нескоординированными. Мы видим их в лице Международных научных конгрессов и Лиги Наций. Слабое место этих организаций состоит в том факте, что Научные конгрессы слишком громоздки, дороги, нескоординированны и проходят довольно редко. Лига Наций, хоть и является $\bar{A}$ учреждением по своей структуре, в основном состоит из людей, которые не знают никаких других стандартов оценки, кроме A , вследствие чего у них часто просто нет способа организовать научный, или $\bar{A}$ спор, и обычно они не осознают ту громадную силу, которой они бы обладали в $\bar{A}$ -системе. Например, в сфере отношений между народами, не может быть нейтрального и невинного государства, не участвующего в них. Одно такое отсутствующее государство, с его пушками и военными кораблями, превратится в мощную блокировку, и, соответственно, в конце концов станет мощнейшим разрушительным фактором для цивилизации в целом. Такое отсутствующее государство, соответственно, не является виновным по причине бездействия; но, с $\bar{A}$ точки зрения, оно виновно по причине действия. Лига, уверенно и полностью выстроенная в соответствии со стандартами международной науки, рано или поздно должна совершить этот акт и сделать такое заявление, и сделать это четко и открыто. Сознательно $\bar{A}$ Лига Наций не будет ограничиваться неблагодарной и часто бесполезной задачей гашения неизбежных конфликтов между A стандартами оценки, но должна, при полном содействии со стороны ученых, принять на себя гораздо более важную, конструктивную и уникальную обязанность хранителя и руководителя в отношении культуры человека. Такая Лига стала бы научной, профессиональной, международной, координирующей, культурной, времясвязывающей консультирующей организацией для всех стран. Национальные A правительства, вместо того, чтобы *давать инструкции* своим A представителям, сначала должны будут *проконсультироваться* с новыми $\bar{A}$ специалистами.

Многие политики и их последователи часто чуть ли не впадают в истерику при одном только упоминании Лиги Наций, которая каким-то таинственным образом ассоциируется у них с «супергосударством» и «контролем», . Позвольте мне немедленно заявить, что символичный, или человеческий, класс жизни, в громадной степени находится под контролем невежественных, скрытых, часто патологических. , факторов, *неподконтрольных общественности*, большинство представителей которой совершенно невинны. В человеческом символическом классе жизни никто не является полностью свободным, все наши жизни сплетены во взаимозависимые человеческие отношения. Зависимость от этих сил, которые на данный момент остаются скрытыми и *недоступность их для контроля общественности* составляют ужасную опасность для всех. Совершенно иначе обстоят дела с научным, просвещенным общественным мнением со взрослыми стандартами оценки, сформулированными будущей координацией науки и Лиги Наций. Такие мнения великого большинства останутся мнениями, или утверждениями о стандартах оценки, которые любой член Лиги Наций может принять или отвергнуть; однако после этого, он будет обязан открыто изложить собственные стандарты оценки и принять осознанное решение действовать в соответствии или вразрез с ними, или же попробовать просветить таки мнение остальной части рода человеческого. Естественно, и речи не может идти о «супергосударстве» или «контроле», речь идет только о всеобщей потребности

в осознанном и открытом выражении позиции каждой нации по каждой теме. Остальное будет сделано общественным мнением, как только оно будет призвано к действию.

Я не являюсь пацифистом в принятом смысле этого слова. В животном, инфантильном, или *A* обществе, это было бы не только невозможно, но и просто глупо. Как раз наоборот, я с отвращением смотрю на те инфантильные стандарты, в соответствии с которыми проводятся войны. Так, наши правители и военачальники, спонсируемые коммерцией, как маленькие мальчики, устраивают войны, как какие-то игры, и таким образом им удается убедить нас в их нужности. В последовательном обществе, война должна быть максимально безжалостной в отношении ко всем. Если кто-то хочет войны, он должен последовательно взять на себя обязанность воплотить все ее последствия. Однако такой подход не устраивает наших инфантильных правителей; они знают, что когда малыши играют в войну, и одна группа начинает проявлять излишнюю жестокость, другая просто отказывается играть, и войнушка на этом заканчивается.³ И весь этот извращенный «гуманизм» лишь способствует войне, потому что, в условиях беспредельных рамок современной войны, люди довольно скоро пришли бы в себя и отказались бы страдать ради выгоды немногих своих представителей. Так что я далек от того, чтобы быть пацифистом в *A* смысле этого слова.

Однако почему наши судьбы должны зависеть от случайной и примитивной структуры языка, которым мы пользуемся. , находится за рамками моего понимания. Я гарантирую, что если мы примем такие-то и такие-то постулаты, двухзначные эл структурно противоречащие фактам *A* «логики», «психологии». , то мы получим прежние, слишком хорошо нам известные последствия, которые мы в своем невежестве так долго насильственно вводили в жизнь людей.

Но если же мы поставим все системы и все «логики». , на новые *A* основания, которые являются структурно более близкими к фактам жизни (1933), то все прежние выводы могут запросто оказаться прямо противоположными. Проблема, стоящая перед человечеством теперь – является или нет новая *A*-система более подобной по структуре миру и нашей нервной системе, чем прежняя. От ответа на этот вопрос зависит будущее цивилизации.

С текущей точки зрения, нам следовало бы основать в Лиге Наций постоянно действующий *A* или научный департамент, укомплектованный несколькими лучшими учеными от каждой страны, которые были бы в курсе не только достижений в собственной сфере знаний, но также и координировали бы знания на общих структурных и эпистемологических основаниях. Этот департамент обладал бы международно признанным авторитетом в отношении современных пересмотренных и скоординированных стандартов оценки, которые можно было бы публиковать на специальных мероприятиях. Нынешние разногласия и отсутствие координации между различными отраслями знания становятся действительно тревожными симптомами, вредными для человечества, поскольку в 1933 году ни один отдельно взятый индивидуум не может взять на себя роль координатора в таком деле. Члены этой группы должны избираться университетами каждой страны. Проводя исследования, совместные проекты и получая результаты, человечество в целом определило бы самые надежные научные и *A* мнения на каждый текущий момент, и затем выработало бы некие определенные и сознательные стандарты оценки, на которые можно было бы ориентироваться.

Современное «голосование» обладает некоторыми преимуществами в местных делах, однако, когда ограниченность его обоснованности не понимается, оно становится серьезной опасностью для человечества. Так, если мы все болеем, или если мы хотим построить мост, мы обращаемся к специалистам за их научным содействием; вряд ли мы при этом стали бы рассчитывать на невежественных избирателей. Точно также, в *A* научной цивилизации главные проблемы человечества должны анализироваться научными специалистами, которые будут давать определенные рекомендации для принятия или отвержения их, смотря по обстоятельствам; и невежественный избиратель будет получать в распоряжение беспристрастное, безличное и ответственное мнение международных научных специалистов, для сравнения его с путаными речами местных невежественных политиков.

С целью содействия подобным будущим *A* мероприятиям, было основано Международное неаристотелево общество. Есть надежда, что вскоре работники научной, образовательной,

«умственно» гигиенической, . сфер начнут объединяться на местной и национальной $\bar{A}$ основе. Позже, Международные конгрессы объединят местные общества, которые в конце концов будут организованы в постоянное учреждение, вероятнее всего, в рамках Лиги Наций.

В процессе формулирования вышеизложенной системы мне пришлось сделать любопытное наблюдение; а именно, что те утверждения, которые, к примеру, являются вполне законными для английского языка, несмотря даже на то, что они, вероятно, являются общими для всех индоевропейских языков, применимы к ним в разной степени.

Я близко знаком с шестью языками, двумя славянскими, двумя латинскими и двумя тевтонскими, а также с психо-логическими наклонностями этих групп. И я пришел к сильному подозрению о том, что тонкие отличия в структуре этих языков и их использовании связаны с семантикой этих национальных групп. Исследование этой проблемы, по моему мнению, могло бы открыть великие семантические возможности и даже стать основанием для понимания международных психо-логических различий. Сформулировав это однажды, мы придем к лучшему взаимному пониманию, особенно если будет предпринят семантический $\bar{A}$ пересмотр этих различных языков. Насколько мне лично известно, эта область исследований является совершенно новой и очень обещающей.

Читателю должно быть очевидно, что выполнение подобной обширной программы действий находится за рамками возможностей отдельного человека, так что ваш автор надеется, что общественность проявит интерес к этой идее.

И если $\bar{A}$ -система не достигнет ничего другого, кроме привлечения внимания человечества к некоторым забытым проблемам; если она не сделает ничего, кроме указания направления пути, не к панацее, но к возможным способам выполнения быстрой, конструктивной и единой научной программе, с помощью которой можно будет избежать будущих катастроф или хотя бы смягчить их – автор будет удовлетворен.